

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 3 (36) 2019

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2019

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№3 (36) 2019
Ноябрь 2019**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 09.02.2020 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 15,6

Тираж 300 экз.

Заказ № 130080

Отпечатано в типографии ИП Крючкова С.Г.
620062, г. Екатеринбург,
ул. Первомайская, 77ж

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте**

www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
в Объединенном каталоге «Пресса России»**

Цена свободная

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Сагади Булекбаев – Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Алма-Аты, Казахстан

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Ольга Малинова – Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Михаил Малышев – Автономный университета штата Мехико, Толука, Мексика

Виктор Мартьянов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Сянмэй Сюй – Институт по изучению партийной истории и литературы при ЦК КПК, Пекин, КНР

Лидия Тимофеева – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
№3 (36) 2019
November 2019**

Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malysheva Street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on February 9, 2020
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 15,6
Issues – 300
Order # 130080

Printed by typography
of individual entrepreneur S.G. Kryuchkova
ul. Pervomajskaya 77 Zh
Ekaterinburg, 620062, Russia

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index
in the United Catalog «Russian Press» 71227**

Free price

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Sagadi Bulekbaev – Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Alexander Chumakov – Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Olga Malinova – Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail Malyshev – Autonomous University of Mexico, Toluca, Mexico

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Lydia Timofeeva – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Xiangmei Xu – Institute for the Study of Party History and Literature at the CPC Central Committee, Beijing, China

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

№ 3 (36)

Тропы метода

Михалев А.В.

Новая Большая игра как неоколониальный дискурс 10

Табаринцева-Романова К.М.

«Новые» виды дипломатии XXI в.:

культурная дипломатия в современном международном дискурсе 26

Ковба Д.М., Грибовод Е.Г.

Теоретические аспекты феномена трансгуманизма:

основные направления 38

Воробьева С.Н.

Мистическая символика числа в контексте религиозного дискурса

(на примере апокрифа «Хождение Зосимы к рахманам») 53

Линде А.Н.

Обоснование нового подхода к критическому дискурс-анализу:

кейс публичных слушаний в РФ 63

Парадигмы и процессы

Кожемякин Е.А., Степаниденко М.С.

Политика визуализации и визуализация политиков:

медиарепрезентации кандидатов на пост Президента РФ в 2018 году 78

Пономарева Е.Г., Попадьева Т.И.

Тренды идентификации в молодежной среде

Боснии и Герцеговины и Северной Македонии 98

Дьякова Е.Г.

Консультативно-совещательные органы

«на расстоянии вытянутой руки»:

институционализация самостоятельности

(на примере Свердловской области) 120

Копоть Л.В.

Вербальные формы трансляции гендерной асимметрии 134

Аксенов И.В.

Институт референдума
в ряде стран Восточной Европы и России:
сравнительный анализ 143

Рецензии и рефераты

Прошина М.В.

Fake news как новый тренд
в политических коммуникациях 164

Энциклопедия «Дискурсология»

Русаков В.М., Русакова О.Ф.

Огонь 172

3 (36)

Tropes of Method

Mikhalev A.V.

New Great Game as a Neocolonial Discourse 10

Tabarintseva-Romanova K.M."New" Types of Diplomacy of the 21st Century:

Cultural Diplomacy in Modern International Discourse.....26

Kovba D.M., Gribovod E.G.

Theoretical Aspects of the Phenomenon of Transhumanism:

Main Directions 38

Vorobyova S.N.

Mystical Symbolism of Numbers in the Context of Religious Discourse

(On the Example of the Apocryphal "The Walking of Zosima to the Rahmanas").....53

Linde A.N.

Justification of a New Approach to Critical Discourse Analysis:

The Case of Public Hearings in Russia 63

Paradigms and Processes

Kozhemyakin E.A., Stepanidenko M.C.

Visualization Policy and Visualized Politicians:

Media Representations of the Candidates for President of Russia In 2018 78

Ponomareva E.G., Popadeva T.I.

Youth Identity Trends

in Bosnia and Herzegovina and North Macedonia.....98

Dyakova E.G.

Advisory Bodies

"at Arm's Length":

Institutionalization of Autonomy

(On the Example of the Sverdlovsk Region).....120

Kopot L.V.

Verbal Forms of the Transmission of Gender Asymmetry 134

Aksenov I.V.

The Institute Of Referendum
in Several Countries of Eastern Europe and in Russia:
A Comparative Analysis 143

Reviews and Abstracts

Proshina M.V.

Fake News as a New Trend
in Political Communications..... 164

Encyclopedia «Discoursology»

Rusakov V.M., Rusakova O.F.

Fire 172

НОВАЯ БОЛЬШАЯ ИГРА КАК НЕОКОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС*

Михалев Алексей Викторович,

Бурятский государственный университет,
директор Центра изучения политических трансформаций,
доктор политических наук,
Улан-Удэ, Россия,
ORCID: 0000-0001-7069-2338,
E-mail: mihalew80@mail.ru

Для цитирования: Михалев А. В. Новая Большая игра как неокOLONиальный дискурс // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 10–25. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10301

Аннотация

Статья посвящена дискурс-анализу Новой Большой игры. Это явление анализируется как неокOLONиальный дискурс, сформированный западными экспертами для объяснения экспансии в регионе. В данном исследовании Новая Большая игра рассматривается как корпус политических текстов о центральной Азии и Кавказе. В качестве методологической основы для исследования была выбрана постколониальная теория с опорой на работы Х. Бхабха, Э. Саида. Данная теория использована во взаимосвязи с антиимпериалистическими концепциями Э. Лакло, Ш. Муфф, Н. Хомского. Автор этой статьи предпринимает попытку ответить на вопрос: является ли Новая Большая игра метафорой, заимствованной из эпохи колониализма, или особой системой знания о политике? Не менее важным является вопрос о том, насколько валидно представление о мире, формируемое в текстах анализируемого нами дискурса. В ходе исследования, проведенного на основе дискурс-анализа, сделан вывод о том, что Новая Большая игра представляет собой модель объяснения политических процессов в постсоветской Центральной Азии. Для анализа были выбраны три узловые точки анализируемого дискурса: дихотомия «демократии vs автократии», ресурсная объективация и идея территориального контроля. Новая Большая игра как политическая онтология заимствовала основные идеи из классической геополитики XIX века, поэтому в рамках данного дискурса большое значение имеет география и представления о политическом пространстве, которые формируются заново. Категории «Большая Центральная Азия», «Центральная Евразия» стали широко употребляться вместо привычных географических терминов

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00502.

советской эпохи. По нашему мнению, все это, наряду с проблемой дискурсивной легитимности политических режимов в этом регионе, является ключевым антагонизмом, определяющим условия и характер борьбы за гегемонию в Азии. Подобные оппозиции формируют проекцию колонизатор-колонизуемый в условиях нового империализма 2000-х годов. Основными атрибутами дискурса Новой Большой игры, в силу исторических условий формирования этого термина, являются империализм и колониализм.

Ключевые слова:

Новая Большая игра, дискурс, колониализм, империализм, власть, гегемония, постколониальный анализ.

UDC 325.3

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10301

NEW GREAT GAME AS A NEOCOLONIAL DISCOURSE

Mikhalev Alexey Viktorovich,

Buryat State University,
Director in Centre of Political Transformation Studies,
Doctor of Political Sciences,
Ulan-Ude, Russia,
ORCID: 0000-0001-7069-2338,
E-mail: mihalew80@mail.ru

To cite this article: Mikhalev, A.V. (2019). Novaya Bol'shaya igra kak neokolonial'nyj diskurs [New Great Game as a Neocolonial Discourse]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(36), 10–25. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10301

Abstract

The article is devoted to a discourse analysis of a New Great game. This concept is analyzed as a neocolonial discourse, formed by Western experts for explanation of the expansion in the region. The New Great game is considered in this research as a summary of political texts on Central Asia and the Caucasus. The postcolonial theory based on the works of H. K. Bhabha and E. W. Said has been chosen as its methodological background. This theory has been used in the interrelation to anti-imperialist conceptions of E. Laclau, S. Mouffe. The author of this article tries to answer the question: Is the New Great game a metaphor borrowed from the colonial era or a specific system of knowledge on politics? No less important is the issue of the degree of validness of the world representation formed in the texts of the discourse we are analyzing. During the research carried out on the basis of the discourse analysis, the conclusion has been drawn that the New Great game is a model explaining the political processes in the post-Soviet Central Asia.

Three key points of the analyzed discourse have been selected for the analysis: a dichotomy “democracy vs autocracy”, a resourceful objectiveness and an idea of territorial control. The New Great game as a political ontology borrowed the basic ideas from the classical geopolitics of the 19th century, therefore within this discourse geography is of great importance as well as the representations of political space which are formed anew. The categories “Greater Central Asia”, “Central Eurasia” have begun widely used instead of the common geographical terms of the Soviet era. In our opinion, all of this, along with the problem of the discoursing legitimacy of political regimes in this region is a key antagonism determining conditions and nature of the struggle for hegemony in Asia. Such oppositions form a projection colonist-colonized under the conditions of new imperialism in the 2000s. The main attributes of the discourse of the New Great game, due to the historical conditions of this term’s formation, are imperialism and colonialism.

Keywords:

New Great Game, discourse, colonialism, imperialism, power, hegemony, postcolonial analysis.

Представленная статья посвящена дискурс-анализу Новой Большой игры (New Great Game) как неокOLONиальной теории, при помощи которой описываются политические процессы на территории современной Центральной Евразии. Термин Новая Большая игра рассматривается в политической науке в двух ракурсах: как метафора и как аналитический концепт. Однако оба случая объединяет одно: Новая Большая игра популяризируется и становится категорией, используемой в процессе принятия политических решений. Это свидетельствует о том, что она стала четко оформившимся политическим дискурсом со своей внутренней логикой и системой аргументации.

Впервые о Новой Большой игре в научной литературе начали писать с первой половины 2000-х годов (Рашид, 2003). Начиная с 2000-х годов, о современной Большой игре было снято несколько документальных и научно-популярных фильмов, опубликованы десятки статей в СМИ и в научных изданиях. В рефлексии в рамках данной системы интерпретации политики вовлечено большое количество интеллектуалов из Великобритании, США, России, а также из региона, на территории которого этот феномен локализуется. Популярность данного дискурса обусловлена его относительной логической простотой.

Основная гипотеза данного исследования заключается в том, что дискурс Новой Большой игры *de facto* ведет к реабилитации колониального нарратива, а вместе с ним и империализма. Как антипод постколониальных исследований концепция Новой Большой игры вполне определенно ставит во главу угла проблему контроля над экспортом и импортом природных ресурсов. В итоге на уровне публичных риторик анализ политики сводится к гиперболизации значения доступа к тем или иным природным ресурсам. Другой аспект связан с эпистемологическими границами: следуя логике XIX века, теоретики современной Большой игры совершенно игнорируют постколониальный дискурс. Характеризуя данную ситуацию, Мэтью Эдвардс высказывал опасение о том, что масштабная экспансия этого термина несет угрозу адекватному пониманию

современной ситуации в Центральной Азии, потому что он содержит в себе определенную «интеллектуальную ловушку» (Edwards, 2003), предоставляя наиболее легкий путь для интерпретации. Эдвардс отмечает: «И к концепции Новой Большой игры, и к дисциплине геополитики нужно относиться интеллектуально и академически строго, поскольку реальность такова, что на протяжении большей части последнего десятилетия это не делалось эффективно» (Edwards, 2003, p. 97).

Изучению Новой Большой игры посвящены работы М. Ахрари (Ahrari, 2002), В. де Китспоттера (Китспоттер, 2005), Л. Кливмана (Kleveman, 2003), А. Кулей (Cooley, 2012), М. Ларюэль (Laruelle, 2013), Р. Менона (Menon, 2003), А. Рашида (Рашид, 2003), Н. Сванстрёма (Swanstrom, 2005), М. Эдвардса (Edwards, 2003), Чжен-кун Фу (Fu, 2010). Работы этих авторов представляют собой совокупность радикально отличающихся друг от друга взглядов. Некоторые из них, например, М. Эдвардс, предпринимают попытку критически взглянуть на изучаемый ими феномен (Edwards, 2003), рассматривая его как определенный дискурсивный порядок. Под термином «Новая Большая игра» он понимает совокупность суждений о том, каким образом может быть интерпретирована политика на современном Востоке. Э. Уолберг в своей работе «Постмодернистский империализм: геополитика и Большая игра» считает Большую игру удобной метафорой для описания новых геополитических реалий, образовавшихся после распада Советского Союза (Walberg, 2001).

Другие исследователи, такие как П. Бробст, В. де Китспоттер, Н. Свантстрём, видят в Новой Большой игре научный инструментарий вполне релевантный происходящему в изучаемом регионе. Рассматривая истоки формирования современной политической ситуации на Востоке, П. Бробст описывает взгляды британского губернатора Северо-Западной приграничной провинции Олафа Кэро. Бробст проводит рецепцию геостратегических взглядов О. Кэро на современную ситуацию (Brobst, 2005). В работах данных исследователей «реанимируется» классическая геополитика в близком к теории реализма формате. Например, Н. Свантстрём, со ссылкой на китайских аналитиков, оперирует термином жизненное пространство (Lebensraum) (Swanstrom, 2005). В его понимании Новая Большая игра – это борьба государств, транснациональных корпораций и преступных синдикатов за доступ к природным ресурсам и к каналам их транспортировки. В то же время странам Центральной Азии в этих процессах отводится второстепенное (подчиненное) значение. При этом азиатские авторы М. Ахрари, А. Рашид, Чен-кун Фу занимают гораздо более жесткую экспансионистскую позицию, сводя Новую Большую игру к геополитике ресурсов и борьбе мировых держав за доминирование в регионе.

Несмотря на популярность данного концепта в российских СМИ, количество научных исследований на данную тему в нашей стране невелико. В большинстве отечественных текстов отношение к этой модели строится на уровне метафоры. И чаще всего термин остается лишь в названии текста и дальнейшего развития не получает. Едва ли не единственной попыткой анализа данного дискурса является книга А. А. Казанцева, который также отсылает нас к метафоре, апеллируя к серьезным отличиям современной ситуации от «Большой игры» XIX века (Казанцев, 2008, с. 101–102). «Новая Большая игра» успешно натурализировалась в аналитических изданиях, обслуживающих бизнес и государство,

а не критичное отношение к данному термину привело к его популяризации в СМИ.

Учитывая масштаб анализируемой проблемы и ее роль в публичном пространстве, мы опираемся на следующий *комплекс источников*, используемых для дискурс-анализа:

- 1) материалы российских и зарубежных СМИ, специализирующихся на внешнеполитической проблематике;
- 2) опубликованные аналитические материалы государственных органов, опирающиеся на концепцию Новой Большой игры;
- 3) академические исследования, теоретизирующие или использующие Новую Большую игру как метафору.

Методология исследования

Эпоха постколониальных исследований сформировала набор теоретического инструментария, посредством которого становится возможным понимать и анализировать современные колониальные и империалистические дискурсы. При этом критика постколониальной теории в рассматриваемом нами случае остается вне нашего внимания. Дело в том, что Большая игра и ее современная производная являются продуктом эпохи колониализма и однозначно требуют внимания именно в русле постколониальной методологии. Эпоха Р. Кипплинга и А. Конолли сформировала ядро знаковой системы, посредством которой сегодня формируется представление о Новой Большой игре. Написанные в XIX веке тексты стали вновь востребованы в XXI веке. Империализм и экзотизация являются характерными чертами Большой игры XIX века, унаследованными ее новой редакцией.

Говоря об изучаемом нами регионе, мы разделяем мнение Л. Адамс о допустимости применения постколониальной теории к ее современным политическим реалиям (Adams, 2008). В центре внимания постколониальных исследований почти всегда находится человек (колонизируемый или колонизатор). Пристальное внимание уделяется проблемам доминирования, дискриминации, расы и пола. В дискурсе неоимпериализма в качестве подчинённых выступают уже целые государства, которым приписываются различные черты, на основе которых формируется определенная иерархия, поэтому интерес представляет проблема права того или иного субъекта международных отношений говорить и быть услышанным (например, в праве говорить и быть услышанными отказывают азиатским автократиям). В рассматриваемой нами ситуации неоколониализма большая часть центральноазиатских авторов оперирует языком Новой Большой игры, поддерживая и укрепляя эту форму знания о неевропейском мире, поэтому важной операциональной категорией для нас является гегемония, которую мы понимаем как переартикуляцию дискурсивных антагонизмов и формирование определенной унификации (Laclau, Mouffe, 1985). В результате этого достигается согласие колонизируемого субъекта с навязанным ему колонизатором дискурсивным порядком.

В такой ситуации индивид отходит на второй план, уступая место государству или ТНК. Это закрепляет неравенство мировых и региональных политических акторов, описываемое языком империализма, дискурса борьбы

и политического доминирования. Исходя из этого, Новая Большая игра рассматривается нами как способ формирования представлений о политическом в постсоветской Центральной Азии от Афганистана до Монголии.

Сегодня Новая Большая игра – это набор различных текстов, описывающих политику вне Запада языком империализма. Данные тексты воспроизводятся в достаточно благоприятном для них контексте «вакуума власти», вооруженных конфликтов и взаимных претензий на территории т. н. «Большой Центральной Азии» (см. Edwards, 2003, p. 87). Последняя категория представляет интерес как пример изобретения границ и пределов гегемонии, позволяя раздвигать границы до необходимых пределов. По мере разрастания политического противостояния и появления новых очагов напряженности «Большая Центральная Азия» уступила место «Центральной Евразии». Многообразие же содержания написанного о Новой Большой игре, позволяет говорить о ней как о некоей многомерной реальности, существующей в границах текстов о ней. Подобное положение вещей наиболее полно охарактеризовал Б. Ашкрофт: «Иными словами, текст – нечто большее, чем просто знаки на странице, он реализуется через участие социальных субъектов, обозначаемых как писатели и читатели, которые конституируют письмо как определенный тип коммуникации, как «говорение» определенных вещей» (Ашкрофт, 2005, с. 73). В определенном смысле язык колонизатора колонизирует сознание колониального субъекта. Возникает вопрос: кто выступает в качестве колонизатора? При этом здесь же нужно отметить, что категориальный аппарат данного дискурса до конца не сформирован. Словарь Новой Большой игры по сей день дополняется как за счет терминов имперской геополитики, так и за счет некоторых сугубо локальных категорий.

Дискурс Новой Большой игры формирует представление о пространстве и его назначении. С одной стороны, существует богатый ресурсами азиатский регион, а с другой – мировые державы, нуждающиеся в данных ресурсах. Особенность такой политической географии XXI века заключается в том, что в набор мировых держав включаются Китай и Индия, что было невозможно в XIX веке. Но и в этой ситуации напрашиваются ассоциации с ориентализмом в понимании Э.В. Саида. В пространстве Новой Большой игры Азия – это далеко уже не карта и словарь, а набор полезных ископаемых, охраняемых местными автократиями. Автократичность власти в системе миропонимания Новой Большой игры выступает как основа культурных различий между современным Востоком и Западом.

Все это определило целесообразность выбора исследовательского инструментария – дискурс-анализа (модель Э. Лакло и Ш. Муфф) (Laclau, Mouffe, 1985). В этом контексте Новая Большая игра выступает как определенная форма интерпретации и понимания политических процессов, протекающих в Центральной Азии и на Кавказе, и по мере успешной их интерпретации генерализирующаяся на Ближний Восток и даже на Северо-Восточную Азию. De facto Новая Большая игра – это система значений, наиболее приемлемо описывающих борьбу мировых держав за гегемонию вне западного мира. Большая игра XIX века безапелляционно рассматривается как историческая объективность в отличие от Новой Большой игры, которая стремится к тому, чтобы стать, в терминологии Э. Лакло и Ш. Муфф, объективным дискурсом. Под данным термином понимается настолько прочно утвердившийся способ понимания

мира, что он становится безусловным. Примером объективного дискурса в нашем случае выступает «старая» Большая игра, в то время как дискурс Новой Большой игры все еще формируется и занимает все более прочные позиции в сфере политической экспертизы и журналистики. В данной работе мы попытаемся определить артикуляции в дискурсе Новой Большой игры, т. е. то, каким образом устанавливаются действия среди элементов дискурса так, что идентичность знаков меняется (Laclau, Mouffe, 1985). Мы выделяем три, на наш взгляд, важные узловые точки дискурса Новой Большой игры: дихотомия «демократия vs автократия», ресурсная объективация, идея территориального контроля.

Демократия vs автократия

Противопоставление демократии и автократии в дискурсе Новой Большой игры представляет собой основную дихотомию колонизатора – колонизируемого субъекта, Запада – Востока. При этом речь зачастую идет о вполне определенной культуртрегерской позиции колонизатора. Колонизатор выступает в качестве транслятора демократических ценностей, а так же как основной эксперт, оценивающий степень демократичности того или иного общества. Подобное понимание мира для колонизатора зачастую является безусловным.

Разделение на демократии и автократии в условиях Новой Большой игры открывает возможности для применения в будущем легитимного насилия в форме гуманитарной интервенции (о данной категории см. Chomsky, 1993–1994). В данной ситуации отсутствие демократии и нарушения прав человека акцентируются и экзотизируются, по нашему мнению, для делегитимизации политических режимов в Центральной Азии и на Кавказе. При этом демократия рассматривается как единственная модель, в рамках которой возможна легитимная власть. Подобный критерий зачастую вступает в противоречие с политическими традициями региона, но все же номинируется как необходимый «общий знаменатель» для всего многообразия политических режимов в пространстве Новой Большой игры.

Язык описания политического в условиях Новой Большой игры является существенно упрощенным, особенно в вопросах, касающихся правящих режимов в странах Центральной Азии. Противопоставление восточной деспотии и западной демократии, выведенное из природно-исторических условий, является отличительной чертой нового колониализма. Особенно ярко данная дихотомия показана в книге Л. Клизмана, который особое внимание уделяет сталинским репрессиям и сибирскому холоду, таким образом ориентализируя постсоветское пространство. В книге очень подробно описан политический режим Туркменистана, а также культ личности Туркменбаши (Kleveman, 2003).

Схожую точку зрения высказывает Винсан де Китспоттер: «Тем не менее, одной из главных характеристик нынешних центральноазиатских режимов являются сильные традиции авторитаризма, коррумпированности элит, а также неуважения к закону и правам человека. Более того, центральноазиатские государства, за исключением Казахстана, являются одними из беднейших государств мира, а значит, представляют собой плодородную почву для развития радикальных мусульманских движений» (Китспоттер, 2005, с. 88).

М. Ахрари, характеризуя государства Центральной Азии, пишет: «Культурно и исторически, эти страны представляют племенные и кочевые сообщества, которые не имели возможности для свободного существования. Царский режим включил их в свою империю, и когда имперское правление пришло к кровавому концу, пришедшие им на смену коммунистические «цари» оказались столь же решительными и не менее безжалостными в поддержании системы колониального господства и подчинения в этих странах» (Ahrari, 2002, с. 23). Подобная аргументация наиболее полно характеризует стиль описания политического пространства Центральной Азии и Кавказа, а также объясняет специфику политических режимов стран – участников Новой Большой игры. Отсюда возникает империалистская идея смены одной метрополии на другую, при этом сами прежние колонии не рассматриваются как полноправные субъекты новых отношений.

Важным сюжетом в текстах о Новой Большой игре является противопоставление ШОС и НАТО. Такая дихотомия представляет собой рецепцию колониальной модели Восток – Запад, а также схемы «деспотия vs демократия». Так, С. Бланк отмечает: «В то же время вторая четкая цель ШОС заключается в создании коллективной, практически единодушной позиции ее членов о том, что Вашингтон не должен вмешиваться в их внутренние договоренности. Иными словами, она (ШОС – *А.М.*) функционирует, в частности, как организация взаимной защиты и предоставления международной легитимности ее членам, которым ее не хватает и которые ее так жаждут. Все члены поддерживают сохранение status quo и объединились, чтобы отвергнуть призывы внешних заинтересованных сторон, таких как Вашингтон, выступающих от лица демократических норм» (Blank, 2012, p. 151).

Дискурсивная борьба за демократию, связанная с политикой номинации политических режимов в регионе Новой Большой игры, связана в том числе с борьбой за доступ к ресурсам. Называя те или иные политические режимы автократиями, диктатурами, а также говоря о коррупции и трайбализме, новые империалисты имплицитно предполагают, что подобные эпитеты лишают государства права легитимно распоряжаться ресурсами своей страны. Модель данной аргументации сводится к следующему упрощению: автократии распоряжаются ресурсами не в интересах населения, соответственно их право на эти ресурсы нелегитимно. Однако в случае присутствия иностранных корпораций в стране и умеренного дистанцирования от участия в ШОС подобная позиция радикально меняется, несмотря на коррупцию и трайбализм. Именно поэтому некоторые из стран данного региона не вполне объективно оказываются «оазисами демократии» (например, Монголия), другие же просто именуются коррумпированными режимами или диктатурами (Fish, 2001).

Отличие дискурса современной Большой игры (от XIX века) в том, что декларируется равноправное участие в данном процессе (как субъектов) разнообразных политических акторов (местных автократий, ТНК, радикальных группировок) (Kleveman, 2003). Именно поэтому весьма колониальная по своему характеру система понимания политических процессов в регионе находит себе поддержку в среде политологов и журналистов в странах Центральной Азии и Кавказа.

Терминологический словарь Новой Большой игры формирует прежде всего политические различия, культурные же различия, на которые обращала внимание классическая постколониальная теория, остаются на втором плане. Это связано и с отличием текстов времен Новой Большой игры от текстов классического колониализма эпохи Р. Киплинга. Формирование политического «Другого», отличного от европейского или американского стандарта, предполагает его нелегитимность как раз в силу своего отличия. В итоге возникает вопрос: ради чего производится подобное разграничение?

Борьба за ресурсы

Пространство Новой Большой игры – это карта нефтяных и газовых месторождений, это пространство транспортных артерий, соединяющих Европу и Азию. В основе модели описания политики лежит статистика объемов добычи и протяженности нефтепроводов и газопроводов. Подобный подход реанимировал понятие нефтеимпериализма (Oilimperialism), получившее широкое распространение как в современных СМИ, так и в академических текстах. В качестве субъектов Новой Большой игры выступают страны, которые борются за доступ к ресурсам, это наиболее крупные экономики мира, либо энергетические державы, а также транснациональные корпорации. Объектом же этой борьбы выступают собственно страны Центральной Азии, либо занимающие важное стратегическое положение в регионе, либо богатые природными ресурсами. Таким образом, наличие/отсутствие ресурсов выступает основным критерием неравенства в условиях субъект-объектной диспозиции дискурса Новой Большой игры.

Большая часть представлений о Центральной Азии и протекающих на ее территории процессах, впоследствии создавших дискурс Новой Большой игры, формировалась в 1990-е годы. В то время доступ к ресурсам этого региона, как и Кавказа, казался сравнительно легким в силу того, что часть государств региона находилась в состоянии конфликта. Безопасность в условиях этих конфликтов требовала финансовых вливаний, поэтому цены на нефть и минеральные ресурсы зачастую были демпинговыми (Kleveman, 2003), поэтому до начала XXI века большая часть текстов была посвящена проблемам суверенитетов. Однако усиление в 2000-е годы российского присутствия в регионе существенно изменило риторику западных экспертов.

Новая Большая игра как способ политического воображения все более концентрируется на проблемах формирования новой модели добычи и перераспределения природных ресурсов Азии. При этом системный мониторинг военно-политических вызовов и угроз в отношении крупнейших месторождений убедительно дополняет общую картину геополитики неоимпериализма. В частности, Раджан Менон отмечает: «В то время как новые источники энергии для стран-импортеров нефти приостанавливают углеводородную гегемонию арабских стран Персидского залива, открывая путь к процветанию для каспийских экспортеров энергоносителей, строителей трубопроводов и насосных станций, они также создают заманчивые цели для диверсантов и воинствующих государств» (Menon, 2003, p. 188). Данную схему политического воображения наиболее емко охарактеризовал Э.В. Саид: «Из подобных утверждений вырастает

часто разделяемое представление о Востоке как о географическом пространстве, которое нужно возделывать, пожинать там плоды и охранять его» (Саид, 2006, с. 338). Такое понимание международных отношений в азиатском регионе ведет к все большему упрощению в понимании событий, разворачивающихся в азиатской части постсоветского пространства. Понятные и удобные знаково-символические системы, отсылающие к прошлому, которыми пользуются экономисты, политологи и журналисты при описании событий в обозначенном регионе, становятся все менее релевантными происходящим процессам.

По мнению большинства западных авторов Новая Большая игра ведется за перераспределение различного рода ресурсов – минеральных, энергетических, инфраструктурных. Все они оказались локализованы на территории новых независимых государств Центральной Азии и Кавказа и стали привлекать внимание крупнейших экономик мира. Конкуренция за доступ к ним стала основной движущей силой Новой Большой игры (Mullerson, 2007). На протяжении длительного времени Советский Союз монополично владел этими ресурсами, диктуя цены на них и условия доступа к ним. После его распада появилась возможность для разнообразия в сфере предложений и цен на минеральные ресурсы со стороны государств данного региона. Значительная часть публикаций по данной тематике выносит в название проблему углеводородов и экспансии.

Определяя Новую Большую игру, А. Рашид пишет: «Современная Большая игра также происходит между империями, которые расширяются и сжимаются. В то время как разоренная и ослабевшая Россия пытается сохранить контроль над границами Средней Азии, которые она по-прежнему считает своими, и регулировать поток каспийской нефти по трубопроводам, идущим по российской территории, США предлагают трубопровод в обход России и таким образом совершают прорыв в этот регион» (Рашид, 2003, с. 201).

Согласно Л. Кливману: «Термин «Новая Большая игра» описывает современное соперничество великих держав за влияние на распределение энергетических ресурсов Центральной Азии и варианты пролегания трубопроводов. Большинство экспертов сводит значение этого термина к простому «энергетическому империализму», рассматривая проблему исключительно с точки зрения нефтяных запасов» (Kleveman, 2003, p. 304). Метафора времен колониализма о сокровищах Востока в XXI веке сведена к наличию углеводородов. Современная Большая игра как дискурс опирается на цифры нефтедобычи и карты нефтепроводов. Подобный «нефтеимпериализм» представляет собой одну из попыток центрирования дискурса вокруг нехватки ресурсов и (не)легитимности их распределения.

В наиболее ранних работах (конец 1990-х – начало 2000-х гг.) Новая Большая игра интерпретировалась как борьба за «советское наследство». Это наследство преимущественно сводилось к запасам нефти, природного газа, а также в военно-политическом контроле над логистическими системами. При этом вне фокуса внимания оказывался огромный культурный слой советской эпохи. Дискурс Новой Большой игры весьма утилитарно и упрощенно представлял отношения между республиками в рамках СССР, некритично оперируя терминами «метрополия» и «колония» (Ahrari, 2002, p. 23).

Итак, Новая Большая игра как дискурсивная формация является проекцией ресурсного империализма. Ресурсный империализм представляет собой

важную составляющую дискурса, которая воспроизводится в большинстве текстов. Однако его нельзя считать главной доминантой дискурса, это скорее инструмент объективации региона и приписывания утилитарных смыслов отдельным политическим режимам. Все это возвращает теоретиков Новой Большой игры к временам классической геополитики, объясняющей мир через призму географического детерминизма, сочетая его с языком экспансии. В результате карта Новой Большой игры – это в большей степени пространство физической географии, в котором месторождения и трубопроводы сочетаются с военными базами стран – участниц геополитического противостояния.

Контроль территории

Дискурс Новой Большой игры формируется вокруг понимания контроля над территорией как одной из важных составляющих этой геополитической модели. Этот контроль представляет собой строительство новых транснациональных логистических систем, контролируя которые появляется возможность доминировать во всем регионе Центральной Азии и Кавказа. Такие проекты как «Новый шелковый путь» в первоначальном американском варианте были направлены на создание нового транснационального пространства (Starr, 2008). При этом новая модель маркирования территории вступала в антагонизм со старой советской моделью Средней Азии. Термины Большая Центральная Азия, Центральная Евразия были необходимы для переосмысления политической географии пространства Новой Большой игры. Каждая из категорий, появляясь в рамках анализируемого нами политического дискурса, существенно расширяет границы Новой Большой игры. Один из авторов нового дискурсивного порядка, реноминирующего постсоветскую Среднюю Азию, Фредерик Старр, пишет: «Большая часть остального мира принимала российскую терминологию, равно как и допущения, лежащие в ее основе, а именно то, что этот регион был определен с точки зрения территории в соответствии с российским контролем, а не в соответствии со своими внутренними географическими, культурными или экономическими свойствами» (Starr, 2008, p. 6). Новый дискурс был направлен на изменение представления о пространстве Новой Большой игры посредством других названий, а в результате и иного понимания границ регионов, юрисдикций и суверенитетов. В данной ситуации речь идет об артикуляции, т. е. о смене значений и попытке навязывания определенного нового единства значений.

В итоге эти значения оказываются распространены почти на весь евразийский континент. Ф. Старр отмечает: «...термин «Большая Центральная Азия» вписывается в этот лабиринт определений и коннотаций? Как и термин «Центральная Евразия», он представляет собой попытку уйти от узкого географического определения региона, предложенного для обсуждения СССР. Он принимается как действительность то, что в течение двух тысячелетий и Синьцзян, и Афганистан были составными компонентами культурной зоны, частью которой являются пять бывших советских республик. Он также допускает возможность еще более широкого определения, причем такого, которое включает, по крайней мере, провинцию Хорасан Ирана, северную часть Пакистана,

Монголию, такие российские регионы, как Татарстан, и даже часть северной Индии, простирающейся от Раджастана до Агры» (Starr, 2008, p. 6).

Основной антагонизм в данной узловой точке дискурса заключается в противопоставлении советских географических категорий современным американским. В такой ситуации право давать название региону, а вслед за этим и определять пределы вмешательства других заинтересованных этим пространством акторов, является свидетельством гегемонии субъекта, обладающего возможностью подобной номинации. Подобная возможность *de facto* открывает перспективы для легитимизации территориальной экспансии.

Смыслы территориальной экспансии в условиях современной Большой игры остаются теми же, что и в XIX веке – имперское господство и безопасность. В случае имперского господства речь идет о формировании новых крупных зон влияния, обозначение которых зачастую реанимирует понятие «жизненного пространства» (*Lebensraum*) (Swanstrom, 2005, p. 570). Несмотря на то, что после двух мировых войн данный термин достаточно сильно дискредитирован, в рамках Новой Большой игры он используется как вполне операциональный концепт. Чаще всего он востребован либо для обозначения амбиций Китая в данном регионе, либо при характеристике политики одного из государств региона, отстаивающего право на суверенитет от России. Понимание же безопасности в данной ситуации связано с политической географией региона и политикой номинации в отношении правящих режимов (см. Scott, 2008). Коррупция, свертывание централизация/децентрализация власти, несостоятельные государства (*state failure*) – все это формирует разные виды вызовов безопасности. Это угрозы суверенитету других государств, реализации крупных инфраструктурных проектов, бизнес интересам и т. п. В итоге стремление к минимизации этих вызовов формирует потребность контроля над территорией всего региона.

Дискурс Новой Большой игры является преемником классических геополитических теорий конца XIX – начала XX века (см. Scott, 2008, p. 3), поэтому значение пространств и их номинаций в рамках данной модели является ключевым. Рассматривая роль территориальной экспансии, М. Эдвардс отмечает: «Контроль над территорией, или по крайней мере гегемонии над территорией, имеет ключевое значение для целей Большой игры, ставкой в которой является имперское господство. Независимо от индивидуальных целей и колебаний успехов игроков, остается неизменным преимущество объективно-имперской безопасности и власти» (Edwards, 2003, p. 84).

Итак, дискурс Новой Большой игры принимает как объективность новые модели понимания пространства, предложенные в 1990–2000-е годы. Создание этих смыслов открывает возможности для геополитической экспансии, которая опирается на возможность колонизатора именовать и переименовывать колонизируемый субъект, вынуждая последнего принимать подобный порядок значений. Все это представляет собой особую форму экспертного знания, находящегося в антагонизме с предыдущей моделью понимания мира, в частности с советской. В сущности, эпоха Новой Большой игры положила начало «обновлению» политической географии Центральной Азии и Кавказа, вводя в оборот новые названия, символы и создавая совершенно иные по своему содержанию смыслы.

***

Исследования Новой Большой игры к концу 2000-х годов стали оформляться в особую форму экспертного политического знания о регионе Центральной Азии и Кавказа. Этот дискурс в процессе борьбы начинает занимать доминирующие позиции, подчиняя своей логике интерпретацию почти всей политической сферы в Центральной Азии. Объясняя современные процессы, протекающие в регионе, с позиций простых геополитических схем конца XIX – начала XX века, данный дискурс приобретает популярность в самых различных странах мира. Он все более упорядочивается, выталкивая на периферию одни тексты и выводя на уровень канона другие. В рамках Новой Большой игры появляется собственная онтология, претендующая на вполне научное описание мира со своими критериями релевантности и системности знания. Это знание структурирует достаточно сложный и неупорядоченный мир постсоветской политики. Большая игра – сравнительно старый и понятный термин, достаточно просто, если не сказать упрощенно, объясняющий происходящее в рамках этого сегмента неевропейского миропорядка. Его язык и ключевые артикуляции свидетельствуют о стремлении подчеркнуть гегемонию одних государств по отношению к другим. В ситуации этого доминирования ключевое значение имеет язык колониализма, которым описывается Новая Большая игра. В рамках этого дискурса терминология колониальной эпохи оказалась вновь востребованной и частично реабилитированной.

Новый категориальный аппарат, характерный именно для Новой Большой игры, до конца не сформирован. По сей день сложно отличить, в каком случае концепт «Большая игра» используется как метафора, а в каком имеется в виду империалистический и колониальный дискурс. На наш взгляд, Новая Большая игра является в большей степени интеллектуальной модой на империализм. Этот дискурс открывает широкие возможности для описания политики в Центральной Азии в силу того, что многие его термины давно натурализованы. В результате подобное понимание политики получает широкое распространение, а вслед за этим реабилитирует язык колониализма. Этот язык в современных условиях позволяет романтизировать описание противостояния мировых держав за право контролировать прежнюю сферу влияния СССР в Центральной Азии. При этом подмена терминов и недостаточная академическая строгость дискурса Новой Большой игры позволяют легитимизировать практически любые притязания на данный регион.

Новая Большая игра как способ мышления и метафора стала выходить за пределы Центральной Азии и Кавказа. Экспансия данного дискурса распространилась на все постсоветское пространство. Сегодня встречаются работы, посвященные Большой игре в Арктике или в Восточной Европе. В 2016 году появилась серия работ о Большой игре и конфликте на Украине. География Новой Большой игры растет, стремясь охватить почти всю мировую политику.

Список литературы

1. Ашкрофт, Б. (2005). Язык. *Abimperio*, 2, 69–100. doi: 10.1353/imp.2005.0079.

2. Бордачев, Т. (2016). Большая игра с позитивной суммой. *Россия в глобальной политике*, 14(4), 73–82.
3. Де Китспоттер, В. (2005). Большая игра в Центральной Азии. *Ядерный контроль*, 11(1), 81–102.
4. Казанцев, А.А. (2008). «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: Наследие Евразии.
5. Рашид, А. (2003). *Талибан: ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии*. М.: Русская книга.
6. Саид, Э.В. (2006). *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский Миръ.
7. Саид, Э.В. (2012). *Культура и империализм*. М.: Владимир Даль.
8. Adams, L. (2008). Can We Apply a Postcolonial Theory to Central Asia? *Central Eurasia Studies Review*, 7(1), 2–8.
9. Ahrari, M. E., & Beal, J. (2002). *The New Great Game in Muslim Central Asia*. Washington DC: University Press of the Pacific.
10. Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. London: Routledge.
11. Blank, S. (2012). Whither the new Great Game in Central Asia? *Journal of Eurasian Studies*, 3, 147–160. doi: 10.1016/j.euras.2012.03.005
12. Brobst, P. (2005). *The Future of the Great Game (Series on International, Political, and Economic History)*. Akron: University Of Akron Press.
13. Chomsky, N. (1993–1994). Humanitarian Intervention. *Boston review*, 18, 3–6.
14. Cooley, A. (2012). *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford-New-York: Oxford University Press.
15. Edwards, M. (2003). The New Great Game and the new great gamers: Disciples of Kipling and Mackinder. *Central Asian Survey*, 22(1), 83–103. doi: 10.1080/0263493032000108644
16. Fish, M. S. (2001). The Inner Asia Anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective. *Communist and Postcommunist studies*, 34(3), 323–338.
17. Fu, J. (2010). Reassessing a «New Great game» between India and China in Central Asia. *China and Eurasia forum quarterly*, 8(1), 17–22.
18. Kleveman, L. (2003). *The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia*. New York: Atlantic Monthly Press.
19. Laclau, E., & Mouffe, C. (1985). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
20. Laclau, E. (1990). *New Reflections on the Revolution of our Time*. London: Verso.
21. Laruelle, M. (2013). Central Asia as a Case study for a multipolar world. *Asia policy*, 16, 162–164. doi: 10.1353/asp.2013.0037
22. Menon, R. (2003). The New Great Game in Central Asia. *Survival: Global Politics and Strategy*, 45(2), 187–204. doi: 10.1080/00396338.2003.9688581
23. Mullerson, R. (2007). *Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game*. New York: Columbia University Press.
24. Scott, D. (2008). «The Great power» between India and China: «The Logic of Geography». *Geopolitics*, 13, 1–26. doi: 10.1080/14650040701783243
25. Starr, F. (2008). *In Defense of Greater Central Asia / Silk Road Paper*. Washington DC: Central Asia-Caucasus Institute.

26. Swanström, N. (2005). China and Central Asia: a new Great Game or traditional vassal relations? *Journal of Contemporary China*, 14(45), 569–584. doi: 10.1080/10670560500205001
27. Walberg, E. (2001). *Post Modern Imperialism: Geopolitics and the Great Games*. Atlanta: Clarity Press.

References

1. Adams, L. (2008). Can We Apply a Postcolonial Theory to Central Asia? *Central Eurasia Studies Review*, 7(1), 2–8. doi: 10.1353/imp.2005.0079
2. Ahrari, M.E., & Beal, J. (2002). *The New Great Game in Muslim Central Asia*. Washington DC: University Press of the Pacific.
3. Ashcroft, B. (2005). Jazyk [Language]. *Abimperio*, 2, 69–100.
4. Bhabha, H.K. (1994). *The Location of Culture*. London: Routledge.
5. Blank, S. (2012). Whither the new Great Game in Central Asia? *Journal of Eurasian Studies*, 3, 147–160. doi: 10.1016/j.euras.2012.03.005
6. Bordachev, T. (2016). Bol'shaja igra s pozitivnoj summoj [The Great Win-Win Game]. *Rossija v global'noj politike*, 14(4), 73–82.
7. Brobst, P. (2005). *The Future of the Great Game (Series on International, Political, and Economic History)*. Akron: University Of Akron Press.
8. Chomsky, N. (1993–1994). Humanitarian Intervention. *Boston review*, 18, 3–6.
9. Cooley, A. (2012). *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford-New-York: Oxford University Press.
10. De Kytspotter, V. (2005). Bol'shaja igra v Central'noj Azii [Great game in Central Asia]. *Jadernyj kontrol'*, 11(1), 81–102.
11. Edwards, M. (2003). The New Great Game and the new great gamers: Disciples of Kipling and Mackinder. *Central Asian Survey*, 22(1), 83–103. doi: 10.1080/0263493032000108644
12. Fish, M.S. (2001). The Inner Asia Anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective. *Communist and Postcommunist studies*, 34(3), 323–338.
13. Fu, J. (2010). Reassessing a «New Great game» between India and China in Central Asia. *ChinaandEurasiaforumquarterly*, 8(1), 17–22.
14. Kazancev, A.A. (2008). «Bol'shaja igra» s neizvestnymi pravilami: mirovaja politika i Central'naja Azija [Great Game with Unknown rules: world politics and Central Asia]. Moscow: Nasledie Evrazii.
15. Kleveman, L. (2003). *The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia*. New York: Atlantic Monthly Press.
16. Laclau, E., Mouffe, C. (1985). *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
17. Laclau, E. (1990). *New Reflections on the Revolution of our Time*. London: Verso.
18. Laruelle, M. (2013). Central Asia as a Case study for a multipolar world. *Asia policy*, 16, 162–164. doi: 10.1353/asp.2013.0037
19. Menon, R. (2003). The New Great Game in Central Asia. *Survival: Global Politics and Strategy*, 45(2), 187–204. doi: 10.1080/00396338.2003.9688581

20. Mullerson, R. (2007). *Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game*. New York: Columbia University Press.
21. Rashid, A. (2003). *Taliban: islam, neft' i novaja Bol'shaja igra v Central'noj Azii* [Taliban: Islam. Oil and New Great Game in Central Asia]. Moscow: Russkaja kniga.
22. Said, E. W. (2006). *Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka* [Orientalism]. St. Petersburg: Russkij Mir.
23. Said, E. W. (2012). *Kul'tura i imperializm* [Culture and Imperialism]. Moscow: Vladimir Dal'.
24. Scott, D. (2008). «The Great power» between India and China: «The Logic of Geography». *Geopolitics*, 13, 1–26. doi: 10.1080/14650040701783243
25. Starr, F. (2008). *In Defense of Greater Central Asia / Silk Road Paper*. Washington DC: Central Asia-Caucasus Institute.
26. Swanström, N. (2005). China and Central Asia: a new Great Game or traditional vassal relations? *Journal of Contemporary China*, 14(45), 569–584. doi: 10.1080/10670560500205001
27. Walberg, E. (2001). *Post Modern Imperialism: Geopolitics and the Great Games*. Atlanta: Clarity Press.

«НОВЫЕ» ВИДЫ ДИПЛОМАТИИ XXI В.: КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ДИСКУРСЕ

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Уральский гуманитарный институт,
Департамент международных отношений,
доцент кафедры теории и истории международных отношений,
кандидат филологических наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-0158-8016,
E-mail: kmromanova@mail.ru

Для цитирования: Табаринцева-Романова К.М. «Новые» виды дипломатии XXI в.: культурная дипломатия в современном международном дискурсе // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 26–37. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10302

Аннотация

В настоящей статье анализируется понятие «культурная дипломатия» в современных международных отношениях. Актуальность такой своего рода теоретико-методологической ревизии обусловлена возрастающей ролью культуры на международной арене: все чаще обращение к культуре и к мировому культурному наследию можно услышать в речах мировых лидеров, прочесть во внешнеполитических доктринах и стратегиях. Автор рассматривает данный концепт в рамках зонтичной концепции гуманитарной дипломатии, которая становится особо актуальной в исследовательском поле, так как неразрывно связана с влиянием человеческого фактора на мировую политику в целом. Предлагается изучать культурную дипломатию как самостоятельный вид дипломатии на данном этапе развития международных отношений, несмотря на тесную взаимосвязь исследуемого явления с такими областями, как: публичная дипломатия, внешняя культурная политика, «мягкая сила», пропаганда, национальный брендинг и внешнеполитический имидж. В работе представлены различные определения культурной дипломатии. Предпринята попытка выявить основные инструменты, механизмы и ресурсы изучаемого вида дипломатии. Приводятся основные принципы культурной дипломатии: уважение и признание культурного разнообразия и наследия; межкультурный диалог; справедливость, равенство; защита международных прав человека; глобальный мир и стабильность. Описаны основные аспекты, через раскрытие которых можно изучать культурную дипломатию, а именно: политические, экономические, вопросы безопасности. Резюмируется, что культурная дипломатия не является абсолютно новым видом

дипломатии, а скорее видоизмененным в соответствии с требованиями, продиктованными временем и сложившейся современной геополитической ситуацией. Определенной новизной представленной статьи является системный и комплексный подход к изучению культурной дипломатии, который позволяет сделать вывод о том, что последняя является мощным инструментом «мягкой силы» и самостоятельным видом дипломатии, а не частью публичной дипломатии, поскольку цели культурной дипломатии соответствуют внешнеполитическим целям государства, субъектами дипломатии являются не только отдельные творческие персоналии, но и институты культуры, атташе по культуре

Ключевые слова:

«мягкая сила», культурная дипломатия, дипломатия, международные отношения, гуманитарная дипломатия.

UDC 327.82

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10302

“NEW” TYPES OF DIPLOMACY OF THE 21ST CENTURY: CULTURAL DIPLOMACY IN MODERN INTERNATIONAL DISCOURSE

Tabarintseva-Romanova Ksenia Mikhailovna,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ural Humanities Institute,
Department of International Relations,
Associate Professor of the Theory and History of International Relations,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-0158-8016,
E-mail: kmromanova@mail.ru

To cite this article: Tabarintseva-Romanova, K.M. (2019). “Novye” vidy diplomatii XXI v. : kul'turnaya diplomatiya v sovremennom mezhdunarodnom diskurse [“New” Types of Diplomacy of the 21st Century: Cultural Diplomacy in Modern International Discourse]. *Scientific Journal “Discourse-P”*, 3 (36), 26–37. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10302

Abstract

This article analyzes the concept of “cultural diplomacy” in modern international relations. The relevance of this kind of theoretical and methodological audit is due to the growing role of culture in the international arena: more and more often, an appeal to culture and the world cultural heritage can be heard in the speeches of world leaders, read in foreign policy doctrines and strategies. The author considers this concept

in the framework of the umbrella concept of humanitarian diplomacy, which becomes especially relevant in the research field, as it is inextricably linked with the influence of the human factor on world politics as a whole. It is proposed to study cultural diplomacy as an independent form of diplomacy at this stage in the development of international relations, despite the close relationship of the phenomenon under study with areas such as public diplomacy, foreign cultural policy, soft power, propaganda, national branding and foreign policy image. The paper presents various definitions of cultural diplomacy. An attempt was made to identify the main tools, mechanisms and resources of the studied type of diplomacy. The basic principles of cultural diplomacy are presented: respect and recognition of cultural diversity and heritage; intercultural dialogue; justice, equality; protection of international human rights; global peace and stability. The main aspects through the disclosure of which cultural diplomacy can be studied are described, namely political, economic, and security issues. It is summarized that cultural diplomacy is not an entirely new kind of diplomacy, but rather modified in accordance with the requirements dictated by time and the current geopolitical situation. A certain novelty of the presented article is a systematic and integrated approach to the study of cultural diplomacy, which allows us to conclude that the latter is a powerful tool of "soft power" and an independent type of diplomacy, and not part of public diplomacy, since the goals of cultural diplomacy are consistent with the state's foreign policy goals, the subjects of diplomacy are not only individual creative personalities, but also cultural institutions and cultural attachés.

Keywords:

«soft power», cultural diplomacy, diplomacy, international relations, humanitarian diplomacy.

Введение

В последнее время мы все чаще наблюдаем активное использование понятия «культура» в международном дискурсе. Появляются многочисленные исследования: *по внешней культурной политике* как отдельных стран и международных организаций, так и в теоретическом ее осмыслении; *по межкультурным отношениям* между государствами и регионами (как внешнеполитическое сотрудничество между государствами); *по культурной дипломатии* (как своего рода демонстрация культурных достижений на международном уровне). Иногда упомянутые выше концепты используются как синонимы, иногда ученые их разграничивают, что совершенно справедливо на наш взгляд. Неясность и размытость интерпретаций обусловлена самим непростым и многозначным пониманием культуры. Но общим трендом, несмотря на переплетение терминов, связанных с культурой и внешнеполитической деятельностью, остается активное вовлечение культуры во внешнеполитический дискурс почти всех европейских государств и международных организаций, например, ЮНЕСКО и Европейского союза. Это объясняется и ростом интереса к экономической составляющей сферы культуры, и ролью культуры как единственного в ряде случаев инструмента для международного взаимодействия (в тех ситуациях, когда из-за конфликтов другой вид взаимодействия невозможен), а также смещением угла изучения дипломатии

с точки зрения человеческого капитала. Как отмечает М. М. Лебедева (2018), «человеческий фактор стал важнейшей составляющей военно-политической и международно-экономической проблематики... однако современные исследования социальной и гуманитарной проблематики пока не отвечают той роли, которую приобрел сегодня человек в мировой политике (7).

Одним из решений по восполнению своего рода исследовательской лакуны может стать введение в международный дискурс зонтичного концепта гуманитарной дипломатии как «интегрированного комплекса следующих ее параметров: апелляция к общечеловеческим ценностям и нравственным требованиям справедливости, сохранение достоинства коммуницирующих сторон; использование для достижения политической лояльности привлекательных социальных, образовательных, научных и иных программ; деятельность по расширению культурного обмена, продвижение национальной культуры (традиционной и современной) и языка, развитие туризма; защита прав и свобод граждан, соблюдение норм международного права; участие в ненасильственном разрешении политических и социальных конфликтов, миротворческая деятельность; организация на международном уровне государственной и волонтерской деятельности по улучшению условий жизни уязвимых групп людей в условиях бедствий, войн и конфликтов; деятельность, направленная на предотвращение преступлений против человечества (геноцид), выступление против разных видов дискриминаций» (Русакова О. Ф., Русаков В. М., 2017, с. 65–66). Т. е. мы наблюдаем своего рода поворот от военно-политического к гуманитарному («человеческому») толкованию дипломатии. В связи с этим культура, наука, образование начинают играть немаловажную роль при анализе международных отношений. Исследователи все чаще рассматривают культурную, научную, образовательную, спортивную, гастрономическую дипломатии в качестве эффективных инструментов реализации «мягкой силы» зарубежных государств или международных организаций. Все чаще появляются статьи о роли науки и культуры именно в международных отношениях. Отметим, что исследовательский интерес к данному виду дипломатии неуклонно растет. Так, можно выделить: 1) исследования, связанные с теоретическими размышлениями о природе и структуре культурной дипломатии (Филимонов Г. Ю., Федотова К. Е., Бородин Д. А.); 2) анализ реализации культурной дипломатии тех или иных стран, международных и региональных организаций (Косенко С. И., Василенко Е. В.); 3) статьи, посвященные деятельности отдельных организаций, сообществ и персоналий, которые занимаются внешними культурными сношениями и продвижением своей культуры на международном уровне (Попов А. Д., Ягья В. С.); 4) работы, связанные с рассмотрением конкретных удачно реализуемых проектов как примеров эффективных механизмов реализации культурной дипломатии (Подкорытов В. Г., Нестерова М. А.). Данная статья будет посвящена рассмотрению такого понятия, как «культурная дипломатия».

Результаты исследования

Общепринятой является идея о том, что под культурной дипломатией обычно подразумевается обмен культурными практиками между различными государствами с целью укрепления взаимопонимания, и как следствие, укреп-

пления международной стабильности. Практически всеми исследователями, занимающимися изучением данного вида дипломатии, отмечается, что определенная сложность категоризации данного понятия связана с неоднородностью самой дефиниции культуры. При этом концепт культуры также подвергается изменению: он становится более коммерческим, политизированным и, в некоторых случаях, милитаризированным.

Само явление культурной дипломатии не ново, и активно используется еще со времен Римской империи, в качестве иллюстрации можно напомнить о *Civis romanus sum* – идеи римского гражданства (хотя зарождение самого термина происходит лишь в XX в.). Однако сложившаяся геополитическая ситуация в мировом сообществе, а именно: появление новых политических субъектов (помимо классических национальных государств), формирование общественного мнения мирового сообщества, создание киберпространства, возникновение «асимметричных» конфликтов, которые ставят под угрозу исчезновения не только человеческие жизни, но и символический капитал и целые культуры – все это приводит к пересмотру роли и целей культурной дипломатии в целом. Помимо обеспечения национального интереса, культурная дипломатия занимается развитием межкультурного диалога, направленного на повышение толерантного и уважительного отношения к чужой культуре и религии. Культурная дипломатия может также использоваться в качестве части интеллектуальной стратегии сдерживания, блокирующей влияние проблемных государств. Например, Иран и Венесуэла пытаются завоевать друзей среди своих соседей посредством антиамериканских уловок. Культурная дипломатия на практике включает в себя все модели, которые практиковались на протяжении всей истории отдельными лицами, общинами, государствами или институциональными акторами для того, чтобы облегчить и улучшить отношения и сотрудничество между несхожими культурами. Эти модели включают в себя различные программы культурного обмена, реализуемые международными делегациями (например, послами американского джаза) или спортивными соревнованиями, а также крупными мероприятиями, такими как международные выставки. Такие модели способны влиять на межкультурный или межконфессиональный диалог и способствовать примирению и стабильности.

Прежде чем перейти к рассмотрению существующих определений культурной дипломатии, стоит отметить, что перед тем как разделить то или иное научное видение данного концепта, исследователь должен для себя определить, что для него есть культура, может ли она оказывать влияние на дипломатию? Причина, по которой возникает этот вопрос, связана с тем, что дипломатия всегда должна соответствовать интересам каждой соответствующей страны. На самом деле влияние культуры на дипломатию трудно измерить. Напомним, что в международных политологических исследованиях описана концепция стратегической культуры, исследующая поле безопасности и различные стратегии культуры: каким образом культура может влиять на дипломатию и войну. Как отмечает К. Буз (2005), «стратегическая культура определяет образцы поведения при решении проблем войны и мира... помогает сформировать общую картину взаимодействия акторов в сфере безопасности» (р. 25). Можно вспомнить достаточно исторических примеров, когда во время конфликтов и войн сохранялись памятники мировой культуры (несмотря на ожесточенные

бомбардировки со стороны США во время Второй мировой войны, и несмотря на то, что город Киото был назван главной мишенью для атомного нападения, последний был спасен). Или же обратный пример, когда первыми целями поражения были библиотеки и музеи (бомбардировка Дрездена).

Еще одним дискуссионным моментом является проблема межкультурной коммуникации во время дипломатических мероприятий. Любопытным с точки зрения взаимосвязи культуры, общения и дипломатии является «Дипломатический айсберг», представленный С. Рианом (2015), который наглядно демонстрирует, что большая часть нашего процесса общения находится на бессознательном уровне и основана на том, что можно назвать глубинной культурой. Общение в режиме реального времени слишком сложно и отнимает много времени, чтобы исследовать культурные ценности и нормы, которые связывают общение. Также невозможно обработать все множество раздражителей, с которыми мы сталкиваемся каждую секунду каждого дня. В результате мы обязаны упростить и стереотипировать, используя нашу культурную схему, чтобы помочь нам быстро принимать решения и суждения о событиях на высшем уровне (р. 69). Например, дипломат, опирающийся на неосознанные глубинные культурные нормы «избегания неопределенности» (например, Германия), будет ожидать и воспринимать коммуникацию не так, как дипломат с культурной схемой «нейтрального отношения к неопределенности» (например, Индия).

Одним из непростых вопросов с точки зрения морали и философии остается послыл: насколько культурная деятельность является политической и ангажированной, какова степень свободы и самовыражения автора и зависит ли она от существующего политического строя того или иного государства?

Культурная дипломатия – это государственная политика, направленная в рамках внешней политики на экспорт репрезентативных данных национальной культуры и на взаимодействие с другими странами в этой же культурной сфере. Поскольку региональная превентивная внешняя политика сформулирована государством, стремящимся отстаивать свои интересы на международной арене, то неудивительно, что чаще всего культурный сектор трактуется в виде соглашений о культурном сотрудничестве между представителями двух государств для проведения совместных мероприятий.

Предполагается, что сам термин «культурная дипломатия» ввел американский исследователь Ф. Баргхорн в 1930-е годы прошлого века применительно к политике СССР и интерпретировал ее как «манипуляцию культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях» (Barghoorn, 1960, р. 26). В дальнейшем сам концепт претерпел ряд изменений: приобретая все более нейтральную окраску, он эволюционировал до восприятия культурной дипломатии как «обмена идеями, информацией, ценностями, традициями, верованиями и другими аспектами культуры, которые могут способствовать улучшению взаимопонимания» (Cummins, 2003, р. 1). Как отмечает П. Грассо (2013), понятие культурной дипломатии рождается «из соприкосновения двух различных измерений: формализации дипломатии и свободы культуры, которая развивается вне жестких и четко определенных схем, тем не менее, культура играет фундаментальную роль в дипломатии стран» (р. 33). Итальянский политик Ф. Рутелли определяет культурную дипломатию как «использование материального и нематериального актива (от языка и культурного наследия

до мероприятий, проходящих под слоганом «сделано в») в качестве инструмента представления национальной идентичности на международном уровне, а также в качестве инструмента посредничества между взаимодействием различных культур» (Francesco Rutelli e la diplomazia culturale, 2018). Еще одним интересным определением является высказывание немецкого дипломата А. Эндерса, который заявил, что культурную дипломатию следует рассматривать как «инструмент, который служит в политических целях, и хоть он и устанавливает свои собственные цели, они вытекают из общих целей внешней политики» (Enders, 2002, p. 174). В том же контексте термин «культурная дипломатия» определяется чешским автором В. Хубингером, который считает его «важным инструментом государственной внешней политики, связанным с представлением, продвижением и позитивным построением образа государства посредством культурной деятельности». Аналогичным образом словацкий ученый и дипломат М. Куруч определяет культурную дипломатию как специфическую деятельность, ориентированную на обмен культурными ценностями в соответствии с целями внешней политики. Наконец, еще одно определение культурной дипломатии было предложено британскими учеными Г.Р. Берриджем и А. Джеймсом, которые определяют культурную дипломатию как продвижение за рубеж культурных достижений государства (см. подробнее статью Э. Пайтинка «Культурная дипломатия в теории и практики современных отношений», 2014). Словацкий исследователь Э. Пайтинка определяет культурную дипломатию как «особую часть дипломатии, которая ориентирована на реализацию внешнеполитических интересов государства, прежде всего в области культурной политики» (Pajtinka, 2015, p. 112). Как мы видим из приведенных выше определений культурной дипломатии, в международном дискурсе данный вид дипломатии неразрывно связан с такими тематическими полями, как: дипломатия, публичная дипломатия, внешняя культурная политика, «мягкая сила», пропаганда, национальный брендинг и политический имидж. Современная система культурной дипломатии является самостоятельной и выходит за рамки только публичной дипломатии и внешней культурной политики. Она естественно связана с культурным наследием стран, с их непрерывным культурным развитием, а также с их историческим прошлым, используя их как ресурсы для построения положительного внешнеполитического имиджа и увеличения престижа государства. Отметим, что по сравнению с публичной дипломатией, которая чаще занимается конкретными и неотложными дипломатическими проектами, такими как торговые трения или сотрудничество в области безопасности между странами, культурная дипломатия в большей степени концентрирует свою деятельность на культурных, образовательных обменах и повседневной культуре.

Еще одним интересным, на наш взгляд, является определение культурной дипломатии, предложенное Институтом культурной дипломатии: «курс действий, которые основаны на обмене идеями, ценностями, традициями и другими аспектами культуры или самобытности и используют его, будь то укрепление отношений, расширение социокультурного сотрудничества, продвижение национальных интересов и за ее пределами; культурная дипломатия может практиковаться либо государственным сектором, частным сектором, или гражданским обществом... целью культурной дипломатии является содействие миру и стабильности на основе межкультурных отношений» (What is Cultural

Diplomacy). Этой же организацией были выделены следующие принципы культурной дипломатии: 1) уважение и признание культурного разнообразия и наследия; 2) межкультурный диалог; 3) справедливость, равенство; 4) защита международных прав человека; 5) глобальный мир и стабильность.

Отчасти, рост интереса к культурной дипломатии обусловлен тем, что зачастую классическая дипломатия не способна справиться с кризисными ситуациями. Особенно это характерно для «асимметричных» конфликтов, когда новые политические субъекты вовлекаются в решение международных процессов. Культурная дипломатия особенно действенна там, где наблюдается кризис идентичности (культурной, религиозной, этнической). Дипломатия направлена как раз на поддержку и развитие взаимного уважения и диалога между различными культурами. Утверждение прав человека выступает противовесом в борьбе с диктатурой и тоталитарными режимами. Классическое поле культурной дипломатии является более актуальным, чем когда-либо. Оно объединяет, на самом деле, ценность культурного наследия, языков, продвижение художественных произведений и исполнительского искусства, творческих отраслей с их способностью продвигать идентичность, благополучие, брендинг, социальную занятость, а также способствовать развитию международного туризма. Также наблюдается рост необходимости защиты культурного наследия, которое находится под угрозой исчезновения из-за существующих этнических и религиозных конфликтов.

При изучении культурной дипломатии можно выделить следующие аспекты/ракурсы, сквозь призму которых можно изучать данный вид дипломатии:

– *политический*: система образования для иностранных студентов на протяжении десятилетий позволяет формировать пул лояльных представителей политической элиты, чиновников и влиятельных бизнесменов. Эта схема активно использовалась как во времена холодной войны Советским Союзом, так и странами Запада в настоящий момент – университеты США, Великобритании, Франции разрабатывают специальные программы для трансляции культурных ценностей по всему миру;

– *экономический*: культура все чаще рассматривается как сектор человеческой деятельности, который может и должен приносить экономический профит, а также создавать новые рабочие места; с этой точки зрения культурная дипломатия тесно связана с понятием национального брендинга, а культурный потенциал активно используется экономической дипломатией;

– *вопросы безопасности*: культурная дипломатия дает представление о восприятии того или иного государства о том, что является военной мощью страны. Знание о культурных аспектах и ценностях того или иного общества используется в информационных войнах, а также в разведывательной среде (см. подробнее Табаринцева-Романова, 2018). Так, в годы холодной войны Вашингтон использовал инструменты культурной дипломатии (в частности, включая выставки и культурные обмены, программу Фулбрайт, голливудские фильмы) для экспорта своих культурных ценностей, например таких, как система потребительства и индивидуализм, чуждых на тот момент Восточной Европе.

Как мы видим, основными ресурсами культурной дипломатии являются: культура (литература, музыка, кино, театр, изобразительное искусство), куль-

турные ценности, культурное наследие, язык, система образования, выставочная деятельность, гастрономия, мода, туризм.

Акторами культурной дипломатии, как правило, в зависимости от трека дипломатии, являются: сами сотрудники министерства иностранных дел и министерства культуры (дипломатические миссии и институты культуры), международные общественно-политические и культурно-просветительские организации, которые получают организационно-политическую поддержку и, частично, финансовую помощь от своих государств, координируют деятельность с дипломатическими представительствами. Однако они действуют достаточно автономно, принимая самостоятельные стратегии и находя финансирование (спонсоры, платные консультационные и образовательные услуги); непосредственно деятели культуры (артисты, художники, танцоры, музыканты и т. д.).

Вполне очевидным является тот факт, что в отдельных государствах и международных и региональных организациях существуют разные формы организационной и институциональной структуры культурной дипломатии, которые различаются как по формально-правовой природе, так и по количеству решающих (те, в чью компетенцию входят вопросы культуры) субъектов. В некоторых государствах, например во Франции и Словакии, большинство функций, связанных с реализацией культурной дипломатии, принадлежит дипломатическим представительствам и учреждениям культуры, имеющим дипломатический статус. В других странах, например ФРГ и Италии, выполнение основной части задач в области культурной дипломатии возлагается на субъекты недипломатического характера. Однако даже в таких государствах дипломатические органы оказывают определенное косвенное и / или неформальное влияние на недипломатические образования, занимающиеся культурной дипломатией.

Заключение

Инструменты реализации культурной дипломатии используются, прежде всего, для формирования положительного внешнеполитического образа страны, а также, опосредованно, для развития межкультурного диалога, устойчивого развития и предотвращения конфликтов, и связаны с различными областями человеческой деятельности: кино, религией, наукой, культурными обменами, литературой, театром и многими другими.

Схематически структура культурной дипломатии представлена на рисунке 1.

Подводя итог, следует сказать, что культурная дипломатия, как одна из форм осуществления внешнеполитической деятельности, является одним из приоритетов усиления собственного влияния вовне, тем более на фоне общего кризиса геополитического каркаса и модели традиционных международных отношений. Теоретико-методологическое исследование этого типа деятельности необходимо для более эффективной трансляции собственных государственных ценностей на внешний уровень и блокирования чрезмерной пропаганды чуждых культурных и социальных ценностей. Становится очевидным, что не существует единой универсальной модели культурной дипломатии: все описанные различными исследователями модели носят национальный характер, т. е. мы можем говорить о французской, итальянской, американской, корейской и так далее моделях.

Рисунок 1 – Структура культурной дипломатии

Таким образом, можно сделать вывод, что культурная дипломатия является новым – хорошо забытым старым видом дипломатии. Новым, поскольку в современной интерпретации культурная дипломатия «отбелилась» от прямой связки с пропагандой; сегодня более не требуется строгого разделения внутренней культурной политики министерств культуры и министерств иностранных дел. Такой своего рода межведомственный подход, объединяющий, в частности, министерства иностранных дел, культуры, национального образования, промышленности и высшего образования, содействует международной поддержке национальных культурных индустрий, функционируя в таких разных областях, как искусство, музыка, литература, дизайн, архитектура, видеоигры или кино и др.

Список литературы

1. Лебедева, М.М. (2018). Развитие социальной и гуманитарной проблематики в международных исследованиях: российский ракурс. *Вестник МГИМО-Университета*, 1(58), 7–25. doi: 10.24833/2071-8160-2018-1-58-7-25
2. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2017). «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии. *Дискурс-Пи*, 1(26), 61–72.
3. Табаринцева-Романова, К.М. (2018). Культура в международных отношениях: дипломатия, безопасность и конфликт. *Известия Уральского*

федерального университета. Серия 3: Общественные науки, 3(179), 60–66.

4. Barghoorn, F. C. (1960). *The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy*. Princeton: Princeton University Press.

5. Booth, K. (2005). Strategic Culture: Validity and Validation. *The Oxford Journal on Good Governance*, 2(1). 25–28.

6. Cummings, Milton C., Jr. (2003) *Cultural Diplomacy and the United States Government*. Washington: Center for Arts and Culture.

7. Enders, A. (2002). *Indirekte Außenpolitik: Die Arbeit der Kulturreferate*. Opladen: Auswärtiges Amt. Diplomatie als Beruf.

8. *Francesco Rutelli e la diplomazia culturale, il soft power per il rilancio dell'Italia*. (2018, June 2). Retrieved from <https://www.key4biz.it/ilprincipenudo-francesco-rutelli-e-la-diplomazia-culturale-il-soft-power-per-il-rilancio-dellitalia/224857/>

9. Grasso, P. (2013). *Il potere della diplomazia culturale per il dialogo, la cooperazione internazionale e la pace*. Roma: ARACNE editrice S.r.l.

10. Pajtinka, E. (2014). Cultural Diplomacy in the Theory and Practice of Contemporary International Relations. *Political sciences*, 4, 95–108.

11. Pajtinka, E. (2015). Kultúrna diplomacia a jej organizačoinštitucionálne modely v praxi vybraných štátov. *Journal of International Relations*, XIII, 111–122.

12. Ryan, Stephen B. (2015). Cultural Diplomacy in International Relations: Understanding hidden bias in cultural knowledge. *Yamagata University Bulletin*, 27, 63–86.

13. *What is Cultural Diplomacy?* (2018, June 2). Retrieved from http://www.culturaldiplomacy.org/index.php?en_culturaldiplomacy

---

References

1. Barghoorn, F. C. (1960). *The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy*. Princeton: Princeton University Press.

2. Booth, K. (2005). Strategic Culture: Validity and Validation. *The Oxford Journal on Good Governance*, 2(1). 25–28.

3. Cummings, Milton C., Jr. (2003). *Cultural Diplomacy and the United States Government*. Washington: Center for Arts and Culture.

4. Enders, A. (2002). *Indirekte Außenpolitik: Die Arbeit der Kulturreferate*. Opladen: Auswärtiges Amt. Diplomatie als Beruf.

5. *Francesco Rutelli e la diplomazia culturale, il soft power per il rilancio dell'Italia* (2018, June 2). Retrieved from <https://www.key4biz.it/ilprincipenudo-francesco-rutelli-e-la-diplomazia-culturale-il-soft-power-per-il-rilancio-dellitalia/224857/>

6. Grasso, P. (2013). *Il potere della diplomazia culturale per il dialogo, la cooperazione internazionale e la pace*. Roma: ARACNE editrice S.r.l.

7. Lebedeva, M.M. (2018). Razvitiye sotsial'noy i gumanitarnoy problematiki v mezhdunarodnykh issledovaniyakh: rossiyskiy rakurs. [Social and humanitarian issues in international studies: the russian perspective]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 1(58), 7–25. doi: 10.24833/2071-8160-2018-1-58-7-25

8. Pajtinka, E. (2014). Cultural Diplomacy in the Theory and Practice

of Contemporary International Relations. *Political sciences*, 4, 95–108.

9. Pajtinka, E. (2015). Kultúrna diplomacia a jej organizačnoinštitucionálne modely v praxi vybraných štátov. *Journal of International Relations*, XIII, 111–122.

10. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2017). «Myagkaya sila» kak instrument politicheskoj kommunikacii i gumanitarnoj diplomatii [Soft Power as an Instrument of Political Communication and Humanitarian Diplomacy]. *Diskurs-Pi*, 1(26), 61–72.

11. Ryan, Stephen B. (2015). Cultural Diplomacy in International Relations: Understanding hidden bias in cultural knowledge. *Yamagata University Bulletin*, 27, 63–86.

12. Tabarintseva-Romanova, K.M. (2018). Kul'tura v mezhdunarodnyh otnosheniyah: diplomatiya, bezopasnost' i konflikt [Culture in International Relations: Diplomacy, Security and Conflict]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, 3(179), 60–66.

13. *What is Cultural Diplomacy?* (2018, June 2). Retrieved from http://www.culturaldiplomacy.org/index.php?en_culturaldiplomacy

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ТРАНСГУМАНИЗМА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ*

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-2048-0967,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Грибовод Екатерина Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-1192-5952,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Для цитирования: Ковба Д.М., Грибовод Е.Г. Теоретические аспекты феномена трансгуманизма: основные направления // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 38–52. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10303

Аннотация

Глобализация и активное развитие новых технологий (искусственный интеллект, крионика, биомедицинские технологии и др.) затрагивают различные аспекты общества и человека, смещая акцент внимания исследователей в сторону новых социогуманитарных процессов и трендов. В статье предпринята попытка анализа трансгуманизма как многоаспектного и междисциплинарного феномена, объясняющего различные процессы и ценностные основания модификации человека под воздействием современных технологических вызовов. Структурный и концептуальный анализ позволили определить основные направления внутри трансгуманизма,

* Статья подготовлена в рамках работы по гранту Президента РФ: проект «МК-2621.2019.6».

а именно экстропианство, сингулярианство, гедонистический императив, демократический трансгуманизм, движение против старения, либертарианский трансгуманизм, религиозный трансгуманизм, техногуманизм, датаизм, а также систематизировать основные особенности каждого из этих направлений. Проблематика гуманизма и трансгуманизма – актуальные и дискуссионные темы как для отечественных, так и зарубежных ученых, однако в зависимости от оптик исследований смысловая нагруженность каждого концепта может различаться. Гуманизм начинает вытесняться трансгуманистическими идеями. Установлено, что трансгуманизм – зонтичный концепт, объединяющий взгляды и идеи исследователей, которые отказываются принимать традиционные ограничения человеческой природы (смерть, заболевания и другие биологические слабости) и стремятся найти способы и методы продления жизни. В заключении авторы приходят к мнению, что трансгуманизм можно рассматривать как в качестве теоретического конструкта, определяющего изменения возможностей (физических, когнитивных и др.) человека под влиянием развития и широкого распространения новых технологий (нано, био, когнитивных и др.), так и как систему ценностей и мировоззрение, где информации, знаниям, технологиям отводится приоритетное право в формировании и поддержании социума.

Ключевые слова:

гуманизм, трансгуманизм, бессмертие, генная инженерия, биоэтика, крионика, трансгуманистические организации.

UDC 128+323

DOI 10.24411/1817-9568-2019-10303

THEORETICAL ASPECTS OF THE PHENOMENON OF TRANSHUMANISM: MAIN DIRECTIONS

Kovba Daria Mikhailovna

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Junior Researcher,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-2048-0967,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Gribovod Ekaterina Grigorievna

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Junior Researcher,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-1192-5952,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

To cite this article: Kovba, D.M., Gribovod, E.G. (2019). Teoreticheskie aspekty fenomena transgumanizma: osnovnye napravleniya [Theoretical Aspects of the Phenomenon of Transhumanism: Main Directions]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(36), 38-52. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10303

Abstract

Globalization and the active development of new technologies (artificial intelligence, cryonics, biomedical technologies, etc.) affect various aspects of society and man, shifting the focus of researchers to new socio-humanitarian processes and trends. The article attempts to analyze transhumanism as a multidimensional and interdisciplinary phenomenon that explains the various processes and value bases of human modification under the influence of modern technological challenges. Structural and conceptual analysis made it possible to determine the main directions within transhumanism, namely extropianism, singularism, hedonistic imperative, democratic transhumanism, the anti-aging movement, libertarian transhumanism, religious transhumanism, techno-humanism, dateism, as well as to systematize the main features of each of these directions. The problems of humanism and transhumanism are relevant and debatable topics for both domestic and foreign scientists, however, depending on the optics of research, the semantic loading of each concept may vary. Humanism is beginning to be superseded by transhumanistic ideas. It has been established that transhumanism is an umbrella concept that unites the views and ideas of researchers who refuse to accept the traditional limitations of human nature (death, disease, and other biological weaknesses) and seek to find ways and methods of prolonging life. In conclusion, the authors come to the conclusion that transhumanism can be considered both as a theoretical construct defining changes in the possibilities (physical, cognitive, etc.) of a person under the influence of the development and wide dissemination of new technologies (nano, bio, cognitive, etc.), and as a system of values and worldview, where information, knowledge, technology are given priority right in the formation and maintenance of society.

Keywords:

humanism, transhumanism, immortality, genetic engineering, bioethics, cryonics, transhumanist organizations.

Введение

Актуальность научной проблемы. Технологические изменения меняют привычное пространство смыслов и идей, расширяя границы научного дискурса. Целый ряд вопросов встает перед научным сообществом по мере появления современных технологий (например, геновая инженерия, крионика, искусственный интеллект и т. д.), способных впоследствии изменить привычное понимание человека и его природы. Технологические изменения трансформируют теорию

гуманизма, расширяя ее классические постулаты, а согласно некоторым ученым и вовсе заменяя их (Кутырев, 2012; Ranisch & Sorgner, 2014). Идея трансгуманизма появляется на волне очередной научно-технологической революции, и по мере формирования институциональной и категориальной целостности становится частью современного информационного общества. Необходимость комплексного анализа феномена трансгуманизма появляется вследствие поиска этических, ценностных, правовых и политических механизмов, определяющих возможность и целесообразность применения новых технологий, вплоть до кардинальной модификации человека и появления «постчеловека».

Степень исследованности проблемы. Проблематика трансгуманизма получила широкое освещение в зарубежной и отечественной научной литературе. Исследование данной темы происходит на стыке нескольких областей знания: философии, политики, права, религиоведения, медицинской этики и отдельных технологий (генная инженерия, крионика и др.). Так, П. Вольфендейл критически осмысливает историю гуманистической мысли и пишет о возможностях перехода человека к постчеловеку (Wolfendale, 2019). Х. Пеллиссье проводит классификацию различных течений внутри трансгуманизма (Pellissier, 2015), Р. Бенедиктер и К. Зипманн изучают трансгуманизм как новый политический тренд и останавливаются на проблеме институционализации данного движения (Benedikter & Siermann, 2016).

Э. Сильверман исследует этические проблемы, касающиеся генетических исследований (Silverman, 2004), Д. Дрешфилд освещает широкий круг проблем, возникающий в связи с практическим воплощением трансгуманистических идей в жизнь, и приходит к выводу о необходимости регулирования новых технологий законодателями, юристами и правоохранительными органами (Dreshfield, 2012). Крупное исследование (McNamee & Edwards, 2006) посвящено критике трансгуманистических идей, а также последствиям внедрения некоторых технологий трансгуманизма (например, так называемой «загрузки мозга»). Кроме того, Ф. Фукуяма высказывает критику положениям трансгуманизма, в том числе по поводу применения генной инженерии и последствий для «человеческой сущности» (Фукуяма, 2008).

Довольно большой пласт работ посвящен исследованию общих черт и различий между религиозными учениями и трансгуманизмом. Так, Дж. Томпсон сравнивает христианскую этику с трансгуманистической этикой в отношении данных направлений к телу и окружающей среде (Thompson, 2017), А. Саттон изучает различия между трансгуманистической и христианской антропологией (Sutton, 2015).

В отечественном научном дискурсе проблематика трансгуманизма также активно обсуждается. Д.К. Казённов рассматривает трансгуманизм как философское направление, исследуя этические аспекты искусственного интеллекта (Казённов, 2011). Юдин Б.Г. пытается рассмотреть взаимосвязь трансгуманизма и гуманизма, определить, как соотносятся данные философские тенденции, можно ли считать трансгуманизм продолжением или определенной формой традиционного гуманизма (Юдин, 2013). Проблема отчуждения через призму трансгуманизма как направления социальной философии исследуется в работах Д.А. Давыдова (Давыдов, 2017), О.Ю. Рыбакова и С.В. Тихоновой (Рыбаков,

Тихонова, 2012). Д.И. Дубровский акцентирует внимание на нейронауке, а именно на направлении «чтения мозга» как способе преодоления глобального кризиса земной цивилизации (Дубровский, 2018). Отметим, что идеи трансгуманизма поднимаются в рамках дискуссий, посвященных академической биомедицинской этике и развитию биотехнологий. Так, философско-этическому анализу биотехнологий и рисков, которые могут возникнуть, а также биоэтики в целом посвящено исследование Р.Р. Белялетдинова (Белялетдинов, 2013). Резкую критику идеям трансгуманизма высказывает В.А. Кутырев, продолжая риторику об изменении личности в эпоху трансмодерна (Кутырев, 2018).

Данное исследование опирается как на указанные выше *научные источники*, так и на данные, касающиеся деятельности различных трансгуманистических фондов и организаций: Института Крионики, российской компании «КриоРус», неправительственной организации «Humanity Plus» и некоторых других.

Цель статьи – комплексный анализ феномена трансгуманизма как социо-гуманитарного концепта, объединяющего разные дискурсивные, практические и ценностные ориентиры модификации природы человека. Для достижения поставленной цели, во-первых, рассматриваются основные положения трансгуманизма и его взаимосвязь с категорией «гуманизм». Во-вторых, выделяются ключевые направления развития трансгуманизма.

Методика и методология исследования. Теоретическое исследование феномена трансгуманизма выполнено с опорой на ряд общетеоретических методов, а именно на сравнительный анализ, структурный анализ, обобщение, абстрагирование и конкретизацию фактов и процессов. Для выявления и описания основных направлений трансгуманизма были применены следующие качественные методы: дискурс-анализ и концептуальный анализ.

Результаты исследования. От гуманизма к трансгуманизму

Научно-технические открытия и достижения в сфере нейробиологии, искусственного интеллекта и генетики обозначили необходимость поиска новых векторов развития традиционной концепции гуманизма. Под гуманизмом, как правило, подразумевают два различных явления. Во-первых, это движение, возникшее в эпоху Возрождения, представители которого занимались исследованием, комментированием и переводом текстов античного периода. Как утверждают исследователи, особенность данного периода заключалась в том, что гуманисты, по сути, признали в античном греке (язычнике) равного себе человека, несмотря на то, что сами были воспитаны в христианской вере (Межуев, 2013, с. 5). Следующей гуманистической «волной» стало открытие европейцами древневосточных цивилизаций Китая и Индии и выделение в XIX веке востоковедения в новую отрасль науки. И, наконец, последний этап гуманизма – знакомство с культурой первобытного общества и, в частности, выход книги Э. Тайлора «Первобытная культура» в 1871 г. (Тайлор, 1989), благодаря которой в «дикарях» начали видеть полноценных людей, имеющих сложную культурную организацию. Таким образом, гуманизм установил равенство между культурными мирами, принадлежащими к разным эпохам и находящимися в различных частях земного шара.

Во-вторых, под гуманизмом понимают мировоззрение, в центре которого находится личность человека, признаваемая высшей ценностью; при этом все нематериальные и материальные ресурсы направлены на достижение ее максимального благополучия. Особенность гуманистического поворота заключается в утверждении антропоцентрической картины мира в противовес космоцентризму периода Античности и средневековому теоцентризму. Человек больше не являлся сочетанием различных сущностей (духовной и телесной, божественной и природной), а мыслился как особая субстанция, не сводимая ни к одной из них.

В настоящее время многие представители гуманитарных наук пишут о так называемом «кризисе гуманизма» (см., например, Межуев, 2013, с. 11; Давыдов, 2018, с. 43). Данное предположение, на наш взгляд, обусловлено рядом факторов как качественного (разнообразие версий гуманизма, оптик его исследования и т. д.), так и количественного характера (быстрое появление и распространение новых технологий, мобильность и автоматизация, экономические и демографические факторы и др.). Поиску новых ориентиров, касающихся состояния человечества и векторов его развития, посвящены разные теории, однако трансгуманизм и постгуманизм являются одними из самых неоднородных и дискуссионных направлений исследования, предлагающих собственное видение человека в современных глобальных процессах. Исследователи отмечают, что, с одной стороны, данные концепции вышли за теоретико-методологические границы гуманизма и подвергают критике ряд его положений. С другой стороны, именно трансгуманизм можно рассматривать в качестве нового направления развития концепции гуманизма, то есть как его обновление (Ranisch & Sorgner, 2014). Подчеркнем, что в данной работе мы сознательно опускаем рассмотрение феномена постгуманизма, поскольку рассматриваем его как теоретическую рамку, объединяющую идеи и мнения, отрицающие или критикующие основные гуманистические ценности и принципы. Подробнее остановимся на определении понятия «трансгуманизм» и его взаимосвязи с зонтичной категорией «гуманизм».

Термин «трансгуманизм» ввел в научный дискурс биолог Джулиан Хаксли, старший брат Олдоса Хаксли (автор произведения «О дивный новый мир») и внук Томаса Генри Хаксли (получил прозвище «Бульдог Дарвина» за последовательное отстаивание теории эволюции Дарвина). Любопытно, что Джулиан Хаксли в 1959–1962 гг. занимал пост президента Британского общества евгеников. В произведении 1957 г. «Новые бутылки для нового вина» он написал следующее: «Если человеческий вид захочет, он сможет превзойти себя <...> Возможно, этому поспособствует *трансгуманизм* – состояние, при котором человек останется человеком, но преодолеет себя, реализовав новые возможности своей природы» (Huxley, 1957, p. 17). Различие между движениями евгеники и трансгуманизма состоит в том, что первое призывало к выработке и реализации программ государственного контроля для улучшения жизни населения, в то время как трансгуманизм имел более либеральную повестку дня, способствующую индивидуальному выбору. Как пишет А. Саттон, отвергая старую евгенику, трансгуманизм, тем не менее, одобряет так называемую «мягкую евгенику» – ее мы сегодня наблюдаем, например, при устранении нежелательных черт у нерожденных детей. Это евгеника, принимающая форму добровольного

использования родителями техник пренатального и предимплантационного тестирования с целью избежать рождения детей с ограниченными возможностями или патологиями (Sutton, 2015, p. 119).

Согласно материалам одной из наиболее значимых трансгуманистических ассоциаций «Humanity+», трансгуманизм можно трактовать двумя способами:

1) как интеллектуальное и культурное движение, постулирующее желательность и возможность фундаментального улучшения состояния человека при помощи прикладного мышления, путем разработки и производства широкодоступных технологий для устранения старения и значительного повышения физических, интеллектуальных и психологических возможностей человека;

2) изучение последствий, обещаний и потенциальных опасностей технологий, которые позволят преодолеть фундаментальные человеческие ограничения, а также изучение этических вопросов, связанных с разработкой и использованием таких технологий (The transhumanist FAQ, 2016).

Согласно Р. Раниш и С.Л. Соргнер, трансгуманизм представляет собой систему идей о «радикальной трансформации биологических возможностей и социальных условий человека с помощью технологий». Авторы подчеркивают, что данный феномен можно рассматривать в качестве продолжения развития гуманизма, поскольку он базируется на принципах совершенствования и самосовершенствования, веры в прогресс, науку, разум, способствует усилению традиционных гуманистических ценностей. Подчеркнем, что исследователи определяют трансгуманизм и постгуманизм как философские подходы, описывающие взаимообусловленные изменения (коэволюцию) человека и современных технологий (Ranisch & Sorgner, 2014, p. 7–8).

При анализе феномена трансгуманизма Б.Г. Юдин пытается рассмотреть взаимосвязь трансгуманизма и гуманизма. Опираясь на оппозицию ценностных установок «естественное – искусственное», а также «ценностей изменений» и «ценностей сохранения» исследователь рассматривает дискурс сторонников трансгуманизма и оппонентов применительно к природе человека и влиянию технологией на нее. Так, представители движения трансгуманизма акцентируют внимание на трансформации природы человека, вплоть до кардинальных изменений. В то же время их оппоненты осторожно относятся к идее модификации природы человека, отстаивая ее неприкосновенность и самоценность. По мнению ученого, именно рациональный диалог научного сообщества позволит спрогнозировать риски и возможности развития человека в эпоху технологических изменений (Юдин, 2013).

Дискурс трансгуманизма включает в себя понятие *смерти* как фундаментального феномена человеческого бытия. Как отмечает Дж. Хуберман, «что делает наш вид таким особенным и интересным, что делает нас людьми, так это осознание того, что все мы, в конечном итоге, умрем» (Huberman, 2017, p. 52). На протяжении всего периода существования человека велись поиски преодоления этого ограничения. Лифтан и Олсон в книге 1974 г. перечисляют пять таких способов, благодаря которым люди пытаются достичь символического бессмертия:

1) биологический (передача генов); в некоторых обществах этот способ имеет такую большую значимость, что человек, не имеющий детей, считается не выполнившим свои обязанности перед обществом и миром;

2) творческий – преподавание, художественное творчество, изобретения и прочая деятельность, которая позволяет оставить след в культуре;

3) религиозный: все мировые религии обещают людям, что физическая смерть – это не конец, а скорее точка входа в вечную жизнь; благодаря верованиям в рай, загробную жизнь, мир предков, люди утверждают в мысли, что их часть, обычно идентифицируемая как душа, будет жить вечно;

4) естественный (природный) – признание преемственности с миром природы и его способности выдержать испытание временем; человек рассматривается как часть большого природного цикла, который продолжается вечно;

5) эмпирический – отличается от других способов, потому что он зависит исключительно от психологического состояния; люди достигают чувства связи с чем-то за пределами себя через различные экзотические, изменяющие сознание или трансцендентные переживания: употребление наркотиков, прослушивание рок-музыки, секс (Lifton & Olson, 1974).

Рассмотренные выше способы преодоления тревоги, связанной со смертью, являются наиболее распространенными. Естественно, существуют и другие пути, исследованием которых занимаются сегодня теоретики и практики трансгуманизма.

Дискурс трансгуманизма охватывает широкий диапазон вопросов, затрагивающих изменение природы человека под воздействием новых технологий, среди которых особое место занимают этические и ценностные аспекты. Развитие идей трансгуманизма, а именно улучшение и модернизация природы человека с позиции биоэтики и последствий внедрения биотехнологий ограничивается рядом принципов, которые выделяет Р.Р. Белялетдинов. Во-первых, принцип «наклонной плоскости» или «скользкого холма», согласно которому ряд уступок и послаблений может иметь более серьезные последствия, как негативные, так и позитивные. Данный принцип включает три основных дискурсивных практики (аргумента), а именно появление прецедента, который провоцирует развитие того или иного процесса (например, редактирование генных клеток, передающих наследственные заболевания, может стать прецедентом для других изменений на клеточном уровне). Кроме того, отсутствие четкой «демаркационной линии», определяющей предельную полезность с медицинской стороны (восстановления здоровья и адаптации в социуме) от практик трансформации природы человека, а также «эффект домино», который позволяет выявить непредсказуемость внедрения и последствий биотехнологий с позиции трансгуманизма. Во-вторых, «принцип предосторожности». По мнению исследователя, должен войти в инструментарий теоретиков трансгуманизма, поскольку может помочь в прогнозировании последствий модификации человека с помощью биотехнологий (Белялетдинов, 2013). Остается только вопрос: как определить, когда биотехнологии способствуют восстановлению физического и психологического здоровья (например, протезирование зубов), а где модифицируют, дополняют или радикально изменяют человека (например, смена пола, пластическая хирургия и др.)?

Основные направления трансгуманизма

Мы полагаем, что *трансгуманизм* является зонтичным термином, данным школе мысли, представители которой отказываются принимать традиционные

ограничения человеческой природы (смерть, заболевания и другие биологические слабости). Трансгуманизм не однороден: он включает в себя различные течения философской, политической, религиозной и научно-технической направленности. Они представлены в таблице 1. Как правило, трансгуманисты интересуются различными футуристическими темами, такими как загрузка мозга, крионика, генная инженерия и другие, а также утверждают важность развития новых технологий в области неврологии, био- и нанотехнологий, компьютеров. Представителями движения являются как философы и писатели, так и ученые, директора компаний, исследующих различные способы продления жизни.

Таблица 1 – Направления внутри трансгуманизма (источник: Pellissier, 2015)

Направление	Представители	Идеи
Экстропианство	Макс Мор (автор доктрины «Принципы экстропианства», сейчас – директор крионической компании Alcor).	Оптимистичное видение будущего (ожидание достижений в вычислительной мощности, нанотехнологиях, крионике, продолжительности жизни, биомедицинских технологиях и т. д.)
Сингулярианство	НКО «Machine Intelligence Research Institute» (создание безопасного искусственного интеллекта)	В ближайшем будущем произойдет технологическая сингулярность. Это беспрецедентная ситуация, при которой человек не может представить или предвидеть «горизонт событий», следующий за достижением «точки сингулярности». Предполагает создание суперинтеллекта. Такое событие не только возможно, но и желательно.
Гедонистический императив	Британский философ Дэвид Пирс – соучредитель НКО «Humanity+»	«Отмена страданий» всех живых существ с помощью генетической «инженерии рая» и нанотехнологий. Деятельность НКО «Humanity+» связана с исследованиями в области усиления интеллекта человека, развитием тела и улучшением качества жизни.
Демократический трансгуманизм	Джеймс Хьюз, основатель НКО «IEET» (Институт этики и новых технологий)	Равный доступ к технологиям улучшения человеческого потенциала для продвижения социального равенства и уменьшения разрыва между социально-экономическими классами.

Движение против старения	Золтан Иштван, автор книги «Трансгуманистическое пари» (2013)	Радикальное продление жизни.
Либертарианский трансгуманизм	Рональд Бэйли (журнала Reason), Гленн Рейнольдс (профессор университета Теннесси, создатель блога Instapundit)	Гибрид либертарианства и трансгуманизма. Технологии должны усиливать человеческий потенциал. Рассматривают модернизацию как гражданское право и гражданскую свободу и отвергают государственное регулирование.
Религиозный трансгуманизм	Мормонская Трансгуманистическая Ассоциация; Христианская трансгуманистическая ассоциация.	Большинство трансгуманистов являются атеистами, но существуют и религиозные члены, считающие, что трансгуманизм полностью совместим с их верованиями.

Большой интерес у исследователей вызывает последнее направление, указанное в таблице 1. Один из самых известных трансгуманистов, основатель первой в мире трансгуманистической партии Золтан Иштван, придерживается крайне атеистических взглядов. Он является сторонником ограничения «религиозно-идеологической обработки» детей до достижения ими шестнадцатилетнего возраста. (Sutton, 2015, p. 120). В то же время, некоторые трансгуманисты не видят противоречий между религиозными идеями и трансгуманизмом. Так, члены Христианской трансгуманистической ассоциации, организовавшие в августе 2018 г. первую в истории Христианскую трансгуманистическую конференцию на базе Университета Липскомб в Нэшвилле, штат Теннесси, полагают, что научное знание и новые технологии являются предопределенными Богом средствами для обеспечения духовного и физического возвышения людей. На этой почве развернулась дискуссия, участники которой соотносят трансгуманистические идеи с постулатами мировых религий. Так, с позиции христианского учения, безграничное стремление к совершенству является попыткой узурпировать Бога, став самим Богом (Thompson, 2017, p. 172). Другими тезисами, демонстрирующими несовместимость трансгуманистических и христианских идей, являются следующие:

- церковь последовательно отстаивала достоинство человеческой личности и святость жизни, поэтому биотехнические средства, нарушающие человеческое достоинство (например, уничтожение эмбрионов), несовместимы с христианской доктриной;
- люди отличаются от Бога тем, что являются конечными созданиями, а не создателями;
- трансгуманисты полагаются на собственные способности и надеются, что смогут спасти себя без помощи Бога (расценивается как грех);
- страх смерти, лежащий в основе трансгуманистического учения, исходит из их материалистических предположений; с другой стороны, согласно Библии, смерть – не конец, так как она была побеждена Христом;

- формы радикального продления жизни (стремление к долголетию и оцифровка мозга) показывают две крайние точки зрения, которых трансгуманисты придерживаются в отношении тела; первая – это форма «поклонения телу» (в христианстве считается идолопоклонством), а вторая – «отвращение к телу»; обе крайности неприемлемы в рамках христианства (Thompson, 2017, p. 178).

Данную типологию внутри трансгуманизма стоит еще дополнить техногуманизмом и датаизмом, которые предложил Ю.Н. Харари в качестве новых трансгуманистических религий (Давыдов, 2018). Техногуманизм основывается на традиционных гуманистических принципах и антропоцентризме, однако подчеркивает, что современный человек будет вынужден измениться как в физическом, так и когнитивном плане с помощью технологий, чтобы соответствовать требованиям и условиям нового цифрового общества. Датаизм, согласно ученому, не придерживается и не отрицает ценности гуманизма, но постулирует приоритетность потоков информации и данных как ключевого критерия развития цивилизации. Искусственный интеллект и биотехнологии постепенно трансформируют общество и человека. Сравнивая замену конных экипажей автомобилями, Харари предполагает, что человек может утратить свою ценность перед высокоэффективными математическими алгоритмами и искусственным интеллектом в ближайшем будущем (Харари, 2018).

Таким образом, при рассмотрении основных направлений исследования трансгуманизма были выявлены гетерогенность и многоаспектность самого феномена трансгуманизма как совокупности философских течений. В связи с этим важно прогнозировать, с какими последствиями столкнется человек. Как отмечают исследователи, 2045 год – год сингулярности; это будет «кульминацией слияния нашего биологического мышления и существования с нашими технологиями, что приведет к миру, который все еще является человеческим, но превосходит наши биологические корни». Другими словами, благодаря этому завершению люди и машины станут «одним» (Thompson, 2017, p. 170). Ценность развития биотехнологий и информационно-коммуникационных технологий неоднократно подчеркивается научным сообществом. Однако процесс коэволюции человека и технологий может иметь необратимые последствия, которые нужно эффективно прогнозировать и оперативно предотвращать.

Заключение

Наметившийся кризис гуманизма требует пристального внимания ответственности к трансгуманистическим идеям, которые трансформируются в социальную философскую концепцию, обретая институциональную структуру и последователей. Трансгуманизм расширяет свои коннотационные границы, включая не только идеи по модификации природы человека, его физических, когнитивных способностей, а также формирует систему ценностей и норм, где информации, знаниям, данным и технологиям отводится приоритетное право в регулировании и поддержании социума. Идеи совершенствования человека существовали на всем протяжении человеческой истории, и будут развиваться параллельно с развитием техники и технологий. Многие люди сегодня имеют раз-

личные имплантаты, помогающие вести им полноценную жизнь, ставят вакцины, прибегают к лазерной коррекции зрения и иным процедурам улучшения тела. На наш взгляд, вопрос состоит в том, каким образом можно провести границу между «мягким» (умеренным) и «жестким» (радикальным) улучшением человека? «Мягкие» технологии помогают людям, получившим травмы или увечья, оставаться полноценными членами общества, тогда как радикальное улучшение может привести к ряду проблем этического, экономического и юридического характера, отнять человечность, удалить то, что делает нас людьми. Оценка рисков и последствий технологий трансгуманизма – важная и актуальная задача, которой стоит уделить внимание научному сообществу.

Список литературы

1. Белялетдинов, Р.Р. (2013). Человек трансгуманистического периода: новые концепции человека в эпоху биотехнологий. *Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция*. Москва: Издательство МБА. 228–236.
2. Давыдов, Д. А. (2017). Технологии отчуждения и призрак коммунизма. *Человек*, (5), 75–85.
3. Давыдов, Д.А. (2018). Обреченный гуманизм? Размышляя над книгами Ю. Н. Харари «Sapiens» и «Homo Deus». *Свободная мысль*, (6), 33–46.
4. Дубровский, Д.И. (2018) Перспективы нейронаучных подходов к проблеме сознания (в связи с нарастанием глобального кризиса земной цивилизации). *Философские науки*, (3), 99–109. doi: 10.30727/0235-1188-2018-3-99-109.
5. Казеннов, Д.К. (2011). *Концептуальные основания трансгуманизма* [Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01]. Саратов.
6. Кутырев, В.А. (2012). Куда сдвигать гуманитарный вектор? *Гуманитарный вектор*, 3(31), 9–16.
7. Кутырев, В. А. (2018). Они идут... встречайте! (об антропологической инволюции техногенной цивилизации). *Философия хозяйства*, 1 (115), 218–226.
8. Межуев, В.М. (2013). Гуманизм и современная цивилизация. *Человек*, (3), 5–16.
9. Рыбаков, О.Ю., Тихонова, С.В. (2012) Проблема отчуждения в социальной философии раннего трансгуманизма. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*, (5), 196–200.
10. Тайлор, Э.Б. (1989). *Первобытная культура*. Москва: Издательство политической культуры.
11. Фукуяма, Ф. (2008). *Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции*. Москва: Изд-во АСТ.
12. Харари, Ю.Н. (2018). *Ното Deus: Краткая история будущего*. Москва: Синдбад.
13. Юдин, Б.Г. (2013). Трансгуманизм – наше будущее? *Человек*, (4), 5–17.
14. Benedikter, R., & Siepmann, K. (2016). «Transhumanism»: A New Global

Political Trend? *Challenge*, 59(1), 47–59. doi: 10.1080/05775132.2015.1123574

15. Dreshfield, D.A., (2012). Federal Regulation of Emerging Technologies and Its Implications for Transhumanist Applications of NBIC Technologies. *CMC Senior Theses*. Paper 538. Retrieved from http://scholarship.claremont.edu/cmc_theses/538.

16. Huberman, J. (2017). Immortality transformed: mind cloning, transhumanism and the quest for digital immortality. *Mortality*, 23(1), 50–64. doi: 10.1080/13576275.2017.1304366

17. Huxley, J. (1957). *New Bottles for New Wine*. London: Chatto & Windus.

18. Lifton, R., & Olson, E. (1974). *Living and dying*. NY: Praeger Publishers.

19. McNamee, M.J., & Edwards, S.D. (2006). Transhumanism, medical technology and slippery slopes. *Med Ethics*, 32(9), 513–518. doi: 10.1136/jme.2005.013789

20. Pellissier, H. (2015). *Transhumanism: there are [at least] ten different philosophical categories; which one (s) are you?* Retrieved from <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/pellissier20150708>

21. Editor, Ranisch, R., & Sorgner, S.L. (Eds.). (2014). *Post- and Transhumanism: an introduction*. Frankfurt am Main: Peter Lang.

22. Silverman, E. (2004). The 5 most pressing ethical issues in biotech medicine. *Biotechnol Healthc*, 1(6), 41–46.

23. Sutton, A. (2015). Transhumanism: A New Kind of Promethean Hubris. *The New Bioethics*, 2(2), 117–127. doi: 10.1179/2050287715z.00000000060

24. The transhumanist FAQ (2016). Retrieved from <https://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-faq/>

25. Thompson, J. (2017). Transhumanism: How Far Is Too Far? *The New Bioethics*, 23(2), 165–182. doi: 10.1080/20502877.2017.1345092

26. Wolfendale, P. (2019). The reformatting of homo sapiens. *Angelaki journal of the theoretical humanities*, 24(1), 56–66.

References

1. Belyaletdinov, R.R. (2013). Chelovek transgumanisticheskogo perioda: novye koncepcii cheloveka v epohu biotekhnologij [The man of the transhumanist period: new concepts of man in the era of biotechnology]. *Global'noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBIKS) i transgumanisticheskaya evolyuciya*. Moskva: Izdatel'stvo MBA. 228–236.

2. Benedikter, R., & Siepmann, K. (2016). «Transhumanism»: A New Global Political Trend? *Challenge*, 59(1), 47–59. doi: 10.1080/05775132.2015.1123574

3. Davydov, D.A. (2017). Tekhnologii otchuzhdeniya i prizrak kommunizma [Technology of Alienation and the Phantom of Communism]. *Chelovek*, (5), 75–85.

4. Davydov, D.A. (2018). Obrechennyj gumanizm? Razmyshlyaya nad knigami Yu.N. Harari «Sapiens» i «Homo Deus». [Doomed humanism? Reflecting on the books of Yu.N. Harari «Sapiens» and «Homo Deus»]. *Svobodnaya mysl'*, (6), 33–46.

5. Dreshfield, D.A., (2012). Federal Regulation of Emerging Technologies and Its Implications for Transhumanist Applications of NBIC Technologies. *CMC Senior Theses*. Paper 538. Retrieved from http://scholarship.claremont.edu/cmc_theses/538
6. Dubrovskij, D.I. (2018). Perspektivy nejronauchnyh podhodov k probleme soznaniya (v svyazi s narastaniem global'nogo krizisa zemnoj civilizacii) [Prospects of neuroscience approaches to the problem of consciousness (in connection with the growing global crisis of terrestrial civilization)]. *Filosofskie nauki*, (3), 99–109. doi: 10.30727/0235-1188-2018-3-99-109
7. Editor, Ranisch, R., & Sorgner, S.L. (Eds.). (2014). *Post- and Transhumanism: an introduction*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
8. Harari, Yu.N. (2018) *Homo Deus: Kratkaya istoriya budushchego* [Homo Deus: A brief history of the future]. Moskva: Sindbad.
9. Huberman, J. (2017). Immortality transformed: mind cloning, transhumanism and the quest for digital immortality. *Mortality*, 23(1), 50–64. doi: 10.1080/13576275.2017.1304366
10. Huxley, J. (1957). *New Bottles for New Wine*. London: Chatto & Windus.
11. Fukuyama, F. (2008). *Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyucii* [Our posthuman future: Consequences of the biotechnological revolution]. Moskva: Izd-vo AST.
12. Kazenov, D.K. (2011). *Konceptual'nye osnovaniya transgumanizma* [Conceptual foundations of transhumanism] [PhD Thesis]. Saratov.
13. Kuttyrev, V.A. (2012). Kuda sdvigat' gumanitarnyj vektor? [Where to Shift the Humanities Vector?]. *Gumanitarnyj vektor*, 3(31), 9–16.
14. Kuttyrev, V.A. (2018). Oni idut... vstrechajte! (ob antropologicheskoy involyucii tekhnogennoj civilizacii) [They go ... meet! (on the anthropological involution of anthropogenic civilization)]. *Filosofiya hozyajstv*, 1(115), 218–226.
15. Lifton, R., & Olson, E. (1974). *Living and dying*. NY: Praeger Publishers.
16. McNamee, M.J., & Edwards, S.D. (2006) Transhumanism, medical technology and slippery slopes. *Med Ethics*, 32(9), 513–518. doi: 10.1136/jme.2005.013789
17. Mezhuhev, V.M. (2013). Gumanizm i sovremennaya civilizaciya [Humanism and modern civilization]. *Chelovek*, (3), 5–16.
18. Pellissier, H. (2015). *Transhumanism: there are [at least] ten different philosophical categories; which one (s) are you?* Retrieved from <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/pellissier20150708>
19. Rybakov, O.Yu., & Tihonova, S.V. (2012). Problema otchuzhdeniya v social'noj filosofii rannego transgumanizma [The problem of alienation in social philosophy of early transhumanism]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta*, (5), 196–200.
20. Silverman, E. (2004). The 5 most pressing ethical issues in biotech medicine. *Biotechnol Healthc*, 1(6), 41–46.
21. Sutton, A. (2015). Transhumanism: A New Kind of Promethean Hubris. *The New Bioethics*, 2(2), 117–127. doi: 10.1179/2050287715z.00000000060
22. Taylor, E.B. (1989). *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive culture]. Moscow: Political Culture Publishing House.

23. The transhumanist FAQ (2016). Retrieved from <https://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-faq/>
24. Thompson, J. (2017). Transhumanism: How Far Is Too Far? *The New Bioethics*, 23(2), 165–182. doi: 10.1080/20502877.2017.1345092
25. Wolfendale, P. (2019). The reformatting of homo sapiens. *Angelaki journal of the theoretical humanities*, 24(1), 56–66.
26. Yudin, B. G. (2013). Transgumanizm – nashe budushchee? [Transhumanism is our future?]. *Chelovek*, (4), 5–17.

МИСТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА ЧИСЛА В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА (на примере апокрифа «Хождение Зосимы к рахманам»)

Воробьева Светлана Николаевна,

Тверской государственный технический университет,
кафедра русского языка,
кандидат филологических наук, доцент,
Тверь, Россия,
ORCID: 0000-0003-0980-8893,
E-mail: vorobeva-66@mail.ru

Для цитирования: Воробьева С.Н. Мистическая символика числа в контексте религиозного дискурса (на примере апокрифа «Хождение Зосимы к рахманам») // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 53-62. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10304

Аннотация

В данной статье речь идет об апокрифе «Хождение Зосимы к рахманам», который, хотя и рассматривался в контексте смысловых значений апокрифических сюжетов, но еще не становился предметом отдельного научного исследования. Основная задача состояла в том, чтобы в рамках изучения религиозного дискурса провести анализ ценностей религиозного общения с точки зрения мистико-символического прочтения цифровых обозначений, которые, выступая языковым средством, организуют пространственно-временной континуум религиозного дискурса и через сакральное значение способствуют воплощению особого духовного смысла.

В центре внимания – символические коннотации чисел, важных элементов текста, составляющих основу сюжетного повествования, семантическая интерпретация которых рассматривается как образно-специфический язык передачи информации.

Апокрифический материал исследуется с точки зрения теологического подхода, связанного с христианским пониманием мира, позволяющим показать сверхъестественную связь человека с Богом. Анализ осуществляется в контексте генетической связи с православием в рамках его догматических и экзегетических представлений, при котором используются сравнительно-сопоставительный и аллегорический методы, раскрывающие символический смысл нумерологических обозначений. Через этот образно-специфический язык передавалась основная евангельская истина – полнота жизни возможна только с Богом, постоянное общение с Которым дает духовную радость и счастье.

Ключевые слова:

религия, дискурс, символ, цифровое обозначение, сакральность, духовность, совершенство.

UDC 81'42: 133.522.1

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10304

MYSTICAL SYMBOLISM OF NUMBERS IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS DISCOURSE (On the Example of the Apocryphal “The Walking of Zosima to the Rahmanas”)

Vorobyova Svetlana Nikolaevna,

Tver State Technical University,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Tver, Russia,
ORCID: 0000-0003-0980-8893,
E-mail: vorobeva-66@mail.ru

To cite this article: Vorobyova, S.N. (2019). Misticheskaya simbolika chisla v kontekste religioznogo diskursa (na primere apokrifa “Xozhdenie Zosimy k raxmanam”) [Mystical Symbolism of Numbers in the Context of Religious Discourse (On the Example of the Apocryphal “The Walking of Zosima to the Rahmanas”). *Scientific Journal “Discourse-P”*, 3(36), 53–62. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10304

Abstract

This article refers to the apocrypha “Walking Zoshima to Rahmans”, which, although considered in the context of the meaning of apocryphal stories, has not yet been the subject of a separate scientific study. The main task was to analyze, as part of the study of religious discourse, the values of religious communication in terms of mystical-symbolic reading of digital symbols, which, acting as a language medium, organize a space-time continuum of religious discourse and, through sacral meaning, contribute to the realization of a special spiritual meaning.

The focus is on symbolic connotations of the numbers, the narrative elements of the text that form the basis of the story narrative, whose semantic interpretation is seen as a figuratively-specific language of information transmission.

Apocryphal material is investigated in terms of a theological approach related to the Christian understanding of the world, allowing to show the superestablished connection of man with God. The analysis is carried out in the context of the genetic relationship with Orthodoxy within its dogmatic and exegetic representations, and the comparative and allegorical methods that reveal the symbolic meaning of numerological designations are used. Through this figuratively-specific language the main evangelical truth was trans-

mitted – the fullness of life is possible only with God, constant communication with Whom gives spiritual joy and happiness.

Keywords:

religion, discourse, symbol, digital designation, sacredness, spirituality, perfection.

Введение

Религиозный дискурс в настоящее время является актуальным объектом исследования в рамках широкого спектра разных дисциплин, где определение дискурса является одним из дискуссионных моментов, так как основанием для современных трактовок и создания для определения его содержания послужили две стороны речи – процессуальная и материальная (дискурс – текст и дискурс – речевая деятельность). Учитывая сложившуюся ситуацию, мы будем понимать религиозный дискурс как религиозный текст в ситуации реального общения (Карасик, 2002, с. 199), который ориентирован на описание и интерпретацию положений, в данном случае религиозного мировоззрения и включает характерные ценности, нормы, идеи и т. д.

И такими универсальными религиозными текстами, безусловно, являются книги Священного Писания, в которых представление информации об основных догматах, способах мистического опыта и путях достижения связи с Абсолютом закодировано на разных текстовых уровнях как через вербальные, так и невербальные знаки. Одним из них является нумерологический (числовой) пласт, мистико-символическое восприятие которого являлось предметом религиозного интереса многих выдающихся христианских мистиков и богословов как прошлого, так и настоящего, воспринимающих материальный и духовный мир как систему символов, «в каждом из которых просвечивается Божество». Символ рассматривается ими в качестве носителя определенной информации. Он либо обозначает «духовные сущности», либо «возводит к ним человека», либо «реально являет сверхбытие на уровне бытия», либо открывает собой «умонепостижимую» и «невывыказываемую истину» (Фаст, 2009, с. 10).

Однако не только Священное Писание содержит множество разнообразных числовых указаний, отмеченных печатью сакральности, но и так называемые околицерковные тексты, к которым, например, относятся апокрифы. В данной статье мы обратимся к апокрифу «Хождение Зосимы к рахманам», в котором вероучительные идеи о Боге, о вечной жизни, загробном мире, спасении должны были восприниматься читателями и на нумерологическом уровне мистико-символического прочтения текста, так как цифровые образы, выступая языковым средством, выражают пространственно-временной континуум религиозного дискурса.

Наша задача состоит в том, чтобы выяснить, как располагаются и соотносятся в структурной организации текста числовые обозначения, что дает именно такое сочетание этих элементов в плане реализации особого духовного смысла, и как нумерологическая интерпретация символических коннотаций чисел позволяет раскрыть внутренние пласты смысловой организации текста.

Результаты исследования

Об апокрифе «Хождение Зосимы к рахманам» известно, что он является византийским текстом V в. На Руси был популярен уже в XIV в., входил в Индексы запрещенных книг, что не помешало его включению в состав Паисиевского сборника, который использовался не только мирянами, но и представителями Церкви. В тексте рассказывается о том, как главный герой Зосима отправляется в далекую страну к загадочному народу рахманам, чтобы, записав их жизнь, дать верующим пример духовного возрастания в деле спасения души и наследования Царствия Небесного.

Произведение, как видно из самого названия, относится к жанру хождения, в основе которого содержится описание странствий (путешествий) героя. Существительное «хождение» обозначает действие по глаголу ходить, т. е. движение, повторяющееся, совершающееся в разных направлениях в разное время с разной степенью длительности.

Обозначение передвижения (три дня молился, 40 дней шел, постился, прожил 36 лет праведно и т. д.) составляет языковую фиксацию смыслового образования универсального концепта «Время», где последовательное совершение действий во времени может также рассматриваться и как процесс (в материальном или духовном плане). Именно эти связанные между собой универсальные понятия действие-процесс-время, являющиеся ключевыми признаками дискурса, и будут рассмотрены нами при дальнейшем анализе.

Обратимся к структурному уровню текста, где выражение данного концепта наблюдается в выборе кольцевой композиции произведения, которую можно рассматривать как выражение своеобразной «формы времени» – отражение в ней восприятия времени через призму человеческой жизни. Дело в том, что произведение представляет собой особым образом организованный текст, повествование в котором осуществляется от лица нескольких рассказчиков. Каждый рассказ может рассматриваться как самостоятельный текст и одновременно элемент единой композиционной системы, так как они объединяются общим названием – «Хождение Зосимы к рахманам. Житие и жизнь преподобного отца нашего Зосимы. Как ходил к рахманам», а также композиционной рамкой, которая оформляет и связывает повествования. Представленное в тексте житие начинается и завершается повествованием от лица мнимого рассказчика, который как бы вводит читателя в сюжетную канву повествования, сообщая о мотивах путешествия, фиксируя момент начала пути героя и завершая свой рассказ свидетельством о его кончине, замыкает, очерчивает таким образом жизненный путь персонажа, который напрямую связывается с завершением определенного жизненного цикла. Образованный круг (первый круг), представляя собой бесконечную линию, замыкает материальное время и пространство, открывая перед собой иной уровень бытия.

В общую нить повествования вплетается история жизни преподобного, рассказанная им самим, точкой отсчета и завершения которой становится телесная и духовная борьба с грехом, позволяющая встать на путь духовного совершенства, на котором в тексте и делается акцент (круг второй). Третья история, житие блаженных, написанная на досках, представляет собой путь духовного возрастания, который изначально может рассматриваться как иде-

альный вариант человеческого существования, органично вписанный Богом в общий Божественный миропорядок, к сожалению, ставший невозможным для человечества из-за грехопадения первых людей. Однако он оказывается единственно возможным для избранных, и считается третьим кругом – символом бесконечного, идеального существования, символом полного цикла (третий круг). Цикл, как известно, переводится с латинского языка как круг. Таким образом, все персонажи в повествовании включаются в свои циклы жизни и представляют собой текущее состояние мира, что утверждается и через тройное усиление.

Антропоцентрическая составляющая представлений о времени фиксируется в тексте и на нумерологическом уровне, где время можно представить и как разомкнутый и расправленный в линию круг (линейное время). Следовательно, в нем появляются «начало» и «конец». Схематично основные моменты повествования, в состав которых вошли цифровые обозначения, можно представить в следующем виде:

I. Путешествие Зосимы к рахманам: 40 дней и ночей молитвы Зосимы; 40 дней и ночей в пути; 3 дня молитвы для укрепления духа.

II. 7 дней пребывания с блаженными, срок их жизни 360 лет и 1600 лет.

III. Обратное путешествие: верблюд несет праведника 105 дней; 40 дней ангел ведет до пещеры.

IV. Жизнь в пещере. Основные события: через 8 дней искушения дьявола (360 бесов, 40 дней) ----- прожил еще в пещере 36 лет ----- кончина.

Упомянутые в тексте числовые обозначения образуют числовую ось времени, и их фрагменты можно считать интервалами на этой оси.

Структура концепта «Время» в данном тексте представляется как ядерно-периферийная модель, в центре которой находятся значения движения-длительности. Ближняя периферия представлена значением «цикл», концептами являются «настоящее», «прошлое» и «будущее», образующие линейную структурную организацию времени. Циклическая структурная организация времени представлена на уровне ближней периферии значением «жизнь человека». Ближнюю периферию «момента» представляют концепты «начало» и «конец».

Указанные в произведении числовые обозначения, а это числа 40, 3, 7, 360, 1600, 105, 4, 8, 36, входят в общепринятую систему символической интерпретации чисел, которая сложилась в процессе толкований в православно-христианской традиции книг Священного Писания. В связи с этим обстоятельством они не могут не рассматриваться и с точки зрения мистико-символического значения, что, безусловно, вносит свои коррективы в процесс общего осмысления, так как сакральное значение придает цифровым обозначениям иную смысловую нагрузку (Кириллин, 2000, с. 15).

В структуре текста прослеживается, на первый взгляд, необычный порядок расположения числовых обозначений, однако анализ текста показывает, что использование их именно в такой последовательности, их четкая текстовая закреплённость говорят об особой отведенной им роли в реализации автором идейно-художественной и стилистически-эстетической задачи. Ее суть – показать на примере жизненного пути преподобного Зосимы и блаженного народа процесс внутреннего преобразования, духовного возрастания, достижения определенной степени святости на земле, чтобы через приобщение к чужому

опыту верующий человек имел возможность уже на земле удостоиться Царствия Небесного и обрести вечную жизнь.

К числу таких символов относится числовое обозначение 40, которое многократно встречается в Библии. Например, сорок дней и ночей продолжался потоп (Быт. 8: 6–7); странствие евреев по пустыне продолжалось 40 лет (Исх. 16:35; Чис. 14:33; Втор. 8:2), сорок дней провел Моисей на горе Синай (Исх. 24:18; 34:28; Втор. 9:9, 18; 10:10). В земной жизни Иисуса Христа с этим символом связаны два события: перед началом проповеди Царства небесного Спаситель мира, удалившись в безводную Иудейскую пустыню, постился 40 дней (Мф. 4:4:2; Лк. 4:2) и до своего вознесения Воскресший Господь оставался на земле 40 дней (Деян. 1:3) и т.д.

В апокрифе число 40 употребляется 3 раза на разных этапах путешествия героя. Прежде следует сказать, что данное числовое образование, как и последующие, является, с одной стороны, языковым отражением объективного времени и служит для темпоральной локализации события, о котором говорится в тексте, с другой стороны, через мистико-символическое значение, обогащает текст иным смыслом, выводя его на уровень иного бытия.

Повествование начинается с указания на то, что «жил некогда человек в пустыне по имени Зосима, человек праведный, который не вкушал ни хлеба, ни питья 40 дней и 40 ночей и не видел лица человеческого. Ибо отец этот молился Богу, чтобы увидеть жизнь блаженных людей-рахман» (Хождение Зосимы). В данной ситуации число 40 используется в качестве указания на действия в рамках точного временного обозначения, и может рассматриваться как символ приготовления к чему-то важному, особенному, к новой жизни. В другой ситуации – главный герой 40 дней идет в неизвестном ему направлении – дается указание на то, что во время путешествия на долю героя выпадают тяжелые телесные испытания, духовные искушения, с которыми и связывается символика данного числа. Интересна символическая интерпретация третьей ситуации, которая описана в тексте следующим образом: «Взяв меня за руку, ангел Господень придал мне сил и вел меня 40 дней до пещеры, в которой жил я раньше. И предложил мне трапезу праведную, и положил доски чистые, которые дали мне блаженные, на алтарь в пещере моей. <... > Потом явился мне ангел Господень, который был со мной [всегда], и другие ангелы с ним, и вознесли они меня в пещеру со славой великой» (Хождение Зосимы). Здесь речь идет о духовном возрастании самого героя и выполнении возложенной на него миссии, что и указывается соответствующим числовым обозначением. С точки зрения мистической арифметики, к которой обращались святые отцы при толковании Святого Писания, число сорок образовано путем умножения двух других символических чисел: 4 – символ пространственной законченности видимого мира и 10 – символ относительной завершенности, т. е. законченность процесса связывается с материальным миром, но относительная завершенность указывает на неполноту, устранение которой возможно только в духовном бытии, где, по мнению святых отцов, будет продолжаться духовное возрастание человека, которое невозможно без Спасителя.

Указанием на это является символика числа 105. Данная цифра упоминается в тексте в связи с тем, что встретившийся во время путешествия верблюд не только доставляет Зосиму к земле блаженных рахман, но и несет его обратно

в течение 105 дней. Данную цифру можно разложить на $100 + 5 = 105$. Цифра сто – совершенное число, выражающее единство божественного и материального начал, символизирующего предназначенность, посвященность чего-либо или кого-либо Богу. Воспринималась как символ горнего мира. Пятерка – число благодати, милости, знак мистического соединения поврежденного человечества со Спасителем, евхаристическое пресуществление всех христиан в жизнь вечную (достаточно вспомнить евангельскую притчу о 5 хлебах, насытивших 5 тысяч человек, притчу о 5 мудрых и 5 неразумных девах) (Садов, 2009, с. 1313).

Однако полный ритуал посвящения Богу Зосима проходит по возвращении в свою пещеру. «Через 8 дней, собрав 360 бесов, похитили меня из пещеры, где я творил молитву, и били меня, свистая, 40 дней» (Хождение Зосимы). Как было сказано ранее, цифра 40 связывалась в сознании верующих с испытаниями, посланными Господом. Их полнота усиливается через указание на цифры 36 и 360, центром которых является 9, которая символизирует собой окружность и ассоциируется с полным кругом выпавших на долю главного героя испытаний (9 кругов ада). Все это совершается на 8 день.

В контексте христианской традиции число 8 и кратные ему являются священными числами, наделенными сложной символической-ассоциативной семантикой. Во-первых, эта цифра – христологична по своей семантике, так как ее соотносят с образом Христа (цифровое значение слова Иисус равняется 888, записано в Новом Завете 888 раз) и его пребыванием в мире. В 8 день Господь был обрезан и наречен именем Иисус, на 8 день произошло событие, связанное с Преображением Господа на горе Фавор, спустя 8 дней Христос после Воскресения является своим ученикам и т. д.

Поскольку данное цифровое обозначение представлено двойным квадратом, то в связи с этим обозначает равновесие форм и надежность, доведенную до совершенства. Форма восьмерки говорит о своей двойственности: духовный и материальный мир слились воедино. Она также считается числом полноты и ассоциируется с новым началом – началом новой жизни, новой эры и выражает идею возобновления, возрождения, воскресения. Данное число соотносится с библейским фактом спасения, отсюда его сотерологическое значение: 8 человек спаслись во время Всемирного потопа. Восьмерка считается числом бессмертия, числом вновь обретенного рая. Восьмой день породил нового, совершенного человека, начинается духовное обновление.

Следует обратить внимание на то, что после возвращения из земли блаженных Зосима прожил в пещере еще 36 лет. Дело в том, что самостоятельным символическим значением, как было сказано ранее, наделялись числа первой «десятицы». Что касается мистико-символического значения других числовых обозначений, то оно определялось путем применения к числам десятицы особых операций мистической математики, в данном случае сложения, поэтому число тридцать шесть можно интерпретировать как сумму элементарных сакрально значимых чисел, указывающих на совершенство $(10 + 10 + 10) + 6$ – плотское число, символизирующее то, что будет уничтожено. Таким образом, Зосима умирает после того, как в его земной жизни полностью через праведную и безгреховную жизнь уничтожается все низменное и порочное, и через телесную смерть обретается духовное совершенство. О духовном преображении свидетельствуют и следующие указания: в начале повествования Зосима называет

ся «праведным человеком», т. е. живущим с Богом по евангельским законам, «человеком Божиим», единственным из монахов, достойных увидеть рахман, к концу – блаженный христов человек. Завершается текст указанием на то, что после смерти Зосимы вырастают 7 финиковых деревьев и из земли пробивается святой источник – символ святости, чистоты (Кириллин, 2000, с. 17).

Семерка считается числом полноты, духовного совершенства, символизирует гармонию. Кстати сказать, духовную и телесную гармонию ощущает главный герой в течение семидневного пребывания у рахман. Это числовое обозначение в Священном Писании используется очень часто. Например, история сотворения мира завершается седьмым днем покоя (Быт. 2:3), в Откровении говорится о 7 церквах, 7 звездах, и сама композиция текста «Апокалипсис» Иоанна Богослова построена на числе 7 и т. д. Данная форма связывалась с обозначением полноты времен. Она также мыслилась как число человека, жизнь которого гармонично вплетается в мировой порядок, и связывалась с учением о свойствах Святого Духа (7 дарований Духа) и с христианской этикой (7 добродетелей и смертных грехов). Потому, видимо, знаменовала собой высшую степень познания Божественной тайны и постижения духовного совершенства (7 таинств, 7 ступеней премудрости, 7 недель великого поста); наконец ее использовали в качестве символа вечного покоя и отдохновения, которое наступит вместе с концом мира. Действительно, пребывание героя становится возможным после того, как он духовно подготавливается к встрече с избранными, проходит обряд воздержания через телесные и нравственные испытания, преобразившись, становится способным воспринимать Откровение, Слово Божие, которое, как говорит ангел, «выше хлеба, и Дух Святой выше питья» (Кириллин, 2000, с. 17).

Циклическая структурная организация времени раскрывается в тексте через цифровую символику, когда речь в повествовании идет о продолжительности жизненного пребывания блаженных на земле. Как сказано в тексте, в юном возрасте они умирают в возрасте 360 лет, а в более позднем – в возрасте 1600 лет. Понятно, что речь идет здесь не о полноте пройденных испытаний, необходимых грешному человеку для физического и нравственного очищения, что связывалось в библейском сознании верующего с цифрой 40, а духовном возрастании народа. Цифра 360, символизирующая собой окружность (полный цикл), ассоциируется с полнотой духовного совершенства. Что касается цифры 1600, то ее можно разложить на следующие составляющие: $800 + 800 = 1600$. О символике цифры 8 уже было сказано ранее. Отметим лишь, что в данном случае в тексте указывается на то, что блаженные люди, достигнув высокого духовного уровня, еще в пределах земной жизни приготавливаются к новой жизни, вечному приобщению к Небесной Церкви Нового Иерусалима. По сути дела, в данном тексте проводится мысль о том, что настоящее блаженство (счастье) может быть не только в раю, но и на земле. История жизни рахман показывает постепенный процесс духовного восхождения на пути к Вечности. Блаженство – это совокупность тех качеств, которые сделали их счастливым, это радость со-общения с Творцом и приобщения к Вечности.

Трехкратное повторение указанных ранее числовых обозначений, часто встречающихся в тексте, подчеркивающих значимость и важность представленных событий; трехкратное явление ангела (вестника) – представителя духовного ноуменального мира, выполняющего особые поручения Создателя; неоднократ-

ные трехдневные молитвы отшельника – обращения к Богу с прошениями – свидетельствуют о символичности числового обозначения. В Священном Писании тройка всегда связывалась с числом Божественной Триады, тринитарная сущность которой отражена и в триадности вещественного мира (небо, земля, вода), человека (тело, душа, дух). Она невольно вызывала у читателя ассоциации с известными евангельскими страницами, где говорилось о явлении трех ангелов Аврааму (Быт. 18), о трехкратном прославлении святости Бога (Ис. 6:1), о словах Христа по поводу трехдневного воздвижения нерукотворного храма. Само Его воскресение произошло в третий день, трехкратным было отречение Петра (Мф. 26:34), три звезды видим на мафории Богоматери. Как и в священных текстах, это число в апокрифе символизирует все духовное, трактуется как число, подчеркивающее святость, преданность Богу.

Заключение

Таким образом, мы можем сказать, что в структуре данного назидательно-теологического и символично-притчевого по своему существу сюжета число выступает как самостоятельный образно-художественный элемент, который является стилевой доминантой произведения и определяет его художественное своеобразие. Числовые обозначения играют не только прямую конструктивно-нарративную роль, но и воспринимаются как сакральные, что не могло не вызывать у читателя определенные литературные ассоциации. Числа используются в тексте не изолированно друг от друга, а вплетаются в ткань вербального повествования, тесным образом связываются с идейно-художественными и стилистически-эстетическими задачами, поставленными автором, с сюжетным развитием и общим содержанием произведения. Через этот образно-специфический язык передавалась основная евангельская мысль – полнота жизни возможна только с Богом, и пребывание с Ним в постоянном общении дает духовную радость, счастье и блаженство. Единственно верный путь к Нему – праведная жизнь, монашество, отшельничество и апостольское служение (распространение вероучения).

Список литературы

1. Карасик, В.И. (1999). *Религиозный дискурс. Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики*. Волгоград: Перемена.
2. Карасик, В.И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена.
3. Кириллин, В.М. (2000). *Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века)*. Санкт-Петербург: Алетейя.
4. Мильков, В.В. (1997, 14 апреля). Концепция земного рая в древнерусских апокрифах. *Апокрифы Древней Руси: Тексты и исследования*. Взято с http://lit.lib.ru/img/i/irhin_w_j/biblioteka/apokrify.htm
5. Пиотровский М.Б. (1991). Ар-Рахман. *Ислам: энциклопедический словарь*. Отв. ред. С.М. Прозоров. Москва: Наука.

6. Садов, А.И. (2009). *Знаменательные числа*. Санкт-Петербург: СПбПДА.
7. Смольникова, Л.Н., Мильков, В.В. (1992). Апокрифы в религиозной и идейной жизни Руси периода ее христианизации. *Переводные памятники философской мысли в Древней Руси*. Москва: Наука.
8. Топоров, В.Н. (1980). О числовых моделях в архаичных текстах. *Структура текста*. Москва: Наука.
9. Фаст Геннадий, протоиерей (2009). *Толкование на Апокалипсис*. Москва: Никея.
10. Хождение Зосимы к рахманам. Житие и жизнь преподобного отца нашего Зосимы, как ходил к рахманам (1997). *Апокрифы Древней Руси: Тексты и исследования*. Взято с http://lit.lib.ru/img/i/irhin_w_j/biblioteka/apokrif.htm

---

References

1. Fast Gennadij, protoierej (2009). *Tolkovanie na Apokalipsis* [Interpretation of the Apocalypse]. Moskva: Nikeya.
  2. Hozhdenie Zosimy k rahmanam. Zhitie i zhizn' prepodobnogo otca nashego Zosimy, kak hodil k rahmanam [Zoshima 's walking to the Rahmans. Life and life of our Reverend Father Zosima as went to Rahmans]. (1997). *Apokrify Drevnej Rusi: Teksty i issledovaniya* [Apocrypha of Ancient Russia: Texts and studies]. Retrieved from http://lit.lib.ru/img/i/irhin_w_j/biblioteka/apokrif.htm
  3. Karasik, V.I. (1999). Religioznyj diskurs [Religious discourse]. *Yazykovaya lichnost': problemy lingvokul'turologii i funkcional'noj semantiki*. Volgograd: Peremena.
  4. Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs*. [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
  5. Kirillin, V.M. (2000). *Simvolika chisel v literature Drevnej Rusi (XI–XVI veka)* [Symbolism of numbers in literature of ancient Russia (XI–XVI century)]. Sankt-Peterburg: Aletejya.
  6. Milkov, V.V. (1997, April 14). Konceptiya zemnogo raya v drevnerusskih apokrifah [Concept of Earth paradise in ancient Russian apocryphs]. *Apokrify Drevnej Rusi: Teksty i issledovaniya*. Retrieved from http://lit.lib.ru/img/i/irhin_w_j/biblioteka/apokrif.htm
  7. Piotrovski, M.B. (1991). Ar-Rahman. *Islam: enciklopedicheskij slovar'* [Islam: encyclopaedic dictionary]. otv. red. S.M. Prozorov. Moskva: Nauka.
  8. Sadov, A.I. (2009). *Znamenatel'nye chisla* [Significant numbers]. Sankt-Peterburg: SPbPDA.
  9. Smol'nikova, L.N., & Mil'kov, V.V. (1992). Apokrify v religioznoj i idejnoj zhizni Rusi perioda ee hristianizacii [Apocryphs in religious and ideological life of Rus period of its Christianization]. *Perevodnye pamyatniki filosofskoj mysli v Drevnej Rusi*. Moskva: Nauka.
  10. Toporov, V.N. (1980). O chislovyh modelyah v arhaichnyh tekstah [About numerical models in archaic texts]. *Struktura teksta*. Moskva: Nauka.
-

ОБОСНОВАНИЕ НОВОГО ПОДХОДА К КРИТИЧЕСКОМУ ДИСКУРС-АНАЛИЗУ: КЕЙС ПУБЛИЧНЫХ СЛУШАНИЙ В РФ

Линде Андрей Николаевич,

Одинцовский филиал МГИМО МИД России,
доцент,
Москва, Россия,
E-mail: anlinde@mail.ru

Для цитирования: Линде А.Н. Обоснование нового подхода к критическому дискурсу-анализу: кейс публичных слушаний в РФ // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 63-77. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10305

Аннотация

Основная цель данной статьи – применить критический дискурс-анализ, основанный на оригинальной методологии Ю. Хабермаса, к исследованию конкретного кейса. Поэтому в качестве предмета исследования выбирается кейс публичных слушаний по строительству вентиляционного киоска метро в общественном парке «Зюзино». Автор статьи объединяет оригинальную методологию критического дискурс-анализа, впервые разработанную В. Кукир и др., с оригинальным институциональным анализом, основанным на принципах «идеальной речевой ситуации» Ю. Хабермаса. Это позволяет с разных сторон выявить отступления и недостатки, существующие в публичных слушаниях в России.

Ключевые слова:

критический дискурс-анализ, Ю. Хабермас, местное самоуправление, публичные слушания.

JUSTIFICATION OF A NEW APPROACH TO CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS: THE CASE OF PUBLIC HEARINGS IN RUSSIA

Linde Andrey Nikolaevich,

Odintsovo Campus of MGIMO University,
Associate Professor,
Moscow, Russia,
E-mail: anlinde@mail.ru

To cite this article: Linde, A.N. (2019). Obosnovanie novogo podxoda k kriticheskomu diskurs-analizu: kejs publichnyx slushanij v RF [Justification of a New Approach to Critical Discourse Analysis: The Case of Public Hearings in Russia]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(36), 63–77. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10305

Abstract

The main goal of this article is to apply a critical discourse analysis based on the original methodology of J. Habermas to the study of a particular case. Therefore, as the subject of the research is chosen the case of public hearings on the construction of a subway ventilation shaft in the public park "Zyuzino". The author of the article combines the original methodology of critical discourse analysis, first established by W. Cukier and others, with the original institutional analysis based on the principles of the "ideal speech situation" by J. Habermas. This allows us to identify from various sides deviations and shortcomings that exist in public hearings in Russia.

Keywords:

critical discourse analysis, J. Habermas, local self-government, public hearings.

Критический дискурс-анализ имеет особое нормативное и научное значение среди современных подходов в политической науке, так как в нём происходит объединение нормативного и эмпирического уровней исследования. Поэтому именно в критическом дискурс-анализе доказывается, что нормативный подход, духовные нормы, ценности, в том числе гуманистические ценности, положительно влияют на развитие эмпирических исследований.

Поэтому *цель исследования* – определить, возможно ли нормативно-ценностное обоснование политических исследований, отвечающих не только познавательным, прагматическим, но и гуманистическим, эмансипаторным целям.

Это особенно важно для развития критически-эмансипационного понимания политической науки.

I. Теоретико-философские основания исследования

В критическом дискурс-анализе существует «общее понимание критики: скрытые структуры власти должны быть выявлены, основным объектом анализа становятся несправедливость, неравенство и дискриминация, а исследователь должен оставлять свою точку зрения открытой для критики и сделать её «прозрачной» и «однозначной» (Forchtner, 2010, pp. 18–19), как пишет Б. Форхтнер.

Сравним два, по своей сути, противоположных подхода в теории политической коммуникации: критический дискурс-анализ и подход «изучения информационного воздействия», с точки зрения утверждающих эти подходы и предшествующих им нормативно-теоретических моделей природы коммуникации.

Критическому дискурс-анализу соответствует модель гуманистического, этического отношения к человеку, основанного на диалогическом, субъект-субъектном, всестороннем, равноправном взаимодействии между людьми в обществе в форме всеобщего, двунаправленного обсуждения, проходящего в интересах всех граждан – Общего блага. Тогда, основой коммуникации являются качественные смыслы, передаваемые между людьми с целью достижения взаимопонимания. Этой модели коммуникации соответствует диалог. Основоположниками критического дискурс-анализа являются: З. Йегер и Ф. Майер, Н. Фейрклау, Т. Ван Дейк, Р. Водак и др.

Но, с точки зрения Б. Форхтнера, основные принципы критического дискурс-анализа должны быть нормативно обоснованы. Иначе возникает угроза, что, постулируемые как гуманистические, принципы критического дискурс-анализа могут напротив использоваться как инструменты идеологической манипуляции и дискриминации.

Поэтому одним из основных вариантов нормативных оснований критического дискурс-анализа может стать социально-философский подход Ю. Хабермаса и выявленные в нём нормы подлинной человеческой, равноправной, свободной социальной и политической коммуникации между людьми.

Рассмотрим основные положения подхода Ю. Хабермаса подробнее. Они выражены как в оригинальной теории коммуникативного действия, концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса, так и в его подходе к двум фундаментальным философским понятиям – «системы» и «жизненного мир».

Так, в кибернетике Н. Винер предложил научно-техническое понятие «самовоспроизводящейся системы», перенятое в социальной теории Парсонсом для анализа общества в целом. «Система» определяется следующим образом: в механистической технике или естественном индивидуальном организме на более высоком уровне развития элементы складываются в общую систему, обладающую свойством эмерджентности – несводимости состояния и новых свойств образовавшейся системы к свойствам её отдельных элементов. Поэтому процессы в системе объединяются в общую, согласующуюся, «синергическую деятельность» (Винер, 1969, с. 20), постепенно складываясь в «один орган» (Винер, 1969, с. 22). Но очевидно, что общество нельзя определить как просто некую единую биосистему или как жизнь системы-муравейника.

Так, в системном анализе общества, понимаемом как эмерджентная совокупность элементов в совместной, согласующейся деятельности, точно не определена роль отдельной личности. Предположительно, личность будет пониматься

только как элемент общей системы, что противоречит как философским, личностным принципам персонализма, так и принципам демократического идеала. Скорее такой системный подход приведёт к технократическому, авторитарному управлению обществом, что также говорит о необходимости разработки другого теоретического подхода.

Ю. Хабермас стремится защитить исходный, интерпретационно понимаемый «жизненный мир» самих людей.

По утверждению основателя феноменологии Э. Гуссерля, познанию человеком действительности предшествует существующий для него субъективно «жизненный мир»: совокупность непосредственных представлений людей о себе, окружающем мире, не объективно заданных, а субъективных норм, ценностей, религиозных предпочтений, сформированных в повседневном жизненном опыте. Сквозь «призму» ценностей жизненного мира человек воспринимает действительность, эти нормы и ценности не зависят от «научных констатаций» (Гуссерль, 2013, с. 176). Жизненный мир существует субъективно для личности и интерсубъективно для разных социальных групп в обществе. Прочитанная в жизни литература, принятые религиозные, духовные убеждения и другие осознанные вещи обогащают жизненный мир личности. Поэтому и общество становится не унифицированным, однообразным, а плюралистическим, представляющим разные точки зрения.

Благодаря применению понятия «жизненного мира», основой анализа становятся не сконструированные и внедряемые системой ценности и представления, а субъективные ценности самих людей. Это также позволяет развивать нормативный подход в политической науке, стремящийся к защите, сохранению и эмансипации человеческой личности и её собственных убеждений.

Также Ю. Хабермас развивает оригинальный подход к определению нормативной сущности демократического дискурса:

Ю. Хабермас предлагает одновременно субъективно-личностный, формально-прагматический, процедуралистский подход к определению сущности дискурса. *Дискурс* – это «особый идеальный вид речевой коммуникации» (Мир политической науки, 2004, с. 537), всегда осуществляемый в рамках социокультурного жизненного мира, являющегося выражением непосредственных представлений граждан того или иного общества, но опирающийся на идеальные условия, в «максимально возможном отстранении от экономико-политических принуждений социальной реальности, авторитетов, интересов, мотиваций и т.д.» (Мир политической науки, 2004, с. 537). Дискурс служит аргументированному высказыванию собственных представлений граждан, обеспечивает установление взаимопонимания и последующее определение консенсуса через равное, свободное и всестороннее обсуждение.

Ю. Хабермас определяет критерии формирования независимого, рационального общественного мнения:

1. В общественности выражающих точку зрения «вовне» ровно столько, сколько «принимающих» информацию: коммуникация строится по принципу диалога, каждый может выступить в роли «отправителя» и принимающего сообщения. Потенциально каждый может выразить своё мнение и выслушать позицию другого. Повестка не определяется «лидерами общественного мнения» через СМИ, транслирующими информацию публике.

2. Политические коммуникации общественности организованы таким образом, что есть возможность немедленно и результативно ответить на любую точку зрения, выраженную публично.

3. Общественное мнение находит выход в результативном, рациональном, позитивном действии, даже если оно входит в противоречие с нормами, установленными «господствующей системой властных отношений» (Habermas, 1991, p. 249).

4. Институты власти не нарушают общественности, которая более или менее независима в проведении дискуссии.

Это поможет сформировать оригинальный *институциональный метод* изучения существующих институтов коммуникации.

Соответственно, чтобы граждане могли прийти к рациональному заключению, и были учтены наиболее веские аргументы, все высказывания участников обсуждения должны удовлетворить «притязаниям на значимость».

1. Сообщения претендуют на *истинность* по отношению к фактам реального мира и логически верны.

2. Сообщения стремятся удовлетворять существующим нормам *справедливости* или предлагают новые принципы, которые могут сделать мир более справедливым.

3. Сообщения *искренни* по отношению к чувствам, переживаемым людьми, и способствуют большему искреннему взаимопониманию между ними.

4. Сообщения выстроены лингвистически *ясно и понятно* для всех сторон, участвующих в обсуждении.

В целом, эти принципы политической коммуникации предлагают коммуникативную основу концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса. *Делиберативная демократия* (от англ. deliberate – обсуждать, обдумывать) – особый подход к демократическому режиму, согласно которому для сохранения изначальных принципов демократии необходимо повысить роль гражданского общества и его воздействие на государственную администрацию, чему служит процедура рационального обсуждения.

II. Методология исследования

Нормативный подход Ю. Хабермаса – притязания на значимость, В. Кукир, К. Миддлтон, Р. Бауер операционализировали в методологии критического дискурса-анализа. Методология определена следующим образом (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Притязания на значимость и соответствующие измерения дискурса (Cukier, Bauer & Middleton, 2014, p. 241)

Притязания на значимость	Итог – «подлинная коммуникация»	Искажение – «искажённая коммуникация»	Измерения «текста»
Содержание сказанного должно быть фактом действительности или истинным	Правда	Введение собеседника в заблуждение	Аргументация и проверка логичности умозаключений, фактов действительности

То, что говорящий сказал, справедливо или приемлемо в свете существующих норм и ценностей	Легитимность	Нелегитимность	Насколько в текстах равноправно представлены мнения разных групп, вовлечённых в обсуждаемый вопрос
Говорящий честен (или искренен) в том, что он говорит	Искренность	Введение собеседника в ложную уверенность	Метафоры и «означающие» слова
То, что сказано, лингвистически понятно и разумно	Ясность	Введение в замешательство	Риторика и семантика

Учёные успешно применили её, выявляя подлинные причины технизации образования в канадском университете Акадия. Поэтому были выявлены искажения коммуникации, что проявилось в нарушениях «притязаний на значимость» в дискурсе по принятию общеуниверситетского решения. Это указывает на значимость нормативного подхода Ю. Хабермаса.

Мы также дополним критический дискурс-анализ, проведённый В. Кукир и её коллегами, новым методом институциональных исследований – исследованием существующих институтов политической коммуникации на соответствие принципам «идеальной речевой ситуации».

Критерии неискажённой коммуникации представлены Ю. Хабермасом в его оригинальных принципах модели «идеальной речевой ситуации»:

1. Все граждане имеют право открыть дискурс по проблемным общественным вопросам и продолжить обсуждение.
2. Граждане – участники дискурса имеют равные возможности представить свои предложения, точки зрения, аргументировать их или критиковать другие.
3. Участники дискурса честны перед своим «внутренним миром», в отношении «своих установок, чувств и намерений» (От критической теории, 2001, с. 91).
4. На точки зрения граждан и процедуру дискурса не влияют «внешние принуждения» реальности: социальное положение, материальные возможности и влияние граждан, имеет силу только значение аргумента.

Также особенно значимы критерии формирования подлинного общественного мнения, выявленные Ю. Хабермасом. Из них мы возьмём третий принцип, дополняющий «идеальную речевую ситуацию»:

5. Общественное мнение находит выход в результативном, рациональном, позитивном действии, даже если оно входит в противоречие с нормами, установленными «господствующей системой властных отношений» (Habermas, 1991, p. 249).

Это необходимо для формирования оригинального институционального подхода к исследованию.

При помощи принципов Хабермаса мы рассматриваем существующие прописанные в законодательстве юридические нормы политических обсуждений. Это позволяет выявить недостатки существующих институтов коммуникации

и творчески перерабатывать эти институты, реализуя на практике нормативные принципы Ю. Хабермаса.

Теперь, рассмотрим основные элементы нашего исследования.

1) Анализ конкретного случая обсуждений.

Проанализируем следующий кейс публичных слушаний в муниципальном округе, на которых гражданами обсуждаются различные проекты строительства, застройки на территории и т. д.

В 2016 г. в Москве, в муниципальном округе Зюзино администрацией было предложено строительство вентиляционного киоска метро, в связи со строительством новой станции. Но, по градостроительному плану земельного участка вентиляционного киоска, его планировалось разместить именно на территории парка «Зюзино», ставшего любимым местом отдыха многих граждан – жителей муниципального округа.

Но в проекте строительства не использовалась более подходящая для этого параллельная сторона улицы. Более того, в парке вместе с вентиляционным киоском планировалось возвести большой рабочий городок для работы над киоском. Тем не менее, в официальном градостроительном плане это было не обозначено. В результате большая часть парка «Зюзино» была бы застроена, его природная среда сильно бы пострадала (многие деревья были бы вырублены и т. д.), а люди лишились любимой ими природы и места для отдыха. Поэтому возникла достаточно сильная волна протеста, особенно проявившаяся на публичных слушаниях.

Мы анализируем деятельность государственной администрации по строительству вентиляционного киоска как воздействие отчуждённой административной «системы» на общество. Субъективные ценности, переживания людей, связанные с дорогой для них природной средой, парком «Зюзино», мы анализируем в качестве «жизненного мира» граждан. Данная «система», не восприимчивая и иногда враждебная к субъективным ценностям и переживаниям граждан, стремится технически управлять «жизненным миром» и поэтому нарушает его, также как строительство вентиляционного киоска и рабочего городка могут нарушить природу парка. Соответственно, граждане должны защитить свой «жизненный мир» в свободной публичной сфере, в качестве которой предполагаются государственные, определённые юридически «публичные слушания».

2) Объект исследования – весь дискурс, в котором представителями государственных органов объяснялось предложение администрации по установке вентиляционного киоска и рабочего городка в парке «Зюзино», и гражданами проводилось обсуждение этого предложения.

3) Предмет исследования – конкретные документы, в которых представителями государственных органов объяснялось предложение администрации по установке вентиляционного киоска и рабочего городка в парке «Зюзино», и гражданами проводилось обсуждение этого предложения:

Официальные документы:

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;
2. градостроительный план земельного участка;
3. чертёж градостроительного плана земельного участка;
4. протокол публичных слушаний;
5. заключение по результатам публичных слушаний.

Каких-либо «неофициальных» документов: газет, интернет-публикаций, сообщений, стенограмм неформальных обсуждений после слушаний, в которых бы объяснялось предложение администрации и проводилось обсуждение о постройке в парке, не существует. И поэтому они не могли быть использованы в исследовании.

4) Цель исследования – определить, насколько существующие формальные условия публичных слушаний соответствуют принципам делиберативного обсуждения, и в какой мере в самих обсуждениях установки вентиляционного киоска обеими сторонами – представителями государственных органов и гражданами – были восприняты нормативные «притязания на значимость».

5) Методология исследования:

1. Критический дискурс-анализ.

2. Анализ существующих институтов, основанный на сравнении с нормативными принципами «идеальной речевой ситуации» Ю. Хабермаса.

При этом мы предлагаем методологию исследования только формальных, юридических норм, не погружаясь в по-разному проходящую практику применения этих юридических норм в реальности.

III. Практическое исследование

3.1. Институциональный анализ юридических норм публичных слушаний на основе модели «идеальной речевой ситуации» Ю. Хабермаса

Теперь проанализируем этот кейс подробнее.

1) *Сначала сравним прописанные в законодательстве принципы высказывания мнений, суждений в публичных слушаниях с первым принципом – каждый человек обладает правом высказать мнение по затрагивающим его жизнь социально-политическим вопросам.*

На данный момент в российском законодательстве строго заданы пять основных направлений тем, по которым в принципе возможно осуществление государственных публичных слушаний в муниципальных округах (Федеральный закон, 2019). Но тогда сами граждане не могут вынести собственные, беспокоящие их социальные вопросы на общее согласование.

Поэтому условия осуществления публичных слушаний не отвечают нормативному требованию о предоставлении каждому человеку возможности начать дискурс, выразив свои субъективные мнения в общественном обсуждении.

2) *Сопоставим формальные прописанные условия обсуждений в публичных слушаниях и основное нормативное требование институционализации возобновляемых обсуждений, на которых каждый может представить свои убеждения.*

Это требует предоставления всем участникам обсуждения равного времени для выражения своих убеждений, точек зрения.

Для этого необходимо проведение частых, продолжительных обсуждений, служащих переводу всех суждений из «внутреннего мира» человека в intersубъективный мир межличностной коммуникации людей в их «публичной сфере». С одной стороны, законодательство предполагает проведение публичных слушаний. Но в законодательстве прописаны только однократные публичные

слушания, не предложены процедуры возобновления обсуждений, их регулярной повторяемости, целью обсуждения не ставится достижение консенсуса.

Поэтому у каждого человека нет возможности подробно выразить своё мнение и ответить на другие.

3) *Рассмотрим прописанные в законодательстве условия обсуждения, насколько они обеспечивают возможность выражения искренних мнений.*

С одной стороны, правила публичных слушаний в России предполагают обсуждение, свободное от вмешательства государственных органов. Люди могут свободно выразить свои суждения.

Кроме того, важно, что допускается изложение своих взглядов письменно, благодаря чему люди преодолевают воздействие на них давления большинства, могут свободнее изложить свои взгляды. Поэтому требование искренности участников дискурса в большой степени исполняется.

4) *Изучим, полностью ли условия публичных слушаний обеспечивают свободу обсуждения от административного управления «сверху», от регулирования проведения слушаний в интересах бизнес-структур, когда «должно победить «не принуждающее принуждение»... лучшего аргумента» (Назарчук, 1993, с. 41).*

Хотя в законодательстве прописано требование об участии в слушаниях только жителей этого муниципального округа, нет конкретных правил подтверждения установленной прописки. В результате, в слушаниях могут участвовать другие люди, не заинтересованные в обсуждении этих проблем. Такая манипулятивная технология часто используется администрацией округа, когда для участия в слушаниях специально приглашаются люди, не проживающие в округе и выполняющие на слушаниях поручение администрации. В результате утверждается не естественная точка зрения самих людей, а искусственно сконструированная государственным аппаратом.

Люди должны обладать возможностью выразить именно собственное мнение, что требует создания равноправной, диалогической коммуникации между гражданами, служащей выработке в публике более продуманного, рационального, «рефлексивного» общественного мнения. Но, напротив, юридические правила публичных слушаний предполагают только одно, строго ограниченное по времени, обсуждение.

Отсутствуют процедуры голосования в начале и по окончанию слушаний, служащих пониманию участниками обсуждения, какие мнения существуют, достижению консенсуса. Нет возможности определить, изменились ли мнения граждан после обсуждения. Это также затрудняет обмен мнениями между гражданами, понимание самими гражданами состояния их жизненных представлений, пересечений во взглядах и близости этих взглядов между всеми ними, проявление воли самих граждан. Так, простой обмен мнениями во время публичных слушаний выборочен и не даёт представлений об основных убеждениях граждан по данному вопросу. Это также делает возможным индоктринацию решения администрации, искажающего смыслы самих граждан, и навязывание сознанию граждан определённой точки зрения как «мнения большинства».

Поэтому, в конечном счёте, в таком навязывании администрацией своей точки зрения происходит программирование извне человеческого сознания и происходит воздействие на их жизненный мир – природный парк «Зюзино».

5) Рассмотрим, насколько процедура публичных слушаний может оказать реальное влияние на принятие государственно-административных решений на муниципальном уровне.

Препятствия в публичных слушаниях для влияния граждан на принятие административных решений:

Изначально публичные слушания не ставят цели обязательного влияния на окончательное решение государственной администрации по их итогам. Мнения и суждения граждан носят только рекомендательно-ознакомительный характер, особенно если большинство выраженных мнений, суждений входит в противоречие с принципами и нормами, установленными властью.

После оглашения, выраженные на обычном языке суждения граждан не операционализируются администрацией однозначно как строго «за» или «против», не обрабатываются для подсчёта голосов, финальное решение не принимается в результате математического (50% + 1 голос) или подавляющего большинства голосов. Напротив, окончательное административное решение может не совпадать с большинством выраженных в суждениях голосов граждан «за» или «против».

Сделаем основные выводы.

Общественности сложно развить и выразить своё мнение, повлиять на окончательное решение. Несмотря на обозначенные требования внимания к мнению общественности, в действительности эти нормы не могут быть реализованы. Это говорит о том, что публичные слушания должны быть серьёзно реформированы с целью донесения в них мнений самих граждан. Это также может быть сделано, и тогда мы реализуем на практике требования Ю. Хабермаса.

3.2. Критический дискурс-анализ обсуждения проекта строительства вентиляционного киоска на территории парка «Зюзино»

1) Притязание на истинность.

С осуществлением администрацией «притязаний на значимость» есть следующая серьёзная проблема. Фактически, в этом случае администрация в принципе не предоставила каких-либо аргументов о месте размещения вентиляционного киоска метро и т. д. Это просто постулируется как факт, как принятое административное решение. Поэтому представления граждан о выборе места для венткиоска изначально не учитываются.

Характерно, что обоснование установки вентиляционного киоска в парке «Зюзино» не было представлено администрацией, установка вентиляционного киоска просто постулировалась административным управлением как факт, не предполагавший никаких дополнительных ценностных и общих логических обоснований.

Также подмена фактов осуществлена уже на уровне формулировки темы публичных слушаний: предлагается только обсуждение «по проекту градостроительного плана... для размещения венткиоска». Хотя предполагалось размещение на территории парка «Зюзино» рабочего городка, наиболее объёмного по площади, следовательно, потенциально занимавшего наибольшую территорию парка «Зюзино».

Также подмена происходит в градостроительном плане и его чертеже, так как также не раскрывается информация о строительном городке. Поэтому объём занимаемой территории в парке «Зюзино» указывается только 0,1 га.

И, в противоположность деятельности государственных органов, общественность выразила свою точку зрения, полностью аргументируя её, представляя оригинальные, различные обоснования необходимости переноса вентиляционного киоска. По окончании слушаний общественность сформировала и выразила различные самостоятельные точки зрения граждан.

Таким образом, в этом дискурсе «притязания на истинность» со стороны администрации не были удовлетворены, напротив, администрация совершила «искажения коммуникации», введя граждан в заблуждение.

2) Притязание на справедливость.

В данных публичных слушаниях также не участвовали официальные эксперты, разработчики чертежа участка, администраторы и т. д.

Участие граждан в обсуждениях строительства вентиляционного киоска также было неоднозначным. С одной стороны, многие граждане – 547 человек смогли участвовать в слушаниях по строительству вентиляционного киоска (Протокол публичных слушаний, 2016). С другой стороны, они участвовали только на уровне обсуждения уже подготовленных администрацией проектов.

Также администрация муниципальных округов не стремилась к активному вовлечению граждан в публичные слушания. Это проявляется в том, что кроме официальных уведомлений на сайте муниципального округа нами не было обнаружено других информационных объявлений о проводимых слушаниях: в сети Интернет, распечатанных объявлений, размещения информации в периодических изданиях – газетах, журналах, сообществах в социальных сетях, регулируемых представителями администрации.

В целом, требования притязаний на справедливость в этом дискурсе не были полностью удовлетворены.

3) Притязание на искренность.

Анализ лексики, метафор, употребляемых гражданами, показывает, что их утверждения были непосредственными, искренними, прямо выражавшими интенцию автора, без «второго» смысла», скрытых мотивов.

Как было проанализировано, администрация, в технических документах, разместила информацию только о строительстве вентиляционного киоска, но не о строительстве рабочего городка. Поэтому граждане были дезинформированы. Сообщения с неполным содержанием не отвечают притязаниям на искренность, негативно влияют на сознание граждан, их автономию, вводя людей в заблуждение и манипулируя ими.

Поэтому в смыслах, сообщаемых администрацией, притязания на искренность также совершенно не были удовлетворены.

4) Притязание на ясность.

Со стороны граждан все высказывания, сделанные в рамках публичных слушаний, представлены на ясном, понятном языке, представляют собой предложения, понятные для других граждан и администрации. Правда, жители муниципального округа делают эмоциональные высказывания: «Руки прочь от нашего парка!!!» (Протокол публичных слушаний, 2016, с. 3). Аргументированный диалог требует только рациональных аргументов.

В документах администрации не приводились никакие аргументы, почему необходимо размещать вентиляционный киоск и рабочий городок на этой, а не другой стороне улицы. Поэтому из-за отсутствия аргументов изначально сложно говорить об исполнении администрацией притязаний на ясность.

Кроме того, удовлетворение притязаний на ясность очень затруднено официальным стилем языка документов, подготовленных администрацией. Излагаются только данные о строительстве вентиляционного киоска, его технические характеристики, которые сложно понять всем обычным участникам публичных слушаний. Таким образом, администрация не пыталась вступить с гражданами в проясненный для всех диалог.

Кроме того, представители администрации, авторы технического градостроительного плана не участвовали в обсуждении. К. Янкаускас говорит, что «в управе не было людей, которые проектировали вентиляционный киоск и могли бы объяснить, что и как». Это также затруднило выявление значения их утверждений среди граждан.

Поэтому со стороны государственной администрации притязания на ясность не были удовлетворены.

Теперь сделаем *основные выводы*.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что со стороны государственной администрации почти все притязания на значимость не были удовлетворены. Следовательно, были также нарушены принципы демократической коммуникации, искажены нормы диалогического обсуждения, государством не были поняты собственные представления людей, программируется власть государственной администрации.

3.3. Общие выводы проведённого институционального анализа публичных слушаний и критического дискурс-анализа публичных слушаний по установке вентиляционного киоска

Институциональный анализ юридических правил и критический дискурс-анализ кейса публичных слушаний показывают, что в данных публичных слушаниях было совершено множество отступлений от нормативных демократических принципов, предложенных Ю. Хабермасом.

В конечном счёте, в таком навязывании администрацией своей точки зрения происходит программирование извне человеческого сознания и происходит воздействие на их жизненный мир – природный парк «Зюзино».

В результате публичных слушаний строительный городок был перенесён на другую сторону улицы, но вентиляционный киоск остался на прежнем месте. Мы полагаем, что изначальная реализация нормативных принципов коммуникации Ю. Хабермаса, допуск граждан к разработке административного проекта по строительству, размещению вентиляционного киоска, не позволили бы администрации нарушить суверенный жизненный мир граждан, не было бы причин для возникновения протестов в гражданском обществе и общественных кампаний. В таком случае выигрывает и гражданское общество, и государственная администрация становится более гуманистической, не нарушающей жизненный мир людей.

Таким образом, институциональный анализ юридических правил и критический дискурс-анализ кейса публичных слушаний показывают, что современные принципы публичных слушаний нуждаются в серьёзном реформировании для реализации принципов демократической коммуникации и нормативных принципов Ю. Хабермаса.

Основные выводы к данному исследованию:

1. Исключение нормативно-ценностного уровня в эмпирических исследованиях приводит к искажению как самих прикладных исследований, так и последующих выводов о сущности нормативных предметов.

2. Нормативное обоснование также необходимо в критическом дискурс-анализе. Одним из таких вариантов является подход Ю. Хабермаса.

3. Ю. Хабермас выявляет нормативную сущность подлинной человеческой коммуникации, требующую дальнейшую практическую институционализацию.

4. Методология Ю. Хабермаса была успешно операционализирована В. Кукир, К. Миддлтон и Р. Бауером. Также на основе этой методологии, совмещённой с институциональным анализом юридических правил, основанным на принципах «идеальной речевой ситуации», мы провели анализ кейса публичных слушаний. Это доказывает практическую применимость методологии Ю. Хабермаса.

5. Положительный исследовательский результат применения этой методологии в практических работах доказывает возможность удачного совмещения нормативного и эмпирического уровней исследования в критическом дискурс-анализе, политической коммуникативистике и политической науке в целом.

Список литературы

1. Алхасов, А.Я. (Ред.). (2001). *От критической теории к теории коммуникативного действия. Эволюция взглядов Ю. Хабермаса*. Тексты. Ульяновск: УлГТУ.

2. Винер, Н. (1969). *Моё отношение к кибернетике. Её прошлое и будущее*. М.: Советское радио.

3. Градостроительный план земельного участка. (2016). Префектура ЮЗАО города Москвы. Взято с <https://uzao.mos.ru/nash-okrug/construction-reconstruction-and-land-use/the-district-committee-on-urban-development-land-use-and-development/protocols-materials-and-conclusions-of-the-public-hearing/materials-2016/>

4. Гуссерль, Э. (2013). *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию*. СПб.: Наука.

5. Заключение по результатам публичных слушаний. (2016). Префектура ЮЗАО города Москвы. Взято с <https://uzao.mos.ru/nash-okrug/construction-reconstruction-and-land-use/the-district-committee-on-urban-development-land-use-and-development/protocols-materials-and-conclusions-of-the-public-hearing/materials-2016/>

6. Мельвиль, А.Ю. (Ред.). (2014). *Мир политической науки: учебник*.

В 2 кн. Кн. I. Категории. (2014). М.: Просвещение.

7. Назарчук, А.В. (1993). От классической критической теории – к теории коммуникативного действия (смена парадигмы в социальной теории). *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, 4, 36–43.

8. Протокол публичных слушаний. (2016). Префектура ЮЗАО города Москвы. Взято с <https://uzao.mos.ru/nash-okrug/construction-reconstruction-and-land-use/the-district-committee-on-urban-development-land-use-and-development/protocols-materials-and-conclusions-of-the-public-hearing/materials-2016/>

9. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». (2019). КонсультантПлюс. Взято с http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

10. Чертёж градостроительного плана земельного участка. (2016). Префектура ЮЗАО города Москвы. Взято с <https://uzao.mos.ru/nash-okrug/construction-reconstruction-and-land-use/the-district-committee-on-urban-development-land-use-and-development/protocols-materials-and-conclusions-of-the-public-hearing/materials-2016/>

11. Cukier, W., Bauer, R., & Middleton, C. (2014). Applying Habermas Validity Claims as a Standard for Critical Discourse Analysis. Conference: International Federation for Information Processing Digital Library; Information Systems Research, 233–258.

12. Forchtner, B. (2010). *Jürgen Habermas' Language Philosophy and the Critical Study of Language. Critical Approaches to Discourse Analysis across Discipline*, 4(1), 18–37.

13. Habermas, J. (1991). *The structural transformation of the public sphere. An inquiry into a category of bourgeois society*. Massachusetts: The MIT Press, Cambridge.

References

1. Alchasov, A.Ja. (Ed.) (2001). *Ot kriticheskoj teorii k teorii kommunikativnogo dejstvija. Jevoljucija vzgljadov J. Habermasa. Teksty* [From critical theory to the theory of communicative action. The evolution of the views of J. Habermas. Texts]. Ulyanovsk: UISTU.

2. Chertyozh gradostroitel'nogo plana zemel'nogo uchastka [Drawing of the urban development plan of the land plot] (2016). Prefecture of the South-West Administrative District of Moscow. Retrieved from <https://uzao.mos.ru/nash-okrug/construction-reconstruction-and-land-use/the-district-committee-on-urban-development-land-use-and-development/protocols-materials-and-conclusions-of-the-public-hearing/materials-2016/>

3. Cukier, W., Bauer, R., & Middleton, C. (2014). Applying Habermas Validity Claims as a Standard for Critical Discourse Analysis. Conference: International Federation for Information Processing Digital Library; Information Systems Research, 233–258.

4. Federal'nyj zakon ot 6 oktyabrya 2003 g. № 131-FZ “Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii” [Federal

Law of 6 October 2003 No. 131-FL “On the general principles of the organization of local self-government in Russian Federation”) (2019). KonsultantPlus. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

5. Forchtner, B. (2010). Jürgen Habermas’ Language Philosophy and the Critical Study of Language. *Critical Approaches to Discourse Analysis across Discipline*, 4(1), 18–37.

6. Gradostroitel’nyj plan zemel’nogo uchastka [Urban development plan of the land plot] (2016). [Prefecture of the South-Western Administrative District of the city of Moscow]. Retrieved from <https://uzao.mos.ru/nash-okrug/construction-reconstruction-and-land-use/the-district-committee-on-urban-development-land-use-and-development/protocols-materials-and-conclusions-of-the-public-hearing/materials-2016/>

7. Habermas, J. (1991). *The structural transformation of the public sphere. An inquiry into a category of bourgeois society*. Massachusetts: The MIT Press, Cambridge.

8. Husserl, E. (2013). *Krizis evropejskih nauk i transcendental’naja fenomenologija: vvedenie v fenomenologičeskiju filosofiju* [The crisis of European science and transcendental phenomenology: an introduction to phenomenological philosophy]. Sankt-Peterburg: Nauka.

9. Mel’vil’, A. Yu. (Ed.). (2004). *Mir političeskoj nauki: učebnik*. V 2 kn. Kn. I. Kategorii [The world of political science: a textbook]. Moskva: Prosveshhenie.

10. Nazarchuk, A. V. (1993). Ot klassičeskoj kritičeskoj teorii – k teorii kommunikativnogo dejstviya (smena paradigmy v social’noj teorii) [From classical critical theory to the theory of communicative action (the shift of the paradigm in social theory)]. *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*, 4, 6–43.

11. Protokol publicnyh slushanij [The record of public hearings] (2016). Prefecture of the South-West Administrative Area of Moscow. Retrieved from <https://uzao.mos.ru/nash-okrug/construction-reconstruction-and-land-use/the-district-committee-on-urban-development-land-use-and-development/protocols-materials-and-conclusions-of-the-public-hearing/materials-2016/>

12. Wiener, N. (1969). *Moja otnoshenie k kibernetike. Ejo proshloe i budushhee* [My attitude to cybernetics. It’s past and future]. Moskva.: Sovetskoe radio.

13. Zaklyuchenie po rezul’tatam publicnyh slushanij [Official statement on the results of public hearings] (2016). Prefecture of the South-West Administrative Area of Moscow. Retrieved from <https://uzao.mos.ru/nash-okrug/construction-reconstruction-and-land-use/the-district-committee-on-urban-development-land-use-and-development/protocols-materials-and-conclusions-of-the-public-hearing/materials-2016/>

ПОЛИТИКА ВИЗУАЛИЗАЦИИ И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКОВ: МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАНДИДАТОВ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА РФ В 2018 ГОДУ

Кожемякин Евгений Александрович,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью, доктор философских наук, доцент, Белгород, Россия, ORCID: 0000-0003-2991-1011, E-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Степаниденко Маргарита Сергеевна,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, магистрант кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью, Белгород, Россия

Для цитирования: Кожемякин Е.А., Степаниденко М.С. Политика визуализации и визуализация политиков: медиарепрезентации кандидатов на пост Президента РФ в 2018 году // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 78–97. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10306

Аннотация

В статье рассматриваются основные стратегии и приёмы визуализации кандидатов на пост Президента России во время предвыборной кампании 2018-го года. Авторы исходят из положения о мультимодальном характере медиатекста, в котором смысловые структуры формируются и транслируются с помощью всего арсенала репрезентационных средств – как вербальных, так и невербальных. На материале трёх изданий – «РИА Новости», РБК и The Insider – продемонстрировано, что селекция средств визуализации преимущественно мотивирована информационной политикой издания, а использование тех или иных приёмов визуализации позволяет транслировать дополнительные (оценочные, коннотативные) значения, которые могут

отсутствовать в вербальной части медиатекста. Вербальная составляющая новости в исследуемых материалах носит преимущественно нейтральный характер и выдержана в информационном жанре, в то время как визуальные элементы варьируются в зависимости от издания и транслируют дополнительные – коннотативные, оценочные – значения. Авторы приходят к выводу о том, что определение содержания таких параметров визуализации, как план, ракурс, окулесический контакт, ассоциирование с социальной группой, оценочность, нормативность, позволяет выделить различные стратегии визуализации кандидатов. В ходе исследования выявлены следующие достаточно распространённые стратегии: визуальное отстранение, визуализация активности и авторитета, иронизация, эмоционализация, ординарная визуализация и другие. Эти стратегии различаются не только по формальным, но и по прагматическим признакам. Та или иная стратегия визуализации также мотивирована в зависимости от интенций коммуникатора сконструировать определенный образ политического актора: ординарная визуализация, а также визуализация активности и авторитета нацелены на конструирование положительно маркированного образа, в то время как стратегии иронизации и отстранения применяются для формирования скорее негативного образа кандидата. Авторы заключают, что визуальные средства, будучи составляющей мультимодального текста, обладают значительным семиотическим ресурсом, позволяющим формировать определенный образ изображаемого политика.

Ключевые слова:

визуализация, политика, политики, политический медиадискурс, мультимодальный критический дискурс-анализ, выборы.

UDC 81.27

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10306

VISUALIZATION POLICY AND VISUALIZED POLITICIANS: MEDIA REPRESENTATIONS OF THE CANDIDATES FOR PRESIDENT OF RUSSIA IN 2018

Kozhemyakin Evgeny Alexandrovich,

Belgorod National Research University,
Head of Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Belgorod, Russia,
ORCID: 0000-0003-2991-1011,
E-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Stepanidenko Margarita Sergeevna,

Belgorod National Research University,
Master Student of Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations,
Belgorod, Russia

To cite this article: Kozhemyakin, E.A., & Stepanidenko, M.C. (2019). Politika vizualizacii i vizualizaciya politikov: mediareprezentacii kandidatov na post Prezidenta RF v 2018 godu [Visualization Policy and Visualized Politicians: Media Representations of the Candidates for President of Russia In 2018]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(36), 78–97. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10306

Abstract

The paper discusses the principal strategies and means for visualization of candidates for the President of the Russian Federation during the electoral campaign-2018. The authors claim the multimodal nature of media texts, that is the meaning structures are constructed and transmitted by means of the whole set of representational tools, both verbal and non-verbal. Referring to the cases of three different Russian media (RIA Novosti, RBK and The Insider) the paper claims that the selection of visualization means is motivated by the informational policy of a medium, while the usage of them contributes to transmit the additional (evaluative, connotative) meanings which can develop the semiotic potential of the verbal part of media texts. The verbal part of the news text is predominately neutral and is in the informational genre, since visual elements vary from edition to edition and they transmit the additional, i. e. connotative, evaluative meanings. The authors claim that defining the content of such parameters as the distance, angle, gaze, association with the social group, evaluation, normativity, contributes to revealing the various strategies of visualization of candidates. In the research, such strategies are described as visual dissociation, visualization of activity and authority, ironization, emotionalization, ordinary visualization, etc. These strategies differ both in formal and pragmatic features. Visualization strategies are also motivated by the communicators' intentions to construct the certain image of a political actor. Thus, ordinary visualization and visualization of activity and authority lead to construct the positively marked image, while the ironization and dissociation aim at constructing a rather negative image. The authors conclude that visual means of multimodal texts possess the significant semiotic resource and potential to construct the definite image of the represented politician.

Keywords:

visualization, politics, political media discourse, multimodal critical discourse analysis.

Введение

Конструирование и трансляция политических смыслов в публичном пространстве часто трактуются в социально-гуманитарных науках как дискурсные процессы. Их содержание и результат определяются семиотическими средствами, которые использует коммуникатор. Сообщить новость о политическом событии, представить политического актора в определенном ключе, расставить необходимые смысловые акценты, выделить главное в идеологическом посыле – это по своей сути семиотические операции, заключающиеся в выборе

подходящих, с точки зрения адресанта, средств означивания и в фокусировке на определенном модусе восприятия сообщения реципиентом.

В рамках дискурс-аналитического подхода к политике, в частности, её медиатизированной форме, субъект политики определяется в дискурсной практике как семиотический объект, который функционирует и как репрезентация, и как предмет репрезентации. Политическая субъективность, специфика и «вес» политика в значительной степени производятся в медиадискурсе с учётом «репрезентационных ресурсов» (термин Гюнтера Кресса (2013)). Выбор семиотических средств репрезентации в публичной коммуникации далеко не часто является иррациональным; это преимущественно мотивированный выбор, особенно если он осуществляется работниками СМИ.

«Репрезентационные ресурсы», которые сегодня предоставляют преимущественно массмедиа, условно могут быть разделены на две большие группы – вербальные и визуальные. Традиционно лингвисты и дискурс-аналитики уделяли особое внимание вербальным средствам производства политических смыслов (см., например: Шейгал, 2004; Graber, 1982; Schäffner, 1996), однако обращение к инструментарию визуализации политических акторов позволяет расширить знание о том, *что, кто* и *как* репрезентируется в политическом медиадискурсе. В то же время отметим, что сегодня наиболее востребованной областью дискурс-аналитических исследований является изучение конструирования политической реальности посредством массмедиа в мультимодальной перспективе, то есть вне аналитического разделения медиатекста на вербальную и визуальную составляющие. Исходным допущением в этом случае является признание факта синтетической рецепции информации адресатом, в ходе которой вербальные и визуальные элементы медийного сообщения часто относятся к одному модусу восприятия (Детинко, 2017; Bateman, Wildfeuer, 2014; Machin, Mayr, 2012; O'Halloran, Smith, 2012). В этой статье мы ставим своей задачей определить основные визуальные средства медийной репрезентации политических акторов, понимая при этом важность и необходимость следующего исследовательского шага – поиска методики изучения медиатекста как недискретного мультимодального целого.

Актуальность изучения визуализации как системы семиотических операций, направленных на конструирование и трансляцию политических смыслов, связана также и с прагматикой функционирования СМИ, которые заинтересованы в привлечении новой и большей вовлеченности постоянной аудитории, и стремятся подавать политическую информацию в наиболее простом, удобном и актуальном формате. Подобный формат подразумевает преобладание визуальных средств над вербальными: ключевые смысловые, в том числе и идеологические, структуры всё чаще транслируются в СМИ посредством визуальных элементов текста. Особенно ярко тенденция визуализации контента прослеживается в публикациях интернет-изданий в силу такого отличительного свойства интернет-СМИ как мультимедийность.

Предвыборная президентская кампания является особым информационным поводом для массмедиа, позволяющим создавать интенсивный поток политически и концептуально «нагруженных» сообщений. В нашем исследовании мы обращаемся к материалу, представленному медиарепрезентациями кандидатов на пост Президента Российской Федерации, участвовавших в предвыборной

кампании 2018-го года. Мы ставим целью выявить, как на визуальном уровне происходит формирование образов политических акторов, а значит – конструирование политических смыслов и ценностно-смысловой иерархии.

В качестве материала исследования послужили более 120 публикаций в трёх интернет-СМИ («РИА Новости», РБК, The Insider) во время президентских выборов 2018 года в период с 17 февраля по 16 марта. Выбор источников определен гипотезой нашего исследования: мы предполагаем, что, во-первых, визуальные средства массмедиа активно используются для конструирования образа политиков и – шире – политических смысловых структур, и, во-вторых, что выбор визуальных средств коррелирует с общей политической платформой издания. Так, на наш взгляд, политика визуализации одних и тех же кандидатов различается в государственном информационном агентстве «РИА Новости», скорее нейтральном частном РБК и оппозиционном частном издании The Insider.

Методологическую рамку исследования составил мультимодальный критический дискурс-анализ (multimodal critical discourse analysis, MCDA), представленный в работах G. Kress (2009, 2013), D. Machin и A. Mayr (2012), T. van Leeuwen (2005, 2008), Ю.И. Детинко (2017) и др. MCDA позволил нам интерпретировать медиатексты с позиций их интрасемиотической связности и мотивированного семиозиса.

Общая характеристика президентской избирательной кампании-2018: кандидаты, политический фон, роль СМИ

Выборы Президента РФ в 2018 году проходили на фоне непростой политической обстановки: вооружённые конфликты на Украине, в Сирии, западные санкции, резкий рост курса доллара и, как следствие, ухудшение экономической ситуации в стране в целом. Эффект от Олимпиады в Сочи и присоединения Крыма уже прошёл, и в обществе начали прослеживаться протестные настроения. В данном случае выборы могли стать «точкой кипения», способом протеста определённой части населения, выборами, результат которых сложно предсказать. Однако, согласно опросам ВЦИОМ, россияне изначально считали, что результаты президентских выборов уже предreshены, и победитель ясен (Мамонов, Гаврилов, Вядро, 2018).

Но несмотря на то, что результат выборов был предсказуем, они не стали менее значимыми, поскольку выбор президента всегда означает выбор определённого «порядка смыслов», ценностей и значений в политическом поле, их актуализацию и символическое закрепление в виде характеристик политических акторов. В предвыборном медиадискурсе происходит распределение политических диспозиций, ассоциированных с определёнными кандидатами. В этом смысле то, как репрезентирован тот или иной кандидат в сочетании с его символическим положением в политической иерархии, позволяет маркировать в определённом ключе политические идеи и ценности, которые он выражает.

За три месяца до выборов в стране стартовала избирательная кампания. Центральная избирательная комиссия зарегистрировала восемь кандидатов на пост президента, среди которых: *Владимир Путин* (действующий Президент России; баллотировался на пост президента как самовыдвиженец); *Сергей Бабурин* (основатель национал-консервативной партии «Российский общена-

родный союз», от которой был выдвинут в президенты); *Павел Грудинин* (предприниматель, директор ЗАО «Совхоз имени Ленина», был выдвинут на выборы от КПрФ); *Владимир Жириновский* (депутат Госдумы, руководитель партии ЛДПР); *Ксения Собчак* (медиаперсона, журналистка, ведущая телеканала «Дождь»; выдвигалась от партии «Гражданская инициатива»); *Григорий Явлинский* (лидер партии «Яблоко»); *Борис Титов* (уполномоченный по защите прав предпринимателей в России, лидер «Партии Роста», бизнесмен); *Максим Сурайкин* (лидер партии «Коммунисты России»).

17 февраля 2018 г. – за месяц до выборов – кандидаты приступили к агитации в СМИ. В целом, по тематике материалы можно разделить на биографические, интервью, новости об агитационных мероприятиях кандидата, а также резонансные заявления кандидата или его комментарии на актуальные темы. Большинство материалов сопровождалось фотоматериалами.

Мультимодальный критический дискурс-анализ: методологические аспекты

Анализируя политический дискурс, мы рассматриваем его в комплексе вербальных и невербальных элементов. В российских исследованиях тексты, сочетающие в себе элементы различных знаковых систем, часто обозначают как «полицодовые» или «креолизованные» (Бернацкая, 2000, с. 106). В зарубежных исследованиях более распространён термин «мультимодальный текст». Под модусом понимается социально сформированный и культурно обусловленный (семиотический) ресурс для создания и рецепции смыслов (Kress, 2009, p. 54). Мультимодальный дискурс-анализ применяется для изучения текстов, которые содержат два и более модуса, причём в качестве невербальных элементов коммуникации рассматриваются фотографии, рисунки, мемы, инфографика.

Критический дискурс-анализ (КДА) направлен на то, чтобы выявить интенционально-мотивационные основания селекции и использования семиотических ресурсов для создания сообщений. Как уточняет Т. ван Дейк, «главной задачей КДА является своего рода «денатурализация» идеологических структур сообщений, обнажение намеренно скрытых властных интенций адресанта/коммуникатора, изучение дискурсивного воспроизводства злоупотребления властью (van Dijk, 2008). Мультимодальный критический дискурс-анализ ориентирован на определение явных и неявных идеологических (мотивированных, предвзятых) оснований использования тех или иных модусов и семиотических элементов в текстах для трансляции определенных идей, эмоций, намерений. Одним из базовых положений МСДА является идея о коммуникативной условности применения невербальных средств: изображение, даже иконическое, не может трактоваться исключительно как фактологическая копия некоторого объекта действительности; оно является его репрезентацией, созданной в соответствии с определенными конвенциями, интенциями или мотивами.

Т. ван Лёвен предлагает методологию исследования социальных аспектов визуальных репрезентаций (Leeuwen, 2008). Исследователь отвечает на два вопроса: 1) как соотносятся между собой политический актор и зритель и 2) как изображён политический актор в мультимодальном тексте.

Семиотические отношения между актором и зрителем, по ван Лёвену, могут быть измеримы в системе трёх ключевых параметров: *социальная дистанция* между актором и зрителем (репрезентируется при помощи *плана*); *социальные отношения* между актором и зрителем (репрезентируются при помощи *ракурса*); *социальное взаимодействие* между актором и зрителем (репрезентируется при помощи взгляда на зрителя, *окулесического контакта персонажа со зрителем*).

Социальная дистанция выражает то, насколько «близок» актор к зрителю, насколько велики между ними социальные различия. Люди, изображённые на дальнем плане, – как правило, «чужие», далёкие от интересов избирателей. Политики, изображённые крупным планом, – «свои», «такие же, как и мы». Крупный план априори привлечёт больше внимания зрителя, чем дальний план.

Социальные отношения выражаются либо в вертикальном, либо в горизонтальном ракурсах, т. е. в том пространственном положении, в котором мы видим человека. Вертикальный ракурс репрезентирует отношения доминирования/подчинения. Горизонтальный ракурс демонстрирует отношения вовлечения/отчуждённости: актор либо вовлекает зрителя в происходящее, словно предлагая начать диалог, либо «остаётся в стороне».

Социальное взаимодействие выражается в наличии или отсутствии взгляда политического актора на зрителя. В первом случае актор пытается наладить взаимодействие со зрителем или же воздействовать на него, побудить к действию. Если же взгляд на зрителя отсутствует, то адресату отводится пассивная роль «стороннего наблюдателя», невключённого в происходящее.

В нашем исследовании мы обратились к изучению также следующих характеристик, которые выделяет ван Лёвен: изображение актора по отношению к социальной группе (как часть социальной группы или же вне её, с акцентом на индивидуальные характеристики); образ актора (акцент на негативные или позитивные внешние характеристики); изображение актора с позиции соответствия/несоответствия общественной норме (криминальные отношения, сексуальная ориентация, коррумпированность т. д.).

Результаты исследования. Стратегии и приёмы визуализации кандидатов на пост Президента РФ: формирование идеологических смыслов

Рассмотрим основные тенденции визуализации кандидатов на пост Президента РФ в указанных изданиях. Исследование было проведено в соответствии с методикой анализа визуальных репрезентаций Т. ван Лёвена, которую мы описали выше. Обратимся к приёмам визуализации трёх основных кандидатов: П. Грудина, К. Собчак и В. Путина. Далее представлены описания наиболее типичных для изучаемых изданий репрезентаций этих политических деятелей.

Стратегии визуализации Павла Грудина

1. «РИА Новости»

В период с 5 по 6 марта на сайте «РИА Новости» было опубликовано 13 новостей про незакрытые зарубежные счета Павла Грудина. Серию новостей сопровождают однотипные фотографии, пример которых представлен ниже.

Одной из характерных для издания фотоизображений П. Грудина явля-ется иллюстрация к новости от 5 марта 2018 года под заголовком «Грудинин хранит на 11 швейцарских счетах 55 миллионов рублей» (см. рисунок 1).

Рисунок 1 – Визуальная репрезентация П. Грудина в «РИА Новости»

Кандидат изображён крупным планом, но нельзя сказать, что он «близок» зрителю, скорее наоборот, заметны сохранение дистанции между персонажем на фотографии и зрителем и отстранённость кандидата. Грудинин изображён в закрытой позе с перекрещенными пальцами рук, что создаёт впечатление «закрытости» и отчуждённости. Вертикальный ракурс акцентирует неравные статусы зрителя и кандидата, причём доминирующее положение кандидата усиливается его отстранённостью (отсутствие взгляда в камеру, закрытые жесты, готовность к интеракции не выражена). Актор как будто вовсе не замечает зрителя, он погружён в свои мысли и ему «нет дела» до избирателя.

Грудинин почти не изображается в издании в окружении своих однопартийцев. СМИ индивидуализируют его, уделяя внимание персональным характеристикам.

СМИ позиционирует Павла Грудина не как главного конкурента Владимира Путина, представителя второй по популярности политической силы в стране, а как бизнесмена, который «неожиданно» стал участником предвыборной гонки. Общая интенция визуализации заключается в стремлении представить Павла Грудина как отчуждённого, незначительного и «случайного» кандидата. При общей умеренно положительной репрезентации кандидата СМИ маркирует его как асоциального, интровертированного политика, что контрастирует с репрезентированными чертами главного кандидата – Владимира Путина (см. далее). Обозначим такую стратегию визуализации как «*визуальное отстранение*».

2. РБК

На сайте РБК Павла Грудинина позиционируют скорее как бизнесмена, нежели политика: большая часть новостей посвящена организации, которую он возглавляет (Совхоз им. Ленина), его активам, отношениям с партнерами. Но стоит отметить, что если на сайте «РИА Новости» в период с 5 по 6 марта было опубликовано 13 новостей про незакрытые зарубежные счета Павла Грудинина, то за этот же период на РБК – 5 новостей. Заголовок и текст новостей у РБК носили более нейтральный характер.

На рисунке 2 (иллюстрация к новости от 7 марта 2018 года под заголовком «ЦИК отказалась добиваться снятия Грудинина с выборов») представлено фото из серии новостей про незакрытые счета Грудинина, но уже в ином ключе. Кандидат изображён крупным планом и, несмотря на то, что взгляд на читателя отсутствует, социальная дистанция минимальна. Кандидат обращён к реальным избирателям, которые не изображены на фотографии, но имплицитно представлены на ней.

Рисунок 2 – Визуальная репрезентация П. Грудинина в РБК

Политик изображён на фото один, но в данном случае фотограф представляет его во взаимодействии с имплицитно представленной социальной общностью и маркирует его коммуникацию с аудиторией. Отметим, что фоном кандидата является его собственное изображение, а сам он изображён как адресант большой группы людей, выступающий со сцены. Таким образом подчёркивается харизматичность и, возможно, авторитарность политика. Издание применяет стратегию визуализации, которую можно условно обозначить как «визуальная харизматизация», содержание которой состоит в визуальной

акцентуации лидерских и коммуникативных персональных характеристик политического актора.

3. The Insider

Отметим, что за весь период агитации в средствах массовой информации The Insider выпустили всего 5 новостных заметок, где тем или иным образом фигурирует Павел Грудинин, в то время как о других кандидатах (кроме Жириновского) опубликовано по 15–20 новостей. Это может быть обусловлено спецификой издания или редакционной политикой: СМИ либо не считают инфоповоды о кандидате интересными для своей аудитории, либо намеренно игнорируют кандидата.

На рисунке 3 (иллюстрация к новости от 5 марта 2018 года под заголовком «ЦИК: На момент выдвижения у Грудинина было 13 счетов в швейцарском банке») кандидат изображён крупным планом, но он скорее позиционируется фотографом и изданием как «чужой». Визуальный контакт со зрителем установлен, но отсутствие улыбки и устремлённый вниз подбородок создают впечатление, что политик смотрит с недовольством и равнодушием.

Рисунок 3 – Визуальная репрезентация П. Грудинина в издании The Insider

Сочетание фотографии с заголовком дополняет образ коннотацией разоблачения политика. Негативный семантический эффект усиливается изображением бюста Ленина на заднем плане фотографии, индексирующим партийную принадлежность кандидата, а также актуализирующим «шлейф» коннотаций, связанных с социалистической идеологией, контрастирующей с заявленным

в заголовке информационным поводом. Обозначим данную стратегию визуализации как «визуального парадокса».

Итак, формально параметры визуализации Грудина в изданиях представлены следующим образом (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Стратегии визуализации П. Грудина в интернет-СМИ

Стратегия визуализации / медиаресурс	Параметры визуализации					
	План	Ракурс	Окулярный контакт	Ассоциация с социальной группой	Оценочность образа	Отношение к социальной норме
<i>Визуальное отстранение / РИА Новости</i>	Крупный	Вертикальный	Отсутствует	Вне социальной группы	Акцент сделан на закрытой позе (скрещенные пальцы рук), сосредоточенный взгляд, эмоции не выражены	Не выходит за пределы социальной нормы
<i>Визуальная харизматизация / РБК</i>	Крупный	Горизонтальный	Условно отсутствует	Вне социальной группы, но обращённость к аудитории	Акцентированная харизма и «коммуникативность»	Соответствует социальной норме
<i>Визуальный парадокс / The Insider</i>	Крупный	Горизонтальный	Присутствует	Вне социальной группы, но на фоне политических символов	Неоднозначность образа	Не выходит за пределы социальной нормы

Стратегии визуализации Ксении Собчак

1. «РИА Новости»

В целом, фотографии К. Собчак в «РИА Новости» подчёркивают контраст между её внешними характеристиками (украшения, стиль одежды, жесты и мимика), родом деятельности (звезда шоу-бизнеса, журналистка, телеведущая) и политической деятельностью. В определённом смысле этот подход к репрезентации политика обусловлен её подходом к самопрезентации как кандидата на пост Президента: Собчак позиционирует себя как антагониста, принципиально «нового» кандидата, противника старых порядков и традиционного устройства власти.

На рисунке 4 – иллюстрация к новости от 13 марта под заголовком «Собчак назвала главную проблему российской культуры» – акцент сделан на жесте «V», который в сочетании с нетрадиционным для российских политиков имиджем,

выдержанным в стиле «all in blue», контрастирует с заголовком и официальным пресс-воллом ЦИК. Взгляд кандидата, представленного в горизонтальной перспективе, обращён к предполагаемой (по всей видимости, молодёжной) аудитории; какие-либо атрибуты социального окружения отсутствуют. Контраст между «серьёзным» и «модным» создаёт эффект комичного несоответствия кандидата ожиданиям аудитории от «настоящих» политиков. Отметим, что в большинстве публикаций о К. Собчак (8 из 10) «РИА Новости» использовали стратегию иронизации.

Рисунок 4 – Визуальная репрезентация К. Собчак в «РИА Новости»

2. РБК

В целом, при освещении деятельности Ксении Собчак РБК акцентируют её эмоциональность (6 из 10 фото). Отметим, что Собчак отличается от прочих кандидатов, в том числе и большим опытом работы в медиасфере, который предполагает компетентный подход к выбору медийного кода. На первый взгляд спонтанное невербальное поведение фактически может использоваться профессиональной телеведущей как конвенциональные элементы медийного контента. Иными словами, Собчак с большей вероятностью, нежели другие кандидаты, склонна преднамеренно использовать эмоциональные жесты как элемент визуального языка массмедиа.

На рисунке 5 представлена характерная для издания иллюстрация к новости от 7 марта 2018 года под заголовком «Штаб Собчак прокомментировал ее попадание в базу сайта «Миротворец». На фотографии политик изображена в процессе активной жестикуляции: ладони рук приподняты вверх, приоткрыт рот, широко открыты глаза. Кандидат выражает явное возмущение, удивление, негодование. Взгляд политика обращён не на читателя издания, а на реальную аудиторию; динамичность изображения соответствует фотожурналистским

стандартам создания «эффекта присутствия» и реализуется в стратегии «эмоционализации» политического актора.

Рисунок 5 – Визуальная репрезентация К. Собчак в РБК

3. The Insider

За период предвыборной кампании Ксения Собчак была упомянута в издании The Insider шесть раз, причём её фотография была использована три раза (см. Рисунок 6). Отметим, что все три фотографии различаются по большинству критериев: дважды был использован крупный и один раз – средний план; дважды взгляд был обращён к реальной аудитории события и один раз – в камеру; дважды кандидат была изображена вне социального окружения и один раз – в окружении активистов-экологов. Универсальным является акцентуация активности и эмоциональности К. Собчак.

Рисунок 6 – Визуальная репрезентация К. Собчак в издании The Insider

Отметим, что для иллюстрирования новости от 4 марта 2018 года под заголовком «На Ксению Собчак напали с криком «Это за Жириновского!» издание выбрало снимок, на котором Ксения Собчак изображена ещё до начала политической карьеры и представлена крупным планом в роли телезвезды (см. рисунок 6б). Героиня широко улыбается, взгляд направлен в сторону от зрителя. Выражение лица, макияж и аксессуары в виде звёзд свидетельствуют о том, что актер принадлежит к миру шоу-бизнеса. Не менее дистанцированной от внешних атрибутов политика представляется фотография на рисунке 6в.

Собственно политическая деятельность кандидата маркирована только на одной фотографии (рисунок 6а). В то же время обратим внимание, что это достаточно уникальный случай репрезентации политика, причём не только в отношении издания *The Insider*, но и других рассматриваемых нами СМИ. Обозначим эту стратегию репрезентации как «стратегия визуализации активности».

Таким образом, мы выявили три основные стратегии визуализации Ксении Собчак в изданиях (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Стратегии визуализации К. Собчак в интернет-СМИ

Стратегия визуализации / медиаресурс	Параметры визуализации					
	План	Ракурс	Окулесический контакт	Ассоциация с социальной группой	Оценочность образа	Отношение к социальной норме
<i>Иронизация / РИА Новости</i>	Средний	Горизонтальный	Отсутствует	Вне социальной группы, обращённость к аудитории	Акцент сделан на смысловом контрасте между заголовком и специфичными жестами или мимикой кандидата	Не выходит за пределы социальной нормы, но нарушает нормы политического дресс-кода
<i>Эмоционализация / РБК, The Insider</i>	Крупный	Горизонтальный	Отсутствует / Присутствует	Вне социальной группы, но обращённость к аудитории	Акцентированная эмоциональность (жестикуляция, мимика)	Соответствует социальной норме
<i>Визуализация активности / The Insider</i>	Средний	Горизонтальный	Отсутствует	Ассоциация с группой сторонников (активистов)	Акцентированная активность, инициативность; актер выступает в роли коммуникатора	Не выходит за пределы социальной нормы

Стратегии визуализации Владимира Путина

1. «РИА Новости»

Отметим, что особенностью репрезентации В. Путина во всех рассматриваемых СМИ во время предвыборной кампании является интенсивное упоминание его имени, что обусловлено не только явной или неявной его поддержкой как участника предвыборной кампании, но главным образом его деятельностью как действующего Президента. Большинство текущих информационных поводов государственного масштаба предполагают упоминание Президента и его визуальные репрезентации. Информационное агентство «РИА Новости» наиболее часто по сравнению с другими СМИ обращалось к освещению деятельности В. Путина как Президента.

Материалы, репрезентирующие действия В. Путина в период предвыборной кампании, направлены, как правило, на демонстрацию беспрецедентной его поддержки населением.

На рисунке 7 (иллюстрация к новости от 3 марта 2018 года под заголовком «Митинг в поддержку Путина в Лужниках собрал 130 тысяч человек») оратор изображён в среднем плане, вертикальном ракурсе, на фоне его сторонников и государственной атрибутики (флаги), что подчёркивает авторитет личности и лояльность по отношению к нему избирателей. Владимир Путин – единственный, кого «РИА Новости» изобразили в качестве активного политика на фоне большой аудитории. Сочетание визуальных элементов сообщения и заголовка транслирует денотативное значение: Путин является лидером нации, а его авторитет неоспорим.

Рисунок 7 – Визуальная репрезентация В. Путина в «РИА Новости»

2. РБК

Крупный план в изображении политиков – стандартный выбор фотографов и изданий. Владимир Путин здесь не является исключением (6 из 10 фотографий выполнены крупным планом). Так фотограф персонифицирует кандидата, акцентирует внимание на его индивидуальных характеристиках, уникальных особенностях образа.

В целом, РБК следует общей стратегии смешения образа Путина-кандидата и Путина-президента. Основной объём материалов, в которых упоминается В. Путин, относятся к освещению его деятельности как действующего Президента.

На рисунке 8 (иллюстрация к новости от 10 марта 2018 года под заголовком «Путин заявил о готовности сотрудничать с российской оппозицией») демонстрируется доброжелательное выражение лица и полуулыбка – стандартные репрезентационные атрибуты действующего Президента (присутствуют на 7 из 10 фотографий, размещённых на сайте РБК во время предвыборной кампании). Фрагмент российского флага на фоне указывает на его связь с государством как президента. Примечательно, что большинство фотографий РБК репрезентирует В. Путина в горизонтальном ракурсе, подчёркивая открытость и близость зрителю. Визуализации Президента выдержаны в сдержанном, спокойном ключе, без очевидных акцентов на эмоциональности. Обозначим эту стратегию как «ординарная визуализация».

Рисунок 8 – Визуальная репрезентация В. Путина в РБК

3. The Insider

Репрезентация В. Путина в оппозиционном издании выполнена другими семиотическими средствами, нежели в рассмотренных выше СМИ.

Иллюстрация к новости от 16 марта 2018 года под заголовком «5 фейков из второй части фильма Андрея Кондрашова «Путин» (рисунок 9) представляет собой кадр из фильма и демонстрирует кандидата в интерьере одного из залов Кремля, без социального окружения в вертикальном ракурсе, на дальнем плане, что выражает власть президента и большую социальную дистанцию между актором и зрителем. В данном случае политик представляется изданием в характеристиках отстранённости и закрытости.

Рисунок 9 – Визуальная репрезентация В. Путина в издании The Insider

Основные стратегии визуализации В. Путина в изданиях в период предвыборной кампании представлены следующим образом (см. таблицу 3).

Таблица 3 – Стратегии визуализации В. Путина в интернет-СМИ

Стратегия визуализации / медиаресурс	Параметры визуализации					
	План	Ракурс	Окуlesi-ческий контакт	Ассоциация с социальной группой	Оценочность образа	Отношение к социальной норме
Визуализация активности и авторитета / РИА Новости	Средний	Вертикальный	Отсутствует	Ассоциация с группой сторонников (народом), на фоне государственных символов	Акцентуированная активность, деятельность, инициативность; актер выступает в роли коммуникатора	Соответствует социальной норме / устанавливает социальную норму

<i>Ординарная визуализация / РБК, РИА Новости</i>	Крупный	Горизонтальный	Отсутствует	Вне социальной группы	Акцент сделан на позитивных внешних характеристиках	Соответствует социальной норме
<i>Визуальное отстранение / The Insider</i>	Дальний	Вертикальный	Отсутствует	Вне социальной группы, но в контексте атрибутов власти	Акцентированная отстранённость	Не выходит за пределы социальной нормы

Заключение

Репрезентация кандидатов на пост Президента РФ в трёх изданиях – «РИА Новости», РБК и The Insider – основана на диверсификационном использовании основного инструментария визуализации – плана, ракурса, окулесического контакта, а также соотношения изображенного кандидата с социальной группой, оценочности и нормативности образа. Вербальная составляющая новости в исследуемых нами материалах носит преимущественно нейтральный характер и выдержана в информационном жанре, в то время как визуальные элементы варьируются в зависимости от издания и транслируют дополнительные – коннотативные, оценочные – значения. То, как визуализирован сам кандидат, во многом определяется общей политической платформой СМИ (государственное / нейтральное / оппозиционное), а также его редакционной политикой.

Содержание параметров визуализации (план, ракурс, окулесический контакт, ассоциирование с социальной группой, оценочность, нормативность) позволяет выделить различные стратегии визуализации кандидатов, среди которых: визуальное отстранение, визуализация активности и авторитета, иронизация, эмоционализация, ординарная визуализация и другие. Эти стратегии различаются не только по формальным, но и по прагматическим признакам. Принимая исходное положение о мотивированной репрезентации политиков, мы можем утверждать, что та или иная стратегия визуализации также мотивирована в зависимости от интенций коммуникатора сконструировать определенный образ политического актора: ординарная визуализация, а также визуализация активности и авторитета нацелены на конструирование положительно маркированного образа, в то время как стратегии иронизации и отстранения применяются для формирования скорее негативного образа кандидата.

Сформулируем также частные методологические замечания. Социальная дистанция выражается в мультимодальных текстах с помощью категории плана (ближний, средний и дальний), однако репрезентация политического актора в контексте социальной группы предполагает использование скорее среднего, чем ближнего или дальнего планов. Не менее важным является также учёт реальной аудитории, с которой актором установлен окулесический контакт: эта характеристика в не меньшей степени, чем взгляд на зрителя, выражает характер социального взаимодействия.

Итак, визуальные средства, будучи составляющей мультимодального текста, обладают значительным семиотическим ресурсом, позволяющим формировать определенный образ изображаемого политика.

Список литературы

1. Бернацкая, А.А. (2000). К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние. *Речевое общение*, 3(11), 104–110.
2. Детинко, Ю.И. (2017). *Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа*. Красноярск: Сиб. федер. ун-т.
3. Мамонов, М.В., Гаврилов, И.В., Вядро, М.А. (2018). Имитационные характеристики президентских выборов 2018 г. и их влияние на следующий электоральный цикл: результаты опросов общественного мнения. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 4, 124–147.
4. Шейгал, Е.И. (2004). *Семиотика политического дискурса*. М.: Гнозис.
5. Bateman, J.A., & Wildfeuer, J. (2014). A multimodal discourse theory of visual narrative. *Journal of Pragmatics*, 74, 80–208.
6. Graber, D.A. (1982). Political language. *Handbook of political communication*. Beverly Hills: Sage Publications, 195–223.
7. Kress, G. (2009). What is mode? *The Routledge handbook of multimodal analysis*. L.: Routledge, 54–67.
8. Kress, G. (2013). Representational resources and the production of subjectivity: Questions for the theoretical development of Critical Discourse Analysis in a multicultural society. *Texts and practices*, 24–40.
9. Leeuwen, T. van. (2005). *Introducing social semiotics*. L.: Routledge.
10. Leeuwen, T. van. (2008). *Discourse and practice: New tools for critical discourse analysis*. Oxford: Oxford University Press.
11. Machin, D., & Mayr, A. (2012). *How to do critical discourse analysis: A multimodal introduction*. L., N.Y.: Sage.
12. O'Halloran, K., & Smith, B.A. (Eds.). (2012). *Multimodal studies: Exploring issues and domains* (Vol. 2). L.: Routledge.
13. Schäffner, C. (1996). Editorial: Political speeches and discourse analysis. *Current Issues in Language and Society*, 3(3), 201–204.
14. Van Dijk, T.A. (2008). *Discourse and power*. N.Y.: Macmillan International Higher Education.

References

1. Bateman, J.A., & Wildfeuer, J. (2014). A multimodal discourse theory of visual narrative. *Journal of Pragmatics*, 74, 80–208.
2. Bernatskaya, A.A. (2000). К проблеме креолизации текста: история и современное состояние [To the issue of creolization of text: history and modernity]. *Rechevoye obscheniye*, 3(11), 104–110.
3. Detinko, Y.I. (2017). *Politicheskaya kommunikatsiya: opyt*

multimodalnogo i kriticheskogo diskurs-analiza [Political communication: experience of multimodal and critical discourse analysis]. Krasnoyarsk: Sibirskiy Federalniy Universitet.

4. Graber, D.A. (1982). Political language. *Handbook of political communication*. Beverly Hills: Sage Publications, 195–223.

5. Kress, G. (2009). What is mode? *The Routledge handbook of multimodal analysis*. L.: Routledge, 54–67.

6. Kress, G. (2013). Representational resources and the production of subjectivity: Questions for the theoretical development of Critical Discourse Analysis in a multicultural society. *Texts and practices*, 24–40.

7. Leeuwen, T. van. (2005). *Introducing social semiotics*. L.: Routledge.

8. Leeuwen, T. van. (2008). *Discourse and practice: New tools for critical discourse analysis*. Oxford: Oxford University Press.

9. Machin, D., & Mayr, A. (2012). *How to do critical discourse analysis: A multimodal introduction*. L., N.Y.: Sage.

10. Mamonov, M.V., Gavrilov, I.V., & Vyadro, M.A. (2018). Imitatsionnyye kharakterostiki presidentskikh vyborov 2018 i ikh vliyaniye na sleduyuschiy elektoralniy tsikl: rezultaty oprosov obschestvennogo mneniya [Imitational features of presidential elections 2018 and their impact on the next electoral cycle: results of public opinion surveys]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialniye peremeny*, 4, 124–147.

11. O'Halloran, K., & Smith, B.A. (Eds.). (2012). *Multimodal studies: Exploring issues and domains* (Vol. 2). L.: Routledge.

12. Schäffner, C. (1996). Editorial: Political speeches and discourse analysis. *Current Issues in Language and Society*, 3(3), 201–204.

13. Sheigal, E.I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moskva: Gnozis.

14. Van Dijk, T.A. (2008). *Discourse and power*. N.Y.: Macmillan International Higher Education.

ТРЕНДЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ И СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ*

Пономарева Елена Георгиевна,

МГИМО МИД России,
профессор кафедры сравнительной политологии,
доктор политических наук,
Москва, Россия,
ORCID: 0000-0001-8370-8597,
E-mail: politology@mgimo.ru

Попадьева Татьяна Игоревна,

МГИМО МИД России,
аспирант кафедры сравнительной политологии,
Москва, Россия,
E-mail: tatpopadyova@yandex.ru

Для цитирования: Пономарева Е.Г., Попадьева Т.И. Тренды идентификации в молодежной среде Боснии и Герцеговины и Северной Македонии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 98–119. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10307

Аннотация

Идентичность как базовая характеристика современного общества занимает не только важное место в научном дискурсе, но и самым непосредственным образом сопряжена с практической политикой. В процесс формирования идентичности «снизу» и «сверху» вовлечены общественные и государственные институты, что при внимательном и деликатном обращении с данным предметом обеспечивает уникаль-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31138 ««Новое прошлое» и его роль в политических трансформациях: опыт стран Западных Балкан».

ность и целостность конкретного сообщества, его «самость». В сложносоставных, гетерогенных и потому потенциально конфликтных обществах проблема идентичности ощущается особо остро. Идеально типичный в веберовском понимании пример таких сообществ – Босния и Герцеговина и Северная Македония. В статье представлен анализ эмпирического исследования идентификации молодежи названных стран в возрасте от 15 до 35 лет, проведенного в мае-августе 2019 года. Цель исследования – рассмотреть дискурс идентичности в качестве механизма конструирования социальной реальности в Боснии и Герцеговине и Северной Македонии, провести анализ существующих тенденций в процессе формирования гражданской идентичности. На основе методологии отечественных и зарубежных авторов были разработаны 20 вопросов онлайн-анкетирования (<https://ru.surveymonkey.com/r/politicalidentity>), направленных на выявление трендов идентификации молодежной аудитории изучаемых обществ. В статистическом виде и экспертных суждениях выражена актуальная система ценностей респондентов, определена иерархия их идентивных установок. Выявленный в ходе исследования современный ценностный ландшафт молодого населения двух балканских стран может быть определен как идентификационный диссонанс, выражающийся в сосуществовании наднациональной (с одной стороны – образовательно-профессиональной, с другой – общеевропейской) и этнической идентичностей. В последнем случае доминирует негативный тренд групповой идентификации. Таким образом, не менее важный вывод заключается в констатации консервации групповых разграничительных этнических линий и укрепления групповых этнических дистанций в изучаемых странах. Такое положение вещей не только существенно затрудняет процессы формирования гражданской идентичности и устойчивой государственности, но видится одним из значимых маркеров грядущих политических трансформаций.

Ключевые слова:

гражданская идентичность, молодежная среда, тренды идентификации, Босния и Герцеговина, Северная Македония.

UDC 303.4+304.44

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10307

YOUTH IDENTITY TRENDS IN BOSNIA AND HERZEGOVINA AND NORTH MACEDONIA

Ponomareva Elena Georgievna,

MGIMO University,
Professor of Comparative Politics Department,
Doctor of Political Science, Professor,
Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0001-8370-8597,
E-mail: politolology@mgimo.ru

Popadeva Tatiana Igorevna,

MGIMO University,
Post-graduate of Comparative Politics Department,
Moscow, Russia,
E-mail: tatpopadyova@yandex.ru

To cite this article: Ponomareva, E.G., & Popadeva, T.I. (2019). Trendy identifikacii v molodezhnoj srede Bosnii i Gercegoviny i Severnoj Makedonii [Youth Identity Trends in Bosnia and Herzegovina and North Macedonia]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(36), 98–119. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10307

Abstract

Identity as a basic characteristic of modern society not only holds an important place in scientific discourse but also directly relates to practical politics. Using bottom-up and top-down approaches, public and state institutions are involved in the identity-building process, which, with careful and delicate handling of the subject, ensures the uniqueness and integrity of a particular community, its selfhood. In complex, heterogeneous and therefore potentially conflicting societies, the problem of identity is particularly acute. Bosnia and Herzegovina and North Macedonia are ideally typical Weberian examples of such communities. The article presents an analysis of an empirical research of the identification process among young people aged 15 to 35 years from these countries, conducted in May-August 2019. The purpose of the study is to address the identity discourse as a mechanism for constructing social reality in Bosnia and Herzegovina and North Macedonia and to analyze existing trends of the civic identification process. Based on the methodology of domestic and foreign authors, the online survey consisted of 20 questions (<https://ru.surveymonkey.com/r/politicalidentity>) and aimed to reveal identity-building trends of the youth audience in the studied societies. In a statistical form and expert judgments, the paper demonstrates the actual value system of respondents and determines the hierarchy of their identifying attitudes. The modern value landscape of the young people of the two Balkan countries can be defined as identity dissonance, expressed in the coexistence of a supranational (on the one hand, educational and professional, on the other, pan-European) and ethnic identities. In the latter case, the negative trend of group identification dominates. Thus, an equally important conclusion is to state the conservation of group demarcating ethnic lines and the consolidation of group ethnic distances in the studied countries. This state of affairs not only substantially complicates the formation of civic identity and stable statehood but also becomes one of the significant markers of future political transformations.

Keywords:

civic identity, young people, identification trends, Bosnia and Herzegovina, North Macedonia.

Введение. Идентичность как категория политического анализа

Локковское видение личности как «рационально мыслящего существа, которое имеет разум и рефлекссию и может рассматривать себя как себя, как то же самое мыслящее существо, в разное время и в различных местах» (Локк, 1982, с. 387) по прошествии веков не потеряло своей актуальности и может считаться базовой характеристикой политической/гражданской идентичности современного индивида. При этом в самом широком смысле идентичность (в понимании предшественников современных социологов Дж. Болдуина (Baldwin, 1906), У. Джеймса (James, 1983), Дж. Мида (Mead, 2015) – «самость») личности не исключает ее изменчивости, но поддерживает идею преемственности не только сменяющих друг друга состояний индивида, но и целых поколений. «Самость» («Self») или в современном прочтении – идентичность – обеспечивает уникальность и целостность личности и общества; несмотря на внешние изменения, раскрывается и проявляется при приписывании себя к группе «своих» и противопоставлении себя группе «чужих». «В результате указанных процессов индивид, с одной стороны, осознает свою принадлежность к определенному социальному окружению, общность с ним, с другой стороны выделяет себя из этого окружения, понимая свою особость, самость» (James, 1983, p. 294).

Впервые в научном дискурсе идея врожденной конкуренции с другими членами человеческого сообщества появляется в работах Ч. Кули (Кули, 1994, с. 320–321), и с тех пор является одной из методологических установок изучения идентичности не только как важной категории политической науки, но и технологии практической политики. И.С. Семененко права: категория идентичности «позволила соединить индивидуальный и надындивидуальный срезы политического сознания и поведения и отразить одновременно и динамику, и состояние общественных настроений, и сопряженную с ними рефлекссию их носителей» (Семененко, 2011, с. 8). В итоге, «в современном социо-гуманитарном знании идентичность, ее конструирование и трансформации – одна из основополагающих тем фундаментальных и прикладных исследований» (Горшков, Тюрина, 2018, с. 45), обращение к которой становится ключом к пониманию не только многих процессов и проблем современности, но прогнозированию и даже проектированию будущего.

За последние десятилетия нормой стало понимание неиерархического характера личностной идентичности, совместимости в ней разных составляющих и ситуативной значимости тех или иных из них. Внимание к личностному «Я» в контексте текущего социального времени формирует актуальные нарративы идентичности. Саморефлексия вокруг них, ее отражение в изменениях культурной нормы и динамике институтов стали неотъемлемой характеристикой текущей реальности. В результате, современное общество можно определить как «пространство постоянно изменяющихся идентичностей» (Дробижева, 2008, с. 221).

Таким образом, процесс формирования гражданской идентичности – путь сложения идейно-политических ориентаций, предпочтений и конструктов, в котором участвуют различные субъекты. Цель такой идентификации – создание «на основании соотнесения с иными субъектами политики – носителями «иной» идентичности, и размежевания с ними» (Семененко, 2019, с. 452) общих

представлений о государстве и его властных институтах, внедрение в сознание граждан единых ценностных ориентиров.

Хорватский исследователь Д. Петрович, занимающийся изучением процессов формирования гражданских идентичностей в странах бывшей Югославии, выделил следующие факторы идентификации (Petrović, 2006, p. 213–215):

1. Сфера межличностных отношений, доминирующей единицей которой является семья. К ней также относится самоидентификация по гендеру, профессии, религии. По мнению ученого, именно данные аспекты наиболее «загромождены» и парализованы политическими коннотациями (например, борьба за равенство полов, религиозный фундаментализм, национализм).

2. Сфера экономических отношений определяет принадлежность индивида к социальной группе, классу, сообществу на основе материальных потребностей и возможностей.

3. Сфера политических отношений формирует политическую идентичность граждан на основе признания ими государственности страны проживания. Например, проживающие в Боснии и Герцеговине сербы идентифицируют себя с Республикой Сербской – энтитетом (единицей) общего государства.

4. Сфера культурных отношений позволяет формировать идентичность на основе языка, религии, социальных норм и обычаев, национальной истории.

Процесс построения личной и коллективной идентичности внутри и вокруг названных сфер не является линейным и иерархичным. Личность точно так же, накапливая опыт и знания, выделяет свою причастность к группе и противопоставляет себя «чужим», как и группа формирует коллективную реальность из представлений отдельных индивидуумов и собирается, и трансформируется по мере самоидентификации каждого ее члена.

Плюрализм самоидентификаций современного человека дополняется и усложняется множественностью политических идентичностей, которые в свою очередь рождаются в процессе политики идентичности. Последняя раскрывается в деятельности «по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, в практике целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей внутри этого сообщества, поддержания чувства принадлежности к нему» (Семененко, 2019, с. 454).

В этом сложном процессе государство выступает ключевым актором, который для достижения конкретных целей политики идентичности использует сложный комплекс институтов социализации (система образования, воинская служба, НКО, политические партии, СМИ), которые активно используют языковую политику, политическую символику и историческую память. Итогом такой разносторонней деятельности становится гражданская (в узком смысле национальная) идентичность, определяющая коллективное самосознание членов государства как единого, значимого для всех сообщества. Именно на этой основе базируется легитимность власти и государства как института, претендующего на реализацию гражданской идентичности в политических действиях под флагом защиты национальных интересов.

Таким образом, политика идентичности осуществляется в контексте отношений власти, господства и подчинения, конкуренции и сотрудничества. Согласимся с Г. Я. Миненковым в том, что политика идентичности – это прежде всего «борьба теоретическая и социально-политическая, а не просто объединение в группы по интересам, борьба, связанная с разрушением прежних легитимаций и поиском признания и легитимности, а иногда и власти, а не только возможностей для самовыражения и автономии» (Миненков, 2005, с. 24). Именно поэтому любая система ценностей, символов и маркеров, структурирующая идентичность, является существенной составляющей системы власти, организующей и поддерживающей порядок в рамках того или иного сообщества. В то же время «государственная поддержка тех или иных интерпретаций социальной реальности вовсе не гарантирует их доминирующей роли: даже если «нужная» нормативно-ценностная система навязывается насильственными методами, у индивидов остается возможность «лукавого приспособления» и двоемыслия» (Малинова, 2011, с. 106).

Идентичность все чаще становится объектом целенаправленных усилий участников политического процесса, рассматривающих формирование политической и (или) гражданской/национальной идентичности как важный мобилизационный ресурс публичной политики. Государства активно проводят политику идентичности, целью которой является объединение общества представлениями – в зависимости от стоящих задач – о «нации» как в этническом, так и в политическом смыслах, об интерпретации «национальной» культуры и истории. Перефразируя Э. Хобсбаума, получим: «в главном идентичности (у классика здесь стояло слово «нации») конструируются «сверху», и все же их нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним «снизу», с точки зрения убеждений, предрассудков, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе необязательно являются национальными, а тем более – националистическими по своей природе» (Хобсбаум, 1998, с. 20). В современных условиях «каждое государство пытается убедить своих граждан в том, что они составляют «нацию», следовательно, все вместе принадлежат к одному политическому сообществу и имеют по отношению к каждому другому гражданину и к общему для всех них государству особые обязательства» (Ачкасов, 2013, с. 71). В то же время в любом обществе работает «непреодолимая сила культурной гравитации, которая соединяет нацию» (Сурков, 2019), что находит выражение в гражданской идентификации.

«Секрет» популярности концепта идентичности – «в связанных с ним ожиданиях получить ответ на неразрешенный с помощью привычного инструментария социо-гуманитарного знания вопрос: как гармонично соотнести социальные потребности и приоритеты политического развития современного общества с ценностями и смыслами человеческого бытия?» (Семененко, 2019, с. 447). Не менее важным видится возможность выявить с его помощью источники социального действия. В политической практике дискурс идентичности является действенным механизмом конструирования текущей реальности, а динамика идентичности – один из значимых маркеров настоящих и грядущих социальных трансформаций.

Все вышесказанное имеет особенную актуальность для переходных сложноструктурированных обществ, которые находятся в поиске своего ме-

ста в быстро меняющейся политической матрице. Показательным кейсом в этом смысле являются Балканы, где обусловленное этнографическими, историческими и социокультурными факторами чересполосное проживание народов определило особую актуальность идентификационного вопроса «кто мы?» (Вишняков, Пономарева, 2019, с. 110). Конкретное сообщество может стать единым, обладая прочными горизонтальными связями – социокультурными, экономическими, политическими. Это единство, в противовес границам «свой – чужой», является набором представлений о «мы – сообществе», прекрасно описанном Б. Андерсоном (Андерсон, 2001), где основным является не «принадлежность» (или «исключенность»), а то, кто такие «мы». Андерсоновское единство политического сообщества К. Дойч назвал «общим жизненным контекстом» (Deutsch, 1994, р. 34). Единое политическое сообщество возникает при наличии легитимных политических институтов, унифицированных правил и норм, общего информационного пространства, общей исторической памяти и, наконец, гражданской идентичности, возникающей не только из ответа на вопрос «кто я?», но и «кто мы?», рождая или воспроизводя тем самым «всеохватывающую и очень устойчивую сеть человеческих коммуникаций, способную сохранять и развивать дальше свои каналы» (Дойч, 2000, с. 84).

В настоящее время вопрос «кто мы?» приобрел на Балканах особое – геополитическое – звучание: конструирование новых наций и политий способно окончательно закрепить за регионом статус сегментированного и конфликтного пространства. Несмотря на то, что отечественная школа балканистики – одна из самых сильных в мировой науке (достаточно назвать работы Я.В. Вишнякова, В.К. Волкова, Е.Ю. Гуськовой, П.Е. Канделя, К.В. Никифорова, А.Л. Шемякина; причем этими фамилиями не исчерпывается багаж накопленных знаний), серьезных исследований идентификационных процессов в регионе до сих пор нет. Вообще не изучен этот аспект в молодежной среде.

В рамках проекта «Новое прошлое» и его роль в политических трансформациях: опыт стран Западных Балкан», поддержанного весной 2019 г. РФФИ и АНО ЭИСИ, была, в частности, поставлена задача выявить тенденции и определить промежуточные итоги формирования идентификационных основ современных балканских обществ. В качестве кейсов были выбраны две наиболее гетерогенные и разделенные не только в национальном, но и в политическом смысле страны региона – Босния и Герцеговина (БиГ) и Северная Македония (СМ). Так, в БиГ формирование гражданской идентичности характеризуется наложением трех процессов нациестроительства: конструированием новой нации бошняков, основу которой составляют этнические сербы, принявшие ислам; тяготением к Хорватии как материнскому государству хорватского меньшинства и строительством собственного государства в рамках квазифедеративной единицы БиГ (Республика Сербская) боснийскими сербами, которые все чаще позиционируют себя как «самых правильных сербов». Идентификационная политика СМ по формированию единой гражданской/политической нации осложняется наличием двух, по сути, автономных и настроенных враждебно по отношению друг к другу национальных сегментов – македонцев и албанцев (Пономарева, 2018, с. 99).

В целях получения максимально объективной картины было проведено онлайн-исследование настроений молодежи названных стран в возрасте от 15

до 35 лет. Кроме того были проведены экспертные интервью с представителями боснийских и македонских научных и политических кругов, а также индивидуальные глубинные интервью с молодыми людьми обеих политий, сохраняющие гендерный и этнический баланс репрезентативной группы. Поскольку данные анкетирования представляют имперсональную информацию из первых рук и «открывают» текущую реальность названных балканских стран, остановимся подробнее на его анализе.

Методология исследования

Онлайн-анкета из 20 вопросов была размещена на интернет-платформе (<https://ru.surveymonkey.com/r/politicalidentity>) и растиражирована в социальных сетях. Для максимального охвата аудитории был использован наиболее распространенный в регионе язык межнационального общения – английский.

Анкета включала четыре блока:

1. Данные респондента («паспортичка»; вопросы 1–7);
2. Иерархия идентичностей (вопросы 8–11);
3. Групповая идентичность, внешний и внутренний «другой» (вопросы 12–16);
4. Оценка внешней и внутренней политики государства через призму гражданского самосознания (вопросы 17–20).

«Паспортичка» позволила выявить пол, возраст, образование, профессиональную деятельность, гражданство, национальность и место жительства респондентов.

Второй блок – «Иерархия идентичностей» – включал четыре вопроса. Приведем их полностью.

8. *Проранжируйте, пожалуйста, в порядке значимости данные о себе, где 1 – наиболее важное определение Вашей личности, а 7 – наименее важное.*

Выбрать предлагалось из следующих позиций: пол, возраст, образование, профессиональную деятельность, гражданство, национальность и место жительства респондентов. Цель данного вопроса – выявить доминирующую идентичность респондента. Вслед за Ш. Страйкером и Р. Серпом, которые предложили данную методику (Stryker & Serpe, 1994), предполагаем, что участники опроса сравнивали каждую идентичность с семью другими и в итоге выделяли наиболее и наименее важные характеристики собственного «Я».

9. *Играет ли вопрос собственной идентичности в Вашей жизни значительную роль?*

Было предложено четыре вида ответов: да; играет, но незначительную; иногда; не играет. Аналогичная постановка вопрос-ответ прошла успешную апробацию в исследованиях Я. Стетса (Stets & Biga, 2003). Цель вопроса – получить представление о степени присутствия фактора идентичности в жизни респондентов.

10. *Обозначьте, пожалуйста, свою реакцию на ряд следующих утверждений, где 1 – очень рад(а), 2 – рад(а), 3 – приятно слышать, 4 – принято к сведению.*

Были предложены семь вариантов ответов:

✓ Представители вашего пола статистически умнее, чем представители противоположного.

✓ Ваше поколение лучше предыдущего, у вас блестящие перспективы.

✓ Ваш уровень образования дает вам преимущества в жизни.

✓ Ваша профессиональная деятельность вызывает одобрение окружающих и приносит личное удовлетворение.

✓ Вы живете в независимом и процветающем государстве.

✓ Ваша национальная/этническая принадлежность – повод для гордости.

✓ Многим людям нравится город/населенный пункт, в котором Вы живете.

11. *Обозначьте, пожалуйста, свою реакцию на ряд следующих утверждений, где 1 – очень огорчен(а), 2 – огорчен(а), 3 – неприятно слышать, 4 – все равно.*

Были предложены семь вариантов ответов:

✓ У представителей вашего пола интеллектуальные способности, как правило, ниже, чем у представителей противоположного.

✓ Ваше поколение можно назвать потерянным, не имеющим будущего.

✓ Вашего уровня образования недостаточно, чтобы пробиться в жизни.

✓ Ваша профессия не востребована на рынке труда.

✓ Вы живете в нестабильном и зависимом от других стран государстве.

✓ Вам стоит скрывать от других людей вашу национальную/этническую принадлежность.

✓ Мало кто хочет жить там, где Вы живете. Вам стоит переехать.

Данная методика вопроса была предложена в работах Л. Наттброка и П. Фрейдигера (Nuttbrock & Freudiger, 1991), Дж. Эллистада и Я. Стетса (Ellestad & Stets, 1998). Вопросы 11 и 12 направлены на непрямую оценку иерархии идентичности респондентов. В частности, эмоциональные, очевидно субъективные реакции на позитивные и негативные высказывания об определенной характеристике отвечающего позволяют выявить сбалансированность самоопределения испытуемых или же его диспропорцию. Например, респондент может отождествлять себя в первую очередь через национальный признак и эмоционально реагировать на комплименты по поводу собственной национальности («Ваша национальная/этническая принадлежность – повод для гордости» – 1 – очень рад). Однако при оценке негативных высказываний отвечающий может не выразить равнозначной эмоциональной реакции (например, «Вам стоит скрывать от других людей вашу национальную/этническую принадлежность» – 4 – все равно). В таком случае можно будет сделать вывод о ситуативном доминировании национальной идентичности в самосознании респондента, так как данная идентичность выступает на первый план только в позитивном ключе.

Третий блок – «Групповая идентичность, внешний и внутренний «другой» – включал пять вопросов и был разработан с опорой на методологию С. Джонсона и А. Колемана (Johnson & Coleman, 2012), В.Е. Морозова (Морозов, 2009), И. Нойманна (Нойманн, 2004) и О.В. Поповой (Попова, 2002).

12. *К какому типу организации Вы бы охотнее присоединились (или членом какой организации являетесь).*

Респондентам предлагалось сделать выбор из семи позиций: против гендерной дискриминации; объединение молодежи; научное сообщество; профес-

сиональный союз; политическая партия; за равные права национальных меньшинств; благоустройство среды (населенного пункта, в котором Вы проживаете).

13. Разделяют ли Ваши родители и близкие друзья Ваши идеологические и политические ориентации?

Было предложено четыре вида ответов: да; скорее да, чем нет; скорее нет, чем да; нет.

14. Есть ли группа внутри вашего общества, которую Вы бы противопоставили себе? Если да, то по какому основанию?

В качестве оснований такой возможной группы мы предложили: пол, возраст, образование, род деятельности, гражданство, национальность, место жительства. Отдельно был указан ответ «нет такой группы».

Следующие два вопроса требовали от респондентов довольно больших затрат времени и эмоционального напряжения.

15. Из 12 пар противоположных характеристик выберите в каждой паре определение, наиболее подходящее для группы людей внутри вашего общества, которой Вы себя противопоставляете. Если такой группы нет, пропустите этот вопрос.

Были предложены следующие пары: благородный/бесчестный; принципиальный/беспринципный; добрый к другим/эгоистичный; жадный/щедрый; рассудительный/эмоциональный; трудолюбивый/ленивый; гостеприимный/закрытый; лживый/честный; жестокий/сочувствующий; законопослушный/нарушающий закон; поддерживающий добрососедские отношения/идущий на конфликт; думает только о своих/заботится о всеобщей выгоде.

16. Из 12 пар противоположных характеристик выберите в каждой паре определение, наиболее подходящее для группы людей внутри вашего общества, с которой Вы себя ассоциируете. Если такой группы нет, пропустите этот вопрос.

Пары для ответа были аналогичны предыдущему вопросу.

Четвертый блок – «Оценка внешней и внутренней политики государства через призму гражданского самосознания» – состоял из четырех политически ориентированных вопросов.

17. Выберите пять стран, с которыми, на Ваш взгляд, Ваше государство поддерживает плодотворные и дружеские отношения.

Выбор государств был определен географическими, этно-религиозными, историко-культурными, военно-политическими и экономическими факторами. Это Австрия, Албания, Болгария, Великобритания, Германия, Греция, Израиль, Италия, Китай, Россия, Румыния, Саудовская Аравия, Северная Македония/Босния и Герцеговина, Сербия, Словения, США, Турция, Хорватия, Черногория, Чехия.

18. Выберите пять стран, с которыми, на Ваш взгляд, Ваше государство находится в политическом противостоянии или имеет разные векторы развития.

Перечень стран для ответов аналогичен предыдущему вопросу.

19. Как Вы оцениваете инициативы Вашего правительства по формированию гражданской идентичности в Вашей стране? (Направлены ли основные усилия Ваших политиков на то, чтобы каждый человек определял себя как гражданина вашего государства)?

Были предложены следующие ответы: полностью поддерживаю, считаю успешными; частично поддерживаю; считаю, что политики уделяют недостаточное внимание вопросу гражданской идентичности в моей стране; не поддерживаю.

20. *Что из прошлого Вашего государства является ориентиром для Вас?*

Респонденты выбирали из следующих ответов: принцип социальной справедливости; героические страницы истории; независимость; коллективизм; рабочее самоуправление; социальная защищенность.

Результаты исследования

В анкетировании приняли участие 62 респондента, из которых 29 – из Боснии и Герцеговины и 33 – из Северной Македонии. 38% всех опрошенных – женского пола, 62% – мужского. Группа до 18 лет составила 2% респондентов, от 18 до 24 лет – 8%, от 25 до 35 лет – 90%. Доминирующее число опрошенных имеют высшее образование (80%) и постоянную работу (56%). Все респонденты проживают в городах: в БиГ это Сараево, Восточное Сараево, Баня Лука, Рогатица; в Северной Македонии – Скопье, Битола, Куманово, Прилеп. То, что принять участие в опросе решили исключительно городские жители – свидетельство активной жизненной позиции представителей именно этого сегмента балканского общества.

Вопрос об этнической/национальной принадлежности был открытым – нужно было самостоятельно указать свою национальную принадлежность. Так, из БиГ 87% опрошенных назвали себя сербами, 10% – бошняками, 3% – хорватами. Из Северной Македонии 99% опрошенных определили себя как македонцы и 1% как албанцы. Поиск представителей албанской этнической группы, проживающих в Северной Македонии, представлял особую сложность. Несмотря на данные последней переписи населения 2002 г., где из 2 022 547 граждан Северной Македонии 25,2% являются этническими албанцами (Статистички годишник, 2005), привлечь к опросу молодых людей среди албанцев было практически невозможно, что свидетельствует о крайней закрытости и дистанцированности албанского сообщества. Такое положение вещей не является уникальным для Македонии. Проведенные опросы по шкале социальной дистанции Богардуса в университете Приштины в декабре 2016 – январе 2017 г. выявили, что «албанские студенты демонстрируют наибольшую этническую дистанцию по отношению к сербам, цыганам и русским, а наименьшую – к американцам и англичанам» (Šuvaković, 2019, с. 211).

Второй блок вопросов («Иерархия идентичностей») показал интересные, но в целом предсказуемые результаты. Лидерами в иерархии идентичностей стали «Образование» (47%) и «Профессиональная деятельность» (32%). На третьем и четвертом места большинство опрошенных поставили «Пол» и «Возраст». И лишь затем шла «Национальность». Последним местом в иерархии стало «Место жительства» – более 30% опрошенных поставили «7» напротив данного пункта, в то время как лишь 1% респондентов определил «Место жительства» как доминирующую идентичность. Незначительно превышал этот показатель отношения к гражданству (Таблица 1; график 1). Таким образом, при первом

приближении можно утверждать, что для молодежи БиГ и СМ национальность, гражданство и место жительства не играют определяющей роли в процессе формирования идентичности. Условные боснийцы и македонцы скорее объединены образовательно-профессиональными и возрастными характеристиками, нежели гражданско-национальными. Этот промежуточный вывод подтверждается данными высокой мобильности молодежи – миграционный отток экономически активного населения из стран Западных Балкан наиболее ярко выражен именно в изучаемых странах, а также в Албании (Манаков, Суворков, 2016, с. 73; Net migration, 2017). На этом фоне логично выглядит высокая поддержка молодежью процесса евроинтеграции: в БиГ вступление в Евросоюз поддерживают 85% молодежи (Youth study BiH, 2019); в СМ – 81% (Youth study NM, 2019). Однако не стоит спешить с утверждением о доминировании наднациональной (образовательно-профессиональной и общеевропейской) идентичности. Последующие ответы усложняют картину ценностного ландшафта.

Таблица 1 – Иерархия идентичностей

	1	2	3	4	5	6	7
Пол	12.90%	9.68%	22.58%	14.52%	8.06%	9.68%	22.58%
Возраст	1.61%	22.58%	17.74%	25.81%	17.74%	9.68%	4.84%
Образование	46.77%	19.35%	20.97%	6.45%	0.00%	3.23%	3.23%
Профессия	19.35%	32.26%	11.29%	20.97%	11.29%	1.61%	3.23%
Гражданство	1.61%	3.23%	9.68%	19.35%	29.03%	19.35%	17.74%
Национальность	6.45%	11.29%	20.97%	12.90%	14.52%	17.74%	16.13%
Место жительства	1.61%	1.61%	6.45%	16.13%	19.35%	22.58%	32.26%

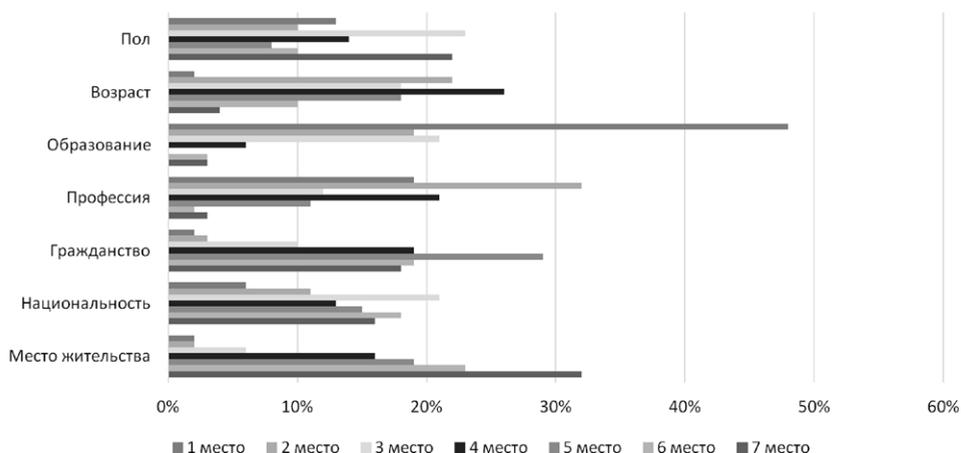

График 1 – Иерархия идентичностей

На вопрос «Играет ли вопрос собственной идентичности в Вашей жизни значительную роль?» большинство респондентов ответило положительно (74%); 21% отметили, что играет иногда и лишь 5% ответили отрицательно (таблица 2; график 2).

Таблица 2 – Играет ли вопрос собственной идентичности в Вашей жизни значительную роль?

Варианты ответов	Ответы
Да	43.55%
Да, но не значительную	30.65%
Иногда	20.97%
Не играет	4.84%
Общее число	100%

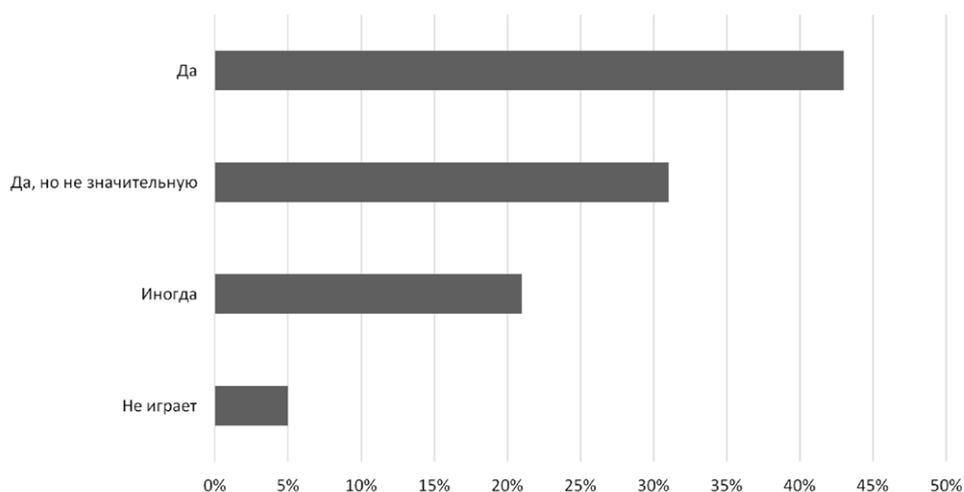

График 2 – Вопрос собственной идентичности

Сравнительный анализ 10 и 11 вопросов обнаружил несознательное занижение значимости гражданской и национальной идентичности респондентов. Как видно из предыдущих вопросов, самоопределение посредством гражданства и этническая принадлежность не лидирует в опросах. Однако при позитивных высказываниях о данных характеристиках респонденты демонстрируют

живую реакцию (лишь 34% опрошенных ответили «Принято к сведению»). Еще интереснее то, что градус реакции увеличивается при негативных высказываниях: 48% ответили, что «очень огорчены» неприятными положениями об их национальности/этнической принадлежности (самый высокий процент в вопросе), и в то же время лишь 16% опрошенных заявили, что им «все равно». Таким образом, можно сделать вывод, что гражданская и национальная идентичность выходит на первый план в ситуации конфликта, эмоционального нападения на респондента. Для сравнения: этнополитический конфликт и в БиГ, и в Македонии среди молодых людей ощущается гораздо острее, чем вопросы гендерного равенства. Относительно последнего 50% опрошенных заявили, что им «все равно» (таблицы 3–4; графики 3–4).

Таблица 3 – Обозначьте, пожалуйста, свою реакцию на ряд следующих утверждений, где 1 – очень рад(а), 2 – рад(а), 3 – приятно слышать, 4 – принято к сведению

Ряд положительных высказываний	Очень рад(а)	Рад(а)	Приятно слышать	Принято к сведению
Представители вашего пола статистически умнее, чем представители противоположного.	9.68%	12.90%	19.35%	58.06%
Ваше поколение лучше предыдущего, у вас блестящие перспективы.	14.52%	32.26%	20.97%	32.26%
Ваш уровень образования дает Вам преимущества в жизни.	40.32%	33.87%	14.52%	11.29%
Ваша профессиональная деятельность вызывает одобрение окружающих и приносит личное удовлетворение.	37.10%	33.87%	14.52%	14.52%
Вы живете в независимом и процветающем государстве.	37.10%	22.58%	6.45%	33.87%
Ваша национальная/этническая принадлежность – повод для гордости.	30.65%	24.19%	11.29%	33.87%
Многим людям нравится город/населенный пункт, в котором Вы живете.	29.03%	27.42%	17.74%	25.81%

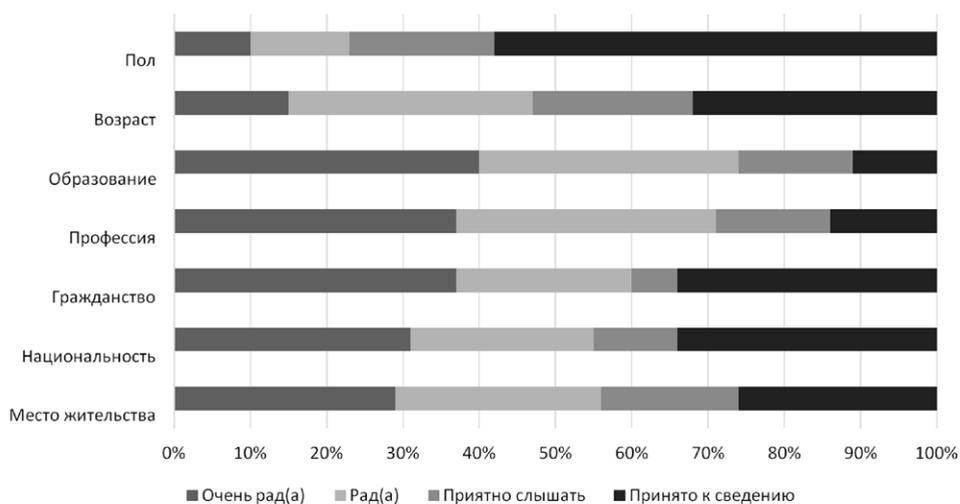

График 3 – Позитивное восприятие

Таблица 4 – Обозначьте, пожалуйста, свою реакцию на ряд следующих утверждений, где 1 – очень огорчен(а), 2 – огорчен(а), 3 – неприятно слышать, 4 – все равно

Ряд негативных высказываний	Очень огорчен(а)	Огорчен(а)	Неприятно слышать	Все равно
У представителей вашего пола интеллектуальные способности, как правило, ниже, чем у представителей противоположного.	4.84%	9.68%	35.48%	50.00%
Ваше поколение можно назвать потерянным, не имеющим будущего.	19.35%	27.42%	40.32%	12.90%
Вашего уровня образования недостаточно, чтобы пробиться в жизни.	22.58%	25.81%	27.42%	24.19%
Ваша профессия не востребована на рынке труда.	19.35%	33.87%	29.03%	17.74%
Вы живете в нестабильном и зависимом от других стран государстве.	33.87%	22.58%	29.03%	14.52%

Вам стоит скрывать от других людей вашу национальную/этническую принадлежность.	48.39%	19.35%	16.13%	16.13%
Мало кто хочет жить там, где Вы живете. Вам стоит переехать.	20.97%	22.58%	20.97%	35.48%

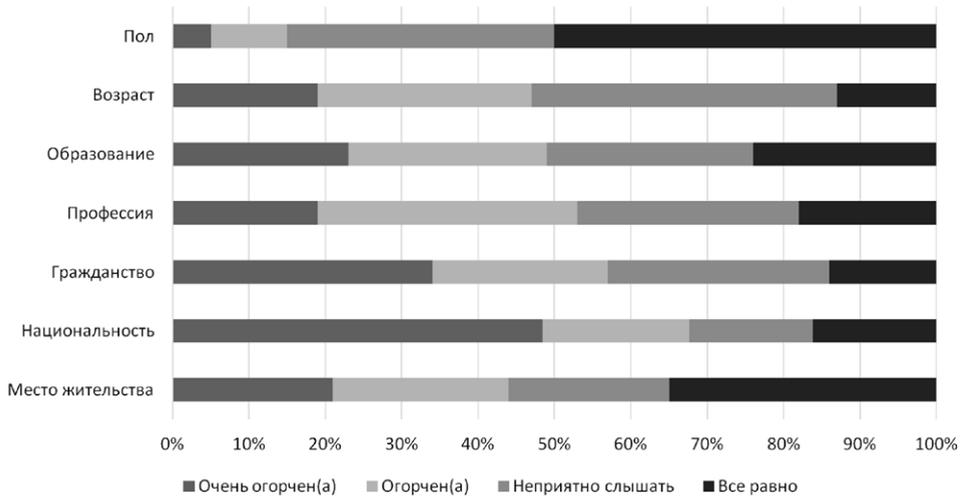

График 4 – Негативное восприятие

Вопросы блока «Групповая идентичность» также обнаружили важные результаты. Несмотря на разносторонние интересы респондентов (в вопросе о типах организаций процент симпатий распределился достаточно равномерно, без ярко выраженного лидера: от научного сообщества (26%) и урбанистических организаций (21%) до групп против гендерной дискриминации (5%)) и безусловное влияние родных и близких на формирование политических взглядов (о существовании групповой политической идентичности заявили 70% опрошенных), в вопросе о внутреннем «другом» лидирует критерий «национальность» (32%).

Вопросы 15 и 16, где требовалось охарактеризовать идентичность «других» в «своем» государстве, а затем свою групповую идентичность, обнажили явное противопоставление себя внутреннему «другому». Процент характеристик был зеркальным: там, где давалось определение с негативной коннотацией для «других», был такой же показатель, как и для позитивного прилагательного для «своих». Стоит отметить, что в вопросы специально были введены такие определения, как «добрый к другим», «гостеприимный», «сочувствующий», которые могли бы вполне относиться и к людям, с которыми респондент противопоставляет себя по национальному или политическому признакам, однако и здесь противоположная группа не получила признания.

Говоря о внешнем влиянии, молодые люди Боснии и Герцеговины и Северной Македонии среди политических партнеров своих государств назвали Сербию (53%), Россию (50%), Черногорию (40%), Турцию (39%), Германию (27%). В качестве политических оппонентов большинство получили Албания (77%), США (52%), Греция (50%), Хорватия и Болгария (по 44%), Великобритания (41%). Эти цифры – свидетельство очень сложных процессов внутри сообществ изучаемых стран, косвенные данные сохраняющихся противоречий между правительствами и населением. В частности, несмотря на политику правительства БиГ и СМ по ускоренной интеграции в НАТО (Македония после переименования 6 февраля 2019 г. подписала протокол о вступлении в альянс, который находится в процессе утверждения всеми членами структуры), большинство респондентов главными политическими оппонентами назвали именно членов НАТО.

В вопросе о прошлом государства, на которое следовало бы ориентироваться, подавляющее большинство респондентов отметили, что больше всего гордятся героическими страницами истории (71%). Очевидно, что вспоминали они прежде всего борьбу с османским владычеством, а также исторические вехи «общего» государства – королевской и социалистической Югославии. БиГ и СМ возникли как самостоятельные государственные образования в результате разрушения СФРЮ и своей «героической истории», которую бы в равной степени оценивали все проживающие в этих странах народы, у этих стран просто нет. Таким образом, основой современной гражданской идентификации для подавляющего большинства молодежи аудиторией выступает не настоящее, а прошлое. Не случайно, оценивая современную политическую ситуацию и меры по формированию гражданской идентичности внутри стран, подавляющее большинство (71%) осудило действия политиков. 27% заявили, что лишь частично поддерживают инициативы действующих правительств.

Заключение

Проведенное исследование выявило схожесть позиций и ценностных ориентиров в отношении основ идентичности у молодежи БиГ и СМ. В ходе анкетирования были выявлены два взаимосвязанных тренда, свидетельствующих об идентификационном диссонансе сознания респондентов. С одной стороны, существует образовательно-профессиональная тенденция идентичности. С другой – доминирование негативного тренда групповой идентификации молодежи: противопоставление своей этнической группы внутренним «другим» (этно-политический конфликт внутри государств), а также самоопределение через отрицание внешних «других». Этот вывод принципиальной важности, так как история развития региона не раз подтверждала тезис: «многие масштабные конфликты связаны с противоречивым характером формирования идентичности, и в то же время сами становились акселераторами этого процесса» (Оносов, Гаспаршвили, Шафранец, 2018, с. 494–495).

Проведенное анкетирование подтвердило также выводы ряда зарубежных исследований. Так, последние опросы Фонда им. Ф. Эберта в Боснии и Герцеговине (Youth study BiH, 2019) и Северной Македонии (Youth study NM, 2019) выявили разочарованность молодых людей действиями политической

элиты своих государств. В БиГ более 50% опрошенных не доверяют политикам и оценивают действия политических институтов как неэффективные. В СМ число недовольных среди молодежи политическим курсом правительства еще выше – 61%. В то же время молодежь стремится к повышению своего присутствия в государственной политике: наблюдается ее высокая вовлеченность в электоральный процесс. Например, в БиГ регулярно ходят на выборы 78%, в СМ – более 80%. Как отмечается в исследованиях, этнический фактор до сих пор играет одну из определяющих ролей при выборе политических предпочтений и построении социальных связей (семья, друзья, место работы), хотя молодые люди уже не так явно объясняют систему своих убеждений этническим национализмом, как это было в исследованиях прошлых лет.

Проблема идентичности балканской молодежи, особенно православной, есть отражение, как и у русских, сложного, исторически многосвязного и отчасти мистифицированного пространства. «Конфигурация и актуальное содержание этого пространства представлений лабильны, неизбежно реагируют на текущую социально-политическую, экономическую и социо-культурную динамику, воспринимаемую в долгосрочном и широкоформатном историческом контексте» (Оносов, Гаспаришвили, Шафранец, 2018, с. 495). С одной стороны, это требует особой деликатности при обсуждении и анализе идентификационных трендов. С другой – позволяет довольно четко прогнозировать разграничительные доминанты групповой идентичности.

Список литературы

1. Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Канон-пресс-Ц.
2. Ачкасов, В.А. (2013). Политика идентичности в современном мире. *Вестник СПбГУ*, 6(4), 71–77.
3. Вишняков, Я.В., Пономарева, Е.Г. (2018). Сербия на Балканах: изобретение «порохового погреба Европы». *Современная Европа*, 7, 108–121. doi: 10.15211/soveurope72018115129
4. Горшков, М.К., Тюрина, И.О. (2018). Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности. *Вестник РУДН: Социология*, 18(1), 44–57. doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57
5. Дойч, К. (2000). Рост наций. В Прузаускас, А.А. (Ред.). *Этнос и политика*. М.: УРАО.
6. Дробижева, Л.М. (2008). Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. В Горшков, М.К. (Ред.), *Россия реформирующаяся* (Вып. 7, с. 214–228). М.: Институт социологии РАН.
7. Кули, Ч. (1994). Социальная самость. В Добренъков, В.И. (Ред.), *Американская социологическая мысль* (с. 320–321). М.: Изд-во МГУ.
8. Локк, Дж. (1985). Опыт о человеческом разумении. В *Локк Дж. Сочинения: В 3-х т.* (Т. 1). М.: Мысль.
9. Манаков, А.Г., Суворков, П.Э. (2016). Прогноз демографических процессов в страх Южной Европы до конца XXI века. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-*

математические науки, 9, 69–83.

10. Малинова, О.Ю. (2011). Тема прошлого в риторике президентов России. *Pro et Contra*, 3–4(52), 106–122.

11. Миненков, Г.Я. (2005). Политика идентичности: взгляд современной социальной теории. *Политическая наука*, 3, 21–38.

12. Морозов, В.Е. (2009). *Россия & Другие: Идентичность и границы политического сообщества*. М.: Новое литературное обозрение.

13. Нойманн, И. (2004). *Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. М.: Новое издательство.

14. Оносов, А.А., Гаспарисвили, А.Т., Шафранец, К. (2018). Культурная модель русской идентичности: аксиология, семантика и коммуникационный потенциал. *Вестник РУДН. Социология*, 18(3), 494–506. doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-494-506

15. Пономарева, Е.Г. (2018). Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан. *Вестник МГИМО-Университета*, 2, 99–124. doi: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-99-124

16. Попова, О.В. (2002). *Политическая идентификация в условиях трансформации общества*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.

17. Семененко, И.С. (2011). Идентичность в предметном поле политической науки. В Семененко, И.С., Фадеева, Л.А. (Ред.). *Идентичность как предмет политического анализа*. М.: ИМЭМО РАН.

18. Семененко, И.С. (2019). Концепт изучения идентичности. В Гаман-Голутвина, О.В., Никитин, А.И. (Ред.). *Современная политическая наука: Методология* (с. 446–463). М.: Аспект Пресс, 2019.

19. *Статистички годишник на РМ* (2005). Скопје: Државен завод за статистика на РМ.

20. Сурков, В.Ю. (2019, 11 февраля). Долгое государство Путина. *Независимая газета*.

21. Хобсбаум, Э. (1998). *Нации и национализм после 1780 г.* СПб.: Алетейя.

22. Baldwin, J.M. (1906). *Mental development in the child and the race*. New York: Macmillan & Co. Взято с <https://archive.org/details/mentaldevelopme05baldgoog/page/n11>

23. Deutsch, K. (1994). Nationalism and Social Communication. In Hutchinson, J., & Smith A.D. (Eds.), *Nationalism*. Oxford, N.Y.

24. Ellestad, J., & Stets, J.E. (1998). Jealousy and parenting: Predicting emotions from identity theory. *Sociological Perspectives*, 41, 639–668.

25. James, W. (1983). *Principles of psychology*. Harvard University Press.

26. Johnson, C., & Coleman, A. (2012). The internal other: exploring the dialectical relationship between regional exclusion and the construction of national identity. *Annals of the association of American geographers*, 102(4), 863–880.

27. Mead, G.H. (2015). *Mind, self, and society: The definitive edition*. Chicago: University of Chicago Press.

28. Net migration rate. (2019). *Index Mundi*. Retrieved from <https://www.indexmundi.com/g/g.aspx?v=27&c=bk&l=en>

29. Nuttbrock, L., & Freudiger, P. (1991). Identity salience and motherhood:

A test of Stryker's theory. *Social Psychology Quarterly*, 54, 146–157.

30. Petrović, D. (2006). Anatomija identiteta: teorijsko problematiziranje identiteta. *Etnološka istraživanja*, 11, 213–232.

31. Stets, J.E., & Biga, C.F. (2003). Bringing identity theory into environmental sociology. *Sociological Theory*, 21, 398–423.

32. Stryker, Sh., & Serpe, R.T. (1994). Identity salience and psychological centrality: Equivalent, overlapping, or complementary concepts? *Social Psychology Quarterly*, 57, 16–35.

33. Šuvaković, U. (2019). Ethnic distance among the students of Serbia. *Вестник РУДН. Социология*, 19(2), 203–211. doi: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-203-211

34. *Youth study Bosnia and Herzegovina 2018/2019*. (2019). Berlin. Retrieved from <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15262.pdf>

35. *Youth study North Macedonia 2018/2019* (2019). Berlin. Retrieved from <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15266.pdf>

References

1. Anderson, B. (2001). *Voobrazaemy'e soobshhestva. Razmy'shleniya ob istokax i rasprostranении nacionalizma* [Imagined community. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moskva: Kanon-press-C.

2. Achkasov, V.A. (2013). Politika identichnosti v sovremennom mire [Identity Policy in the Modern World]. *Vestnik SPbSU*, 6(4), 71–77.

3. Baldwin, J.M. (1906). *Mental development in the child and the race*. New York: Macmillan & Co. Retrieved from <https://archive.org/details/mentaldevelopme05baldgoog/page/n11>

4. Deutsch, K. (1994). Nationalism and Social Communication. In Hutchinson, J., & Smith, A.D. (Eds.), *Nationalism*. Oxford, N.Y.

5. Dojch, K. (2000). Rost nacij [Nation growth]. *E'tnos i politika*. Moskva: URAO.

6. Drobizheva, L.M. (2008). Nacional'no-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost': problemy pozitivnoj sovместимости [National-civil and ethnic identity: problems of positive compatibility]. In Gorshkov M.K. (Ed.). *Rossiya reformiruyushchayasya* (Vol. 7, pp. 214–228). Moskva: Institut Sociologii.

7. Ellestad, J., & Stets, J.E. (1998). Jealousy and parenting: Predicting emotions from identity theory. *Sociological Perspectives*, 41, 639–668.

8. Gorshkov, M.K., & Tyurina, I.O. (2018). Sintez etnonacional'nogo i grazhdanskogo kak osnova rossijskoj identichnosti [Synthesis of ethnic and civil as a basis for the Russian identity]. *Vestnik RUDN: Sociologiya*, 18(1), 44–57. doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57

9. Hobsbawm, E.J. (1998). *Nations and Nationalism since 1780*. SPb: Aletheia.

10. James, W. (1983). *Principles of psychology*. Harvard University Press.

11. Johnson, C., & Coleman, A. (2012). The internal other: exploring the dialectical relationship between regional exclusion and the construction of national identity. *Annals of the association of American geographers*, 102(4),

863–880.

12. Kuli, Ch. (1994). Social'naya samost' [Social self]. In Dobren'kov V.I. (Ed.), *Amerikanskaya sociologicheskaya mysl'* (pp. 320–321). Moskva: MSU.

13. Lokk, Dz. (1985). Opyt o chelovecheskom razumenii [Experience of human understanding]. In *Lokk Dzh. Sochineniya: V 3-x t.* (T. 1). Moskva: Mysl'. 1985.

14. Malinova, O.Y. (2011). Tema proshlogo v ritorike prezidentov Rossii [The theme of the past in the rhetoric of Russian presidents]. *Pro et Contra*, 3–4(52), 106–122.

15. Manakov, A.G., & Suvorkov, P.E. (2016). Prognoz demograficheskikh processov v strah YUzhnoj Evropy do konca XXI veka [Forecast of demographic processes in southern Europe to the end of the XXI century]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye i fiziko-matematicheskie nauki*, 9, 69–83.

16. Mead, G.H. (2015). *Mind, self, and society: The definitive edition*. Chicago: University of Chicago Press.

17. Minenkov, G.Y. (2005). Politika identichnosti: vzglyad sovremennoj social'noj teorii [Identity politics: a view of modern social theory]. *Politicheskaya nauka*, 3, 21–38.

18. Morozov, V.E. (2009). *Rossiya & Drugie: Identichnost' i granicy politicheskogo soobshchestva* [Russia & Others: Identity and boundaries of the political community]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.

19. Net migration rate. (2019). *Index Mundi*. Retrieved from <https://www.indexmundi.com/g/g.aspx?v=27&c=bk&l=en>

20. Nojmann, I. (2004). *Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej* [Use Of «Other». Images of the East in the formation of European identities]. Moskva: Novoe izdatel'stvo.

21. Nuttbrock, L., & Freudiger, P. (1991). Identity salience and motherhood: A test of Stryker's theory. *Social Psychology Quarterly*, 54, 146–157.

22. Onosov, A.A., Gasparishvili, A.T., & Szafranec, K. (2018). Kul'turnaya model' russkoj identichnosti: aksiologiya, semantika i kommunikacionnyj potencial [Cultural model of the russian identity: axiology, semantics and communicative potential]. *Vestnik RUDN: Sociologiya*, 18(3). doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-494-506

23. Petrović, D. (2006). Anatomy of identity: theoretical approach to identity. *Etnološka istraživanja*, 11, 213–232.

24. Ponomareva, E.G. (2018). Albanski faktor destabilizatsii Zapadnykh Balkan: stsennarij podkhod [The Albanian factor of destabilization of the Western Balkan: the scenario approach]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2, 99–124. doi: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-99-124

25. Popova, O.V. (2002). *Politicheskaya identifikaciya v usloviyah transformacii obshchestva* [Political identification in the transformation of society]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.

26. Semenenko, I.S. (2011). Identichnost' v predmetnom pole politicheskoy nauki [Identity in the subject field of political science]. In *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza*. Moskva: IMEMO.

27. Semenenko, I.S. (2019). Koncept izucheniya identichnosti [Identity

learning concept]. In Gaman-Golutvina, O.V., & Nikitin, A.I. (Eds.), *Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya*. Moskva: Aspekt Press.

28. *Statistical Yearbook of the Republic of Macedonia* (2005). Скопје: Државен завод за статистика на РМ.

29. Stets, J.E., & Biga, C.F. (2003). Bringing identity theory into environmental sociology. *Sociological Theory*, 21, 398–423.

30. Stryker, Sh., & Serpe, R.T. (1994). Identity salience and psychological centrality: Equivalent, overlapping, or complementary concepts? *Social Psychology Quarterly*, 57, 16–35.

31. Surkov, V.Y. (2019, February 11). Dolgoe gosudarstvo Putina [Putin's long state]. *Nezavisimaya gazeta*.

32. Šuvaković, U. (2019). Ethnic distance among the students of Serbia. *Vestnik RUDN. Sociologiya*, 19(2), 203–211. doi: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-203-211

33. Vishnyakov, Y., & Ponomareva, E. (2018). Serbiya na Balkanah: izobretenie «porohovogo pogreba Evropy» [Serbiya in the Balkans: The Invention of “Europe's Gun powder Magazine”]. *Sovremennaya Evropa*, 7, 108–121. doi: 10.15211/soveurope72018115129

34. *Youth study Bosnia and Herzegovina 2018/2019* (2019). Berlin. Retrieved from <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15262.pdf>

35. *Youth study North Macedonia 2018/2019* (2019). Berlin. Retrieved from <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15266.pdf>

КОНСУЛЬТАТИВНО-СОВЕЩАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ «НА РАССТОЯНИИ ВЫТЯНУТОЙ РУКИ»: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (на примере Свердловской области)*

Дьякова Елена Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0003-1665-0668,
E-mail: gf-urfo@bk.ru

Для цитирования: Дьякова Е. Г. Консультативно-совещательные органы «на расстоянии вытянутой руки»: институционализация самостоятельности (на примере Свердловской области) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 120-133. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10308

Аннотация

В статье рассматривается, каким образом обеспечивается самостоятельность совещательно-консультативных органов в системе исполнительной власти. В основе лежит подход к анализу институционализированных совещательно-консультативных структур, разработанный в рамках теории policy advice. Целью работы является выявление специфики формирования совещательно-консультативных структур в отечественной административной традиции. В основе анализа лежит пакет нормативно-правовых документов, регулирующих процессы формирования общественных советов как на федеральном, так и на региональном уровнях (на примере Свердловской области).

Анализ показал, что самостоятельность общественных советов обеспечивается путем перемещения ответственности за их формирование от органов исполнительной власти к Общественным палатам как институционализированным представителям гражданского общества. На федеральном уровне расширение полномочий Общественной палаты РФ зафиксировано в законе «Об Общественной палате Российской Федерации» от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ. Конкретизация этих полномочий проводилась через Стандарты деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти (Типовое положение) 2014, 2015 и 2018 гг., однако невысокий юридический

* В статье использованы результаты исследования, осуществленного на средства Фонда президентских грантов (договор № 17-2-008921 от 26 декабря 2017 г.).

статус Стандартов не позволил полностью обеспечить «перезагрузку» общественных советов при федеральных органах власти в интересах Общественной палаты РФ. На региональном уровне, как показал опыт Свердловской области, Общественным палатам в некоторых случаях удавалось закрепить свои полномочия законодательно. В соответствии с законом Свердловской области от 19 декабря 2016 года № 151-ОЗ «Об общественном контроле в Свердловской области» региональная Общественная палата получила право формировать половину членов общественных советов из своих членов и экспертов.

Анализ того, каким образом обеспечивается самостоятельность общественных советов в российской административной традиции, был проведен впервые в научной литературе.

Ключевые слова:

policy advice, общественный совет, Общественная палата, самостоятельность, институционализация.

UDC 342.518

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10308

ADVISORY BODIES "AT ARM'S LENGTH": INSTITUTIONALIZATION OF AUTONOMY (On the Example of the Sverdlovsk Region)

Dyakova Elena Grigor'evna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Leading Researcher,
Doctor of Political Science,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0003-1665-0668,
E-mail: gf-urfo@bk.ru

To cite this article: Dyakova, E.G. (2019). Konsul'tativno-soveshhatel'nye organy "na rasstoyanii vytyanutoj ruki": institucionalizaciya samostoyatel'nosti (na primere Sverdlovskoj oblasti) [Advisory Bodies "at Arm's Length": Institutionalization of Autonomy (On the Example of the Sverdlovsk Region)]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(36), 120-133. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10308

Abstract

The article discusses how the autonomy of advisory bodies in the executive system is ensured. It is based on the approach to the analysis of institutionalized advisory bod-

ies developed within the framework of the theory of policy advice. The aim of the work is to identify the specifics of the formation of advisory bodies in the Russian administrative tradition. The analysis is based on a package of legal documents regulating the formation of public councils at both the federal and regional levels (using the example of the Sverdlovsk region).

The analysis showed that the autonomy of Russian public councils is ensured by shifting responsibility for their formation from executive bodies to the Public Chambers as institutionalized representatives of civil society. At the federal level, the expansion of the powers of the Public Chamber of the Russian Federation is recorded in the law "On the Public Chamber of the Russian Federation" dated April 4, 2005 No. 32-FZ. Specification of these powers was carried out through the Standards of activity of public councils under federal executive authorities (Model Regulations) in 2014, 2015 and 2018. However, the low legal status of the Standards did not fully ensure the "reset" of public councils under federal authorities in the interests of the Public Chamber of the Russian Federation. At the regional level, as the experience of the Sverdlovsk region showed, in some cases the Public Chambers managed to consolidate their powers by law. In accordance with the law of the Sverdlovsk region dated December 19, 2016 No. 151-OZ "On public control in the Sverdlovsk region", the regional Public Chamber received the right to form half of the members of public councils from its members and experts.

An analysis of how the autonomy of public councils in the Russian administrative tradition is ensured was carried out for the first time.

Keywords:

policy advice, public council, public chamber, autonomy, institutionalization.

Введение

Совещательно-консультативные органы начали активно формироваться в ведущих странах мира в первой половине XX века в связи с переходом к социальному государству, расширением и усложнением функций исполнительных органов власти, умножением числа проблем, не имеющих однозначного и очевидного решения (т. н. wicked problems – Rittel & Webber, 1973) и умножением и распространением рисков (Бек, 2000).

В этих условиях обострилась характерная для иерархически организованной системы управления проблема «принципал – агент» (то есть проблема асимметрии между различными уровнями власти по параметру «уровень информированности о ситуации») (Eisenhardt, 1989). Одним из направлений решения проблемы «принципал – агент» стало привлечение внешних экспертов, располагающих информацией о сфере ответственности принципала и способных оценить деятельность агентов в этой сфере ответственности.

В связи с этим в агентологии с середины XX формируется понятие «policy advices», то есть экспертных советов и рекомендаций, даваемых по поводу политико-управленческих решений («policy»). «Policy advices» следует отличать от «political advices», то есть советов по поводу завоевания и/или удержания

власти (к сфере «political advices» относится, в частности, политическое консультирование). Иными словами, «policy advices» относится к административной сфере и лежит вне сферы политического per se. В отечественной политической науке четкое разделение policy и politics стало использоваться сравнительно недавно. Соответственно, различие между «policy advices» и «political advices» было впервые введено А.Ю. Сунгуровым в работах 2017–2018 гг. (Сунгуров, Карягин, 2017; Сунгуров, 2018).

Обзор литературы

В результате разделения «policy advices» и «political advices» появился новый объект анализа – «policy advisory systems», то есть институционализированные совещательно-консультативные структуры, привлекающие к решению управленческих проблем, с которыми сталкиваются органы власти, внешних экспертов.

С конца семидесятых годов XX века появились первые модели совещательно-консультативных систем с делением основных акторов на внутренних заказчиков, принимающих решения, внешних экспертов – производителей знания и внешних экспертов – брокеров, которые «упаковывают» знания в удобную для использования внутренними заказчиками форму (Dunn, 1980; Sundquist, 1978).

В 1995 году Дж. Хэллиган предложил модель совещательно-консультативных органов, которая быстро завоевала популярность и начала широко использоваться для описания функционирования таких систем в разных административных контекстах (Halligan, 1995). Именно данная модель была использована в обобщающем отчете о функционировании совещательно-консультативных систем, который был подготовлен под эгидой Организации по экономическому сотрудничеству и развитию на основе анализа таких систем в 17 европейских странах (OECD Public Governance Reviews: 2017).

При создании своей модели Дж. Хэллиган учитывал два основных показателя: степень близости/удаленности совещательно-консультативных структур от органов власти и степень контроля органов власти за деятельностью консультативных структур (Halligan, 1995, p. 140–141). Нетрудно заметить, что оба показателя описывают один и тот же концепт: степень самостоятельности совещательно-консультативных структур.

Дж. Хэллиган выделил промежуточную группу структур, у которых средняя удаленность от органов власти сочетается со средней степенью контроля. Именно к этой группе он отнес консультативные советы при органах исполнительной власти. Для описания позиции экспертов в таких органах по отношению к власти был введен термин «на расстоянии вытянутой руки» («at arm's length of government» – см., напр., OECD, 2017). Такие органы существуют «не полностью внутри, но и не полностью снаружи» органов власти, и главная проблема, решаемая при их формировании, – как сохранить устойчивость такой позиции.

Дж. Хэллиган обратил внимание, что проблема устойчивости решается в разных национальных административных культурах по-разному. Иными словами, консультативно-совещательные системы имеют выраженную на-

циональную специфику. Так, в США консультативные органы существуют в условиях федерализма, фрагментации и системы сдержек и противовесов, что предполагает разнообразие акторов, заключающих между собой сделки и союзы. В Великобритании, в условиях Вестминстерской системы, совещательно-консультативные органы контролируются гораздо жестче.

Тезис о национальной специфике конструирования консультативно-совещательных систем «на расстоянии вытянутой руки» получил дальнейшее развитие в работах представителей Нидерландской школы публичной политики.

Д. Брессерс с соавторами, сравнив совещательно-консультативные системы в Нидерландах, Великобритании и Швеции, пришел к выводу, что степень автономии от органов власти или контроля со стороны органов власти напрямую связана с тем, какие задачи (стратегические или тактические; разовые или комплексные) призваны решать те или иные совещательно-консультативные органы (Bressers et al., 2019). Порядок формирования таких органов во многом обусловлен национальной административной традицией. Если в рамках Вестминстерской системы эволюция совещательных органов осуществлялась путем расширения представительства «экспертов-мирян» из «заинтересованных сообществ», располагающих опытом защиты и лоббирования интересов сообщества (подробнее см.: Дьякова, 2019), то континентальные неокорпоративистские режимы немецкого (социал-демократического) образца, характерные в том числе для Швеции и Нидерландов, эволюционировали в противоположном направлении: в совещательных органах снижалась доля экспертов-мирян и повышалась доля экспертов, представлявших академическое сообщество. Это обосновывалось тем, что присутствие экспертов-мирян порождает бесконечные дискуссии, которые снижают объективность вырабатываемых в их ходе рекомендаций (Bressers et al., 2019, p. 1201). При этом во всех трех случаях органы власти сохраняли достаточно жесткий контроль за отбором экспертов.

Э. Фобе с соавторами посвятила работу анализу системы совещательных органов в Бельгии (Fobe, 2013). В этой стране в 2006 году была проведена реформа, направленная на радикальное сокращение количества совещательных комиссий. При этом основной упор был сделан на участие экспертов-мирян («стейкхолдеров») в принятии стратегических решений: их основанным на личном опыте знаниям придавалось заметно большее значение, чем академической экспертизе. Однако им лишь изредка удавалось обеспечить инструментальное влияние на деятельность органов власти. В основном их вклад носил символический характер, выполняя функцию легитимации деятельности органов власти, несмотря на то, что экспертные органы располагали достаточной степенью самостоятельности, в том числе самостоятельности финансовой.

И, наконец, в уже упоминавшемся обзоре Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, подготовленном при участии таких представителей Нидерландской школы публичной политики, как М. ванн Твист, М. Шульц, Й. Шерпениссе, М. ванн дер Стеен и др., был проанализирован опыт 17 стран мира по организации совещательно-консультативных систем. По итогам обзора был сделан вывод о том, что если в ряде стран автономия совещательных органов и качество предлагаемых ими рекомендаций гарантируются традицией, в других странах эта автономия закреплена законодательно, и совещательные органы по-

лучают четко очерченный мандат, определяющий их роль в процессе принятия решений. При этом существующая в ряде стран нехватка законодательного регулирования приводит к размыванию мандата, что усиливает влияние исполнительной власти на деятельность совещательных органов (OECD, 2017, p. 66).

Таким образом, как показывает обзор литературы, поддержание позиции консультативных органов «на расстоянии вытянутой руки» требует значительных усилий, в том числе законодательного закрепления, и во многом определяется национальной административной традицией.

Постановка проблемы

Проблема обеспечения самостоятельности совещательно-консультативных органов (общественных советов) в современной России является одной из центральных в литературе, посвященной данной теме. При этом большинство исследований носят узко эмпирический характер и фактически сводятся к пересказу нормативно-правовой базы, действовавшей на момент написания текста (см., напр.: Носкова, 2016; Нужнова, 2015; Щербина, 2015). При этом рядом исследователей делаются достаточно радикальные выводы: так, Н. Петров, М. Липман и Г. Хэйл заявили, что в отечественных условиях общественные советы носят чисто имитационный характер (Petrov et al., 2010) и вообще не выполняют никаких функций, кроме легитимирующей.

Анализ эволюции нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность общественных советов, показывает, что все обстоит гораздо сложнее. С одной стороны, общественные советы как совещательный орган унаследовали некоторые черты советских органов народного контроля (Owen, 2014). Как известно, народный контроль в СССР определялся как сочетание государственного и общественного контроля (О народном контроле ..., 1987: I.1), поэтому проблема самостоятельности органов народного контроля не могла быть адекватно сформулирована в рамках соответствующего дискурса.

С другой стороны, формирование системы общественных советов при органах исполнительной власти во многом осуществляется с опорой на глобальную модель инициированной государством институционализации экспертного представительства (подробнее см. Дьякова, Трахтенберг, 2019), требующую пребывания экспертов «на расстоянии вытянутой руки» от органов власти.

Нами была выдвинута гипотеза, что законодатель с целью обеспечения необходимого «расстояния», ищет решение в русле отечественной административной традиции, для которой характерно обилие исполнительных и надзорных структур с пересекающимися полномочиями. В рамках этой традиции, чтобы сохранять позицию «на расстоянии вытянутой руки» от органов исполнительной власти, совещательно-консультативные органы должны находиться в тесной связи с другой структурой, уже занявшей указанную позицию.

Методология исследования

Был проведен анализ федеральной и региональной нормативно-правовой базы (на примере Свердловской области), регулирующей деятельность обще-

ственных советов. Был использован комплекс нормативно-правовых документов, разработанных и утвержденных на федеральном и региональном уровне в 2005–2019 гг.

Также были привлечены результаты фокусированных интервью с руководителями и членами общественных советов при региональных органах исполнительной власти (РОИВ) Свердловской области. Всего было проведено 58 интервью, в том числе с разработчиками регионального закона, регулирующего формирование общественных советов при РОИВ.

Результаты исследования

В нормативно-правовой базе, как на федеральном, так и на региональном уровне, наблюдается отчетливая тенденция к усилению роли и влияния таких совещательно-консультативных органов, как Общественные палаты (как Общественная палата РФ, так и региональные Общественные палаты) на формирование общественных советов.

На федеральном уровне это выражалось в изменениях, вносимых в статью 20 закона «Об Общественной палате Российской Федерации». В первоначальной редакции этого закона Совет Общественной палаты получил право обращаться к руководителю федерального органа исполнительной власти с предложением создать общественный совет при данном органе (Об Общественной палате ..., 2005, первоначальная ред.: п. 1, ст. 20). Согласно последней редакции федерального закона Общественная палата «в соответствии с законодательством Российской Федерации принимает участие в формировании общественных советов при федеральных органах исполнительной власти» (Об Общественной палате ..., с изменениями и дополнениями, 2005: п. 1, ст. 20).

Конкретизация того, как именно Общественная палата РФ «принимает участие» в формировании общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (ФОИВ), была осуществлена нормативно-правовым актом значительно более низкого уровня. Это был Стандарт деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти (Типовое положение).

Согласно первому варианту Стандарта 2014 г., половина членов общественного совета при ФОИВ должна была выдвигаться некоммерческими организациями, входящими в перечень, предварительно определенный Общественной палатой РФ с учетом мнения федерального органа исполнительной власти. Одну шестую часть состава Общественная палата РФ формировала самостоятельно, еще одну шестую должен был рекомендовать Экспертный совет при Правительстве Российской Федерации, а оставшаяся одна шестая складывалась по итогам открытого голосования с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (Стандарт деятельности ..., 2014).

Видимо, данная процедура была сочтена излишне громоздкой (и требующей согласования интересов слишком многочисленных акторов), потому что в 2015 г. был принят второй вариант Стандарта, в котором Общественная палата РФ существенно усилила свои позиции: она получила право выдвигать уже три четверти кандидатур в общественный совет при ФОИВ. Оставшуюся четверть выдвигал Экспертный совет при Правительстве (Стандарт деятельности ...,

2015). От проведения открытого голосования через Интернет было решено отказаться. Руководитель ФОИВ практически утратил влияние на формирование общественного совета: он просто утверждал предлагаемый ему список. Сам проект Положения об общественном совете, а также требования к его членам, определяемые спецификой работы органа власти, также должны быть обязательно согласованы с Общественной палатой РФ.

Руководство Общественной палаты предпринимало попытки закрепить свои полномочия на уровне федерального закона. Так, Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» планировалось дополнить нормой о том, что Общественная палата РФ как организатор конкурса по отбору кандидатов в общественные советы при ведомствах проводит его совместно с Правительством РФ, а окончательный состав общественных советов утверждается совместно Общественной палатой РФ и Экспертным советом при Правительстве (Иванов, 2015).

С 2016 года по инициативе Общественной палаты РФ началась «перезагрузка» ряда общественных советов при федеральных органах исполнительной власти в соответствии с требованиями Стандарта. Однако руководству Общественной палаты так и не удалось придать Стандарту обязательную юридическую силу. Как утвержденный протоколом Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства¹, он имел рекомендательный характер. Характерно, что «перезагрузка» (формирование в соответствии с требованиями Стандарта) охватила около двух третей общественных советов при ФОИВ.

С ликвидацией Правительственной комиссии в июне 2018 года (Постановление ..., 2018), Совет Общественной палаты утвердил третий вариант Стандарта (Стандарт деятельности ..., 2018), мало отличающийся от предыдущего, и также сохраняющий рекомендательный характер.

Если Общественная палата РФ не сумела законодательно закрепить свое право на формирование общественных советов, региональным общественным палатам это в значительной мере удалось. После принятия в 2016 году федерального закона № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» они официально получили право осуществлять общественный контроль за деятельностью органов исполнительной власти (Об общих принципах ..., 2016: ст. 11, п. 7.1). Данное положение федерального закона было использовано для повышения роли региональных общественных палат в формировании общественных советов.

Так, в Свердловской области был принят закон «Об общественном контроле в Свердловской области» (Об общественном контроле ..., 2016), в соответствии с которым региональная Общественная палата получила полномочия назначать половину от общего числа членов любого общественного совета (еще четверть состава совета предлагает руководитель органа власти, а четверть формируется на конкурсной основе). Был создан специальный институт «экспертов

---

¹ Комиссия занималась организацией и оценкой результатов общественной экспертизы нормативно-правовых актов правительства и госорганов. Также она рассматривала предложения, направленные на повышение уровня открытости работы госорганов, улучшение системы общественных советов и осуществление общественного контроля.

Общественной палаты», из числа которых, наряду с членами Общественной палаты, и стала формироваться ее квота в общественных советах. Началась «перезагрузка», и на 01 апреля 2018 года доля представителей региональной Общественной палаты составила 30,1% от общего числа членов общественных советов.

Таким образом, развитие нормативно-правовой базы на региональном уровне привело к тому, что контроль за процессом формирования общественных советов был распределен между органом исполнительной власти и региональной Общественной палатой.

При этом разработчики закона, представлявшие Общественную палату, были не слишком удовлетворены полученным результатом. Об этом в ходе фокусированного интервью рассказал один из разработчиков:

«Чисто в процентном соотношении, получается, что пятьдесят процентов, как минимум, состава совета контролирует исполнительный орган... Хотя формально по законодательству исполнительный орган контролирует двадцать пять процентов. Но поскольку он формирует комиссию, которая забирает еще двадцать пять процентов... Ну, не будем такими уж наивными, понятно, что он сформирует такую комиссию, которая отберет тех кандидатов, которые будут заведомо лояльны к органу исполнительной власти. Вот получается пятьдесят! Ну, если еще и какие-то контакты, личные симпатии используются там дополнительно, то и больше пятидесяти будет процентов».

Характерно, что при этом отмечалась (в негативном контексте) роль неформальных связей представителей общественности и экспертов с сотрудниками органов власти.

Общие выводы

Таким образом, задача обеспечения самостоятельности общественных советов при исполнительных органах власти в отечественной административной традиции была решена путем возложения значительной части ответственности за формирование общественных советов на такой совещательно-консультативный орган, как Общественные палаты. Общественные палаты, в свою очередь, позиционировались как институт, представляющий гражданское общество на федеральном и региональном уровне.

Если на федеральном уровне влияние Общественной палаты РФ на формирование общественных советов при ФОИВ было закреплено подзаконными актами сравнительно невысокого уровня (стандарты, регулирующие процессы формирования, утверждались сначала Правительственной комиссией по координации деятельности открытого правительства, а после ее роспуска – Советом Общественной палаты РФ), то на региональном уровне, как показывает пример Свердловской области, это влияние могло быть закреплено законодательно.

Безусловно, последний вывод нуждается в уточнении. Даже в пределах Уральского федерального округа возможности региональных общественных палат по влиянию на формирование общественных советов существенно раз-

личаются. Поэтому необходимо дальнейшее изучение регионального законодательства с целью выявить общие тенденции.

Список литературы

1. Бек, У. (2000). *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.
2. Дьякова, Е.Г. (2019). «Честная сбалансированность» или самостоятельность: проблематизация дискурса совещательно-консультативных органов в отечественной и американской административных традициях. *Вестник Томского государственного университета*, 438, 97–107.
3. Дьякова, Е.Г., Трахтенберг, А.Д. (2019). Общественные советы при органах исполнительной власти: эксперты, контролеры или мирские челобитчики? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6, 181–210.
4. Иванов, М. (2015). Общественная палата проконтролирует ведомства вместе с Правительством. *Коммерсантъ*, 131(6611), 3.
5. Носкова, М.В. (2016). Об актуальных вопросах деятельности общественных советов в Российской Федерации. *Вопросы управления*, 4(41), 39–44.
6. Нужнова, С.Л. (2015). Развитие гражданского общества посредством становления и функционирования института общественных советов при государственных органах. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*, 1, 115–121.
7. О народном контроле в СССР: закон СССР от 30 ноября 1979 г. с изм. и доп., внесенными Указом Президиума Верховного Совета СССР от 01 апреля 1987 г. (без даты). *Ведомости Верховного совета СССР*, 14, 180.
8. О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 21 июня 2018 г. № 713. (без даты). Взято с <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201806220026?index=1&rangeSize=1>
9. Об Общественной палате Российской Федерации: федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ, первоначальная редакция. (2005, 7 апреля). Взято с <http://www.rg.ru/2005/04/07/obshestv-palata-dok.html>
10. Об Общественной палате Российской Федерации: федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (с изменениями и дополнениями). (без даты). Взято с <http://base.garant.ru/12139493/>
11. Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года № 151-ОЗ. (без даты). Взято с <http://docs.cntd.ru/document/429088309/>
12. Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ. (2016, 28 июня). Взято с: <https://rg.ru/2016/06/28/palata-dok.html>
13. Стандарт деятельности общественного совета при федеральном

органе исполнительной власти (Типовое положение) (утв. решением совета Общественной палаты РФ от 05 июля 2018 года № 55-С). Взято с http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307885/

14. Стандарт деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (Типовое положение) (одобрен Протоколом № 3 Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 24 июня 2015 года). (без даты). Взято с http://mert.tatarstan.ru/file/File/alsu_mert/Стандарт_деятельности.pdf

15. Стандарт деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (Типовое положение) (утв. протоколом заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 29 мая 2014 г. № 4). (без даты). Гарант. Взято с <http://base.garant.ru/70827278/>

16. Сунгуров, А.Ю. (2018). Экспертное сообщество и власть: модели взаимодействия и проблемы гражданской ответственности. *Полис*, 4, 130–142. doi: 10.17976/jpps/2018.04.10

17. Сунгуров, А.Ю., Карягин, М.Е. (2017). Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия. *Полис*, 3, 144–159. doi: 10.17976/jpps/2017.03.10

18. Щербина, М.В. (2015). Общественные советы при органах исполнительной власти: социальная экспертиза и контроль. *Власть*, 3, 129–133.

19. Bressers, D., van Twist, M., van der Steen, V., & Schulz, J. (2018). The Contested Autonomy of Policy Advisory Bodies: The Trade-off Between Autonomy and Control of Policy Advisory Bodies in the Netherlands, the United Kingdom, and Sweden. In *The Palgrave Handbook of Public Administration and Management in Europe* (pp. 1189–1211). L.: Palgrave Macmillan UK. doi: 10.1057/978-1-137-55269-3

20. Dunn, W.N. (1980). The two-communities metaphor and models of knowledge use. *Knowledge: Creation, Diffusion, Utilization*, 1 (4), 515–536.

21. Eisenhardt, K.M. (1989). Agency theory: An assessment and review. *Academy of Management and Review*, 1(14), 57–74.

22. Fobe, E., Brans, M., Vancoppenolle, D., & van Damme, J. (2013). Institutionalized Advisory Systems: An Analysis of Member Satisfaction of Advice Production and Use Across 9 Strategic Advisory Councils in Flanders (Belgium). *Policy and Society*, 32(3), 225–240. doi: 10.1016/j.polsoc.2013.07.004

23. Halligan, J. (1995). Policy advice and the public sector. In *Governance in a changing environment* (pp. 138–172). Montreal: McGill-Queen's University Press.

24. OECD Public Governance Reviews (2017). *Policy Advisory Systems: Supporting Good Governance and Sound Public Decision Making*. Paris: OECD Publishing. doi: 10.1787/9789264283664-en

25. OECD (2017). *Special feature: Policy advisory systems at arm's length from government in Government at a Glance*. Paris, OECD Publishing. doi: 10.1787/gov_glance-2017-37-en

26. Owen, C. (2014). «Obshchestvennyi Kontrol» (Public Scrutiny) from Discourse to Action in Contemporary Russia: The Emergence of Authoritarian

Neoliberal Governance. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy in Politics. – University of Exeter.

27. Petrov, N., Lipman, M., & Hale, H. (2010). Over-managed Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes. *Carnegie Papers, Russia and Eurasia Program*, 106.

28. Rittel, H., & Webber, M. (1973). Dilemmas in a General Theory of Planning. *Policy Sciences*, 4(2), 155–169.

29. Sundquist, J.L. (1978). Research brokerage: The weak link. In *Knowledge and policy: The uncertain connection* (pp. 126–145). Washington, DC: National Academy of Sciences.

References

1. Bek, U. (2000). *Obschestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. M.: Progress-Tradiciya.

2. Bressers, D., van Twist, M., van der Steen, V., & Schulz, J. (2018). The Contested Autonomy of Policy Advisory Bodies: The Trade-off Between Autonomy and Control of Policy Advisory Bodies in the Netherlands, the United Kingdom, and Sweden. In *The Palgrave Handbook of Public Administration and Management in Europe* (pp. 1189–1211). L.: Palgrave Macmillan UK. doi: 10.1057/978-1-137-55269-3

3. Dunn, W.N. (1980). The two-communities metaphor and models of knowledge use. *Knowledge: Creation, Diffusion, Utilization*, 1(4), 515–536.

4. D'yakova, E.G. (2019). «Chestnaya sbalansirovannost'» ili samostoyatel'nost': problematizaciya diskursa soveschatel'no-konsul'tativnyh organov v otechestvennoi i amerikanskoj administrativnyh tradiciyah [“Fair balance” or independence: problematization of the discourse on advisory bodies in the Russian and American administrative traditions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 438, 97–107.

5. D'yakova, E.G., & Trahtenberg, A.D. (2019). Obshhestvennye sovery pri organax ispolnitel'noj vlasti: e'ksperty, kontrolery ili mirskie chelobitchiki? [Public councils under executive bodies: experts, supervisors, or mundane petitioners?]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 6, 180–210.

6. Eisenhardt, K.M. (1989). Agency theory: An assessment and review. *Academy of Management and Review*, 1(14), 57–74.

7. Fobe, E., Brans, M., Vancoppenolle, D., & van Damme, J. (2013). Institutionalized Advisory Systems: An Analysis of Member Satisfaction of Advice Production and Use Across 9 Strategic Advisory Councils in Flanders (Belgium). *Policy and Society*, 32(3), 225–240. doi: 10.1016/j.polsoc.2013.07.004

8. Halligan, J. (1995). Policy advice and the public sector. In *Governance in a changing environment* (pp. 138–172). Montreal: McGill-Queen's University Press.

9. Ivanov, M. (2015). Obschestvennaya palata prokontroliruet vedomstva vmeste s Pravitel'stvom [The Public Chamber will control the departments together with the Government]. *Kommersant*, 131(6611), 3.

10. Noskova, M.V. (2016). Ob aktual'nyh voprosah deyatel'nosti obschestvennyh sovetov v Rossiiskoi Federacii [On topical issues of public councils activity in the Russian Federation]. *Voprosy upravleniya*, 4(41), 39–44.

11. Nujnova, S.L. (2015). Razvitie grajdanskogo obschestva posredstvom stanovleniya i funkcionirovaniya instituta obschestvennyh sovetov pri gosudarstvennyh organah [Development of civil society through the formation and functioning of the institution of public councils under state bodies]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, 1, 115–121.

12. O narodnom kontrole v SSSR: zakon SSSR ot 30 noyabrya 1979 g. s izm. i dop., vnesennymi Ukazom Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR ot 01 aprelya 1987 g. [On the people's control in the USSR: USSR law of November 30, 1979 as amended and supplemented by Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 1, 1987]. (n.d.). *Vedomosti Verhovnogo soveta SSSR*, 14, 180.

13. O priznanii utrativshimi silu nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossiiskoi Federacii: postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federacii ot 21 iyunya 2018 g. № 713 [About invalidation of for some acts of the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of June 21, 2018, No 713]. (n.d.). Retrieved from <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201806220026?index=1&rangeSize=1>

14. Ob Obschestvennoi palate Rossiiskoi Federacii: federal'nyi zakon ot 4 aprelya 2005 g. № 32-FZ, pervonachal'naya redakciya [On the Public Chamber of the Russian Federation: Federal Law of April 4, 2005 No. 32-ФЗ, the original version]. (2005, April 7). Retrieved from <http://www.rg.ru/2005/04/07/obshestv-palata-dok.html>

15. Ob Obschestvennoi palate Rossiiskoi Federacii: federal'nyi zakon ot 4 aprelya 2005 g. № 32-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami) [On the Public Chamber of the Russian Federation: Federal Law of April 4, 2005 No. 32-FZ (as amended)]. (n.d.). Retrieved from: <http://base.garant.ru/12139493/>

16. Ob obschestvennom kontrole v Sverdlovskoi oblasti: zakon Sverdlovskoi oblasti ot 19 dekabrya 2016 goda № 151-OZ [On public control in the Sverdlovsk region: the law of the Sverdlovsk region dated December 19, 2016 No. 151-OZ]. (n.d.). Retrieved from <http://docs.cntd.ru/document/429088309>

17. Ob obschih principah organizacii i deyatel'nosti obschestvennyh palat sub`ektov Rossiiskoi Federacii: federal'nyi zakon ot 23 iyunya 2016 g. № 183-FZ [On the general principles of the organization and activities of public chambers of the constituent entities of the Russian Federation: Federal Law of June 23, 2016 No. 183-FZ]. (2016, June 28). Retrieved from <https://rg.ru/2016/06/28/palata-dok.html>

18. OECD Public Governance Reviews (2017). *Policy Advisory Systems: Supporting Good Governance and Sound Public Decision Making*. Paris: OECD Publishing. doi: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264283664-en>

19. OECD (2017). *Special feature: Policy advisory systems at arm's length from government in Government at a Glance*. Paris, OECD Publishing. doi: 10.1787/gov_glance-2017-37-en

20. Owen, C. (2014). «Obshchestvennyi Kontrol» (Public Scrutiny) from Discourse to Action in Contemporary Russia: The Emergence of Authoritarian

Neoliberal Governance. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy in Politics. – University of Exeter.

21. Petrov, N., Lipman, M., & Hale, H. (2010). Over-managed Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes. *Carnegie Papers, Russia and Eurasia Program*, 106.

22. Rittel, H., & Webber, M. (1973). Dilemmas in a General Theory of Planning. *Policy Sciences*, 4(2), 155–169.

23. Scherbina, M. V. (2015). Obschestvennye sovety pri organah ispolnitel'noi vlasti: social'naya ekspertiza i kontrol' [Public councils under executive bodies: social expertise and control]. *Vlast'*, 3, 129–133.

24. *Standart deyatel'nosti obschestvennogo soveta pri federal'nom organe ispolnitel'noi vlasti (Tipovoe polojenie) (utv. resheniem soveta Obschestvennoi palaty RF ot 05 iyulya 2018 goda № 55-S)* [The standard of activity of the public council under the federal executive body (Model Provision) (approved by the decision of the Council of the Public Chamber of the Russian Federation of July 5, 2018 No. 55-C)]. (n.d.). Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307885/

25. *Standart deyatel'nosti obschestvennykh sovetov pri federal'nykh organah ispolnitel'noi vlasti (Tipovoe polojenie) (odobreno Protokolom № 3 Pravitel'stvennoi komissii po koordinacii deyatel'nosti otkrytogo pravitel'stva ot 24 iyunya 2015 goda)* [The standard of activity of public councils under federal executive authorities (Model Provision) (approved by Protocol No. 3 of the Government Commission for the Coordination of Open Government Activities of June 24, 2015)]. (n.d.). Retrieved from http://mert.tatarstan.ru/file/File/alsu_mert/Стандарт_деятельности.pdf

26. *Standart deyatel'nosti obschestvennykh sovetov pri federal'nykh organah ispolnitel'noi vlasti (Tipovoe polojenie) (utv. protokolom zasedaniya Pravitel'stvennoi komissii po koordinacii deyatel'nosti otkrytogo pravitel'stva ot 29 maya 2014 g. № 4)* [The standard of activity of public councils under federal executive authorities (Model Provision) (approved by Protocol No. 4 of the Government Commission for the Coordination of Open Government Activities of May 29, 2014)]. (n.d.). Retrieved from <http://base.garant.ru/70827278/>

27. Sundquist, J.L. (1978). Research brokerage: The weak link. In: *Knowledge and policy: The uncertain connection* (pp. 126–145). Washington, DC: National Academy of Sciences.

28. Sungurov, A.Yu. (2018). Ekspertnoe soobshchestvo i vlast': modeli vzaimodeistviya i problemy grajdanskoi otvetstvennosti [Expert community and power: interaction models and issues of civil liability]. *Polis*, 4, 130–142. doi: 10.17976/jpps/2018.04.10

29. Sungurov, A.Yu., & Karyagin, M.E. (2017). Rossiiskoe ekspertnoe soobshchestvo i vlast': osnovnye formy vzaimodeistviya [Russian expert community and authorities: the main forms of interaction]. *Polis*, 3, 144–159. doi: 10.17976/jpps/2017.03.10

ВЕРБАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ

Копоть Лилия Владимировна,

Адыгейский государственный университет,
филологический факультет, кафедра русского языка,
кандидат филологических наук, доцент,
Майкоп, Россия,
ORCID: 0000-0002-2501-4762,
E-mail: kopot79@mail.ru

Для цитирования: Копоть Л. В. Вербальные формы трансляции гендерной асимметрии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 134-142. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10309

Аннотация

Цель статьи заключается в изучении особенностей вербализации гендерной асимметрии и гендерных стереотипов в русской лингвокультуре. Выявлены тематические блоки, в которых реципиенты определяют свою гендерную идентичность, моделируют нравственное, ценностно-ориентированное состояние через вербально транслируемые: 1) «ценности»; 2) «оценку»; 3) «чувства»; 5) «интересы». Описаны грамматические формы мужского рода существительных, прилагательных, глаголов, указывающие на агендерность индивидов, не укладывающуюся в «прокрустово ложе» общепринятых норм существования биологического и социального пола. Рассмотрены европейские концепции квир-идентичности Элизабет Гросс, Терезы де Лауретис, Ив Кософски Сэджвик, приобретающие особую актуальность в связи с деконструкцией гендера и, как следствие, массовым узакониванием однополых браков во многих странах Европы и отдельных штатах США. Отмечены характеристики собирательного образа атипичной женской языковой личности, реализованные при помощи доминирующих эмотивных средств на уровне лексики и синтаксиса. Делаются выводы о том, что в целом речевой портрет героинь соответствует типичным гендерным представлениям о женщинах, он эмоционально окрашен благодаря разговорной, жаргонной лексике, наличию конструкций, среди которых: единицы, подвергшиеся усечению; оценочная негативная лексика; аббревиатуры; иноязычная лексика; новообразования. На синтаксическом уровне проанализированные приемы экспрессивного синтаксиса, некатегоричность речи, несмотря на заявленный ранее агендер, придают речи «женскость», эмоциональность, хаотичность мышления. Отмечена причастность к субкультуре чайлдфри, что в целом отличает представи-

телей субкультуры от индивидов традиционного фемининного типа, как правило, желающих оставить после себя потомство.

Согласно наблюдениям, у большинства мужчин андрогинов нечеткие вербальные границы гендерной идентичности, что свидетельствует, во-первых, об отсутствии точного терминологического аппарата для людей с гендерной асимметрией; во-вторых, информирует о нечетких представлениях собственной гендерной идентичности; в-третьих, позволяет идентифицировать сексуальные роли партнеров в отношениях. Научная новизна исследования заключается в вербальном анализе данных сайтов знакомств, а также блогов, интервью известных людей, открыто позиционирующих себя как представителей с нетипичной гендерной идентификацией личности.

Ключевые слова:

квир-лингвистика, квир-идентичность, маскулинность/фемининность, гендер, гендерная асимметрия, гендерные стереотипы.

UDC 81'1

DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10309

VERBAL FORMS OF THE TRANSMISSION OF GENDER ASYMMETRY

Kopot Liliya Vladimirovna,

Adyghe State University,
Philological Faculty, Russian Language Department,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Maikop, Russia,
ORCID: 0000-0002-2501-4762,
E-mail: kopot79@mail.ru

To cite this article: Kopot, L.V. (2019). Verbal'nye formy translyacii gendernoj asimmetrii (na primere Sverdlovskoj oblasti) [Verbal Forms of the Transmission of Gender Asymmetry]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(36), 134-142. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10309

Abstract

The aim of the present research is to study features of verbalization of gender asymmetry and gender stereotypes in the Russian culture of language. Data of lesbian dating sites, as well as blogs, an interview of the famous people who are openly positioning themselves as representatives with atypical gender identification of the personality, serving as a material of this research, are analyzed.

Thematic blocks are revealed, in which recipients define the gender identity and simulate a moral and value-oriented state through verbally transmitted (1) "values";

(2) “assessment”; (3) “feelings”; and (4) “interests”. The article describes the grammatical forms of a masculine gender of nouns, adjectives and verbs pointing to neutral gender of individuals, which is not keeping within “Procrustean bed” of the standard norms of existence of a biological and social gender. The publication examines the European queer identity concepts of Elisabeth Grosz, Teresa de Lauretis and Eve Kosofsky Sedgwick acquiring special relevance in connection with gender deconstruction and, as a result, mass legitimation of same-sex marriages in many countries of Europe and separate states of the USA. The characteristics of a generalized image of the atypical female language personality implemented with the help of the dominating lexical and syntactic means of the emotivity expression are noted. The conclusion can be drawn that in general the speech portrait of heroines meets typical gender expectations of women, it is emotionally charged thanks to colloquial, slangy lexicon, existence of constructions among which are units which underwent truncation; estimated negative lexicon; abbreviations; foreign-language lexicon; and neologisms. At the syntactic level the analyzed means of expressional syntax, nonjudgmental speech, despite stated earlier gender-neutral, give to the speech “womanlike nature”, emotionality and randomness of thinking. Involvement in child-free subculture is noted that in general distinguishes representatives of lesbian culture from individuals of traditional feminine type, as a rule, of persons interested to leave posterity behind.

According to observations, most of men androgynes have indistinct verbal limits of gender identity that demonstrates, first, lack of an exact term framework for people with gender asymmetry; secondly, informs on indistinct representations of own gender identity; and thirdly, allows identification of sexual roles of partners in the relationships

Keywords:

queer-linguistics, queer-identity, masculinity/femininity, gender, gender asymmetry, gender stereotypes.

Введение

Квир-лингвистика, как отрасль гендерной лингвистики, впервые возникла в Европе и связана она, прежде всего, с концепциями квир-идентичности Элизабет Гросс, Терезы де Лауретис, Ив Кософски Сэдживик.

Актуальное звучание данные концепции в русле исследования приобретают в связи с деконструкцией гендера, принятием однополых браков на законодательном уровне (Дания, Голландия, Бельгия, Великобритания, Франция, Америка и др.), что связано в современном обществе с феноменом гомосексуальности и транссексуальности.

Степень разработанности проблемы

Термин *квир* «странный, иной» принадлежит Терезе де Лауретис, которая первой ввела данную дефиницию в научное обозрение применимо к женской гомосексуальности. Далее термин стал использоваться для всех иных гендерных ролей, не укладывающихся в «прокрустово ложе» традиционной бинар-

ной гендерной оппозиции (Жеребкина, 2001). Имена Терезы де Лауретис и Ив Кософски Сэдживк связывают с концепцией женской и мужской гомосексуальности, которую во многом продолжает современный феминистский философ Элизабет Гросс, дополнившая данную концепцию идеей об «экспериментальном желании» индивида.

Согласно точке зрения де Лауретис, лесбийская субъективность является разновидностью квир-субъективности, исходя из этого автор подвергает критике сущностные учения о лесбийской сексуальности и вводит множественный критерий, тем самым уйдя от традиционных концепций. Это, по ее мнению, способствует преодолению границ традиционных социосексуальных идентичностей, разделяющих общество, тела и дискурсы (Жеребкина, 2001).

Ив Кософски Сэдживк (1990), выдвигая свою концепцию квир-идентичности, стремится узаконить гомосексуальные дискурсы в культуре, стремясь обозначить лесбийский дискурс как нормативный, не являющийся чем-то девиантным. Сэдживк, узаконивая гомосексуальный дискурс в культуре, в то же время считает, что он не существует независимо от гетеросексуальных типов дискурса (с. 86). По ее мнению, это дает возможность любому, независимо от сексуальной идентичности, присоединиться к квир-субъективности.

Теория квир-субъективности Элизабет Гросс (1995) заключается в понимании квир как атипичной, трансгрессивной сексуальности (с. 207–227), возникающей в процессе осмысления различных практик как гетеросексуальной, так и гомосексуальной структуры субъективности. В ее основе – конструкция «экспериментального желания», позволяющая не следовать любым застывшим идентификационным моделям: гетеросексуальным или гомосексуальным. Именно поэтому благодаря этой концепции появляется необходимость избежать традиционных бинарных гендерных оппозиций мужского и женского.

В отечественном языкознании в начале XXI века появляются научные работы (Кон И. С., 1998; Жеребкина И. А., 2001; Горошко Е. И., 2004), поднимающие проблему нетипичной гендерной идентификации. Показательно, что терминологический аппарат по данной проблеме, по сути, отсутствует в российской науке, а тот, который существует, априори выстраивает систему дефиниций относительно «нормативного», гетеросексуального дискурса, и соответственно определяет гендерную принадлежность в пространстве все той же дихотомии маскулинность/фемининность (Горошко, 2004, с. 246; Першай, с. 1).

Особенностями речевого поведения индивидов с нетипичной идентичностью в Европе занимались Cameron и Kulick (1999, 2002, 2003). В отечественной лингвистике большая заслуга в этом направлении принадлежит профессору Е. И. Горошко (2004), которая провела большое количество лонгитюдных экспериментов, позволивших расширить представления исследователей о «функционалировании образов сознания в гомогенной интракультурной среде» (с. 248).

Цель исследования – изучение особенностей вербализации гендерной асимметрии и гендерных стереотипов в русской лингвокультуре.

Методология исследования

В ходе работы применялся сравнительный анализ исследований по проблеме, систематизация, а также статистический метод обработки результатов.

Результаты исследования

В качестве объекта исследования рассматривались многочисленные нетипичные объявления сайта знакомств, интервью, блоги хорошо известных, публичных людей (Кирилл Садовый, Стас Федянин, травести-дива Монро и др.), позиционирующих себя открыто как представителей с нетипичной гендерной идентификацией личности.

Гендерная специфика записей проявляется в следующих характеристиках изображения частной, повседневной жизни: прогулки, беседы, приятное времяпрепровождение, отношения, разделение увлечений: *«люблю долго гулять, интересуюсь музыкой, психологией»; «люблю поболтать за жизнь, обсудить всякое: от восстания искусственного интеллекта до карт таро и маятников. Читаю в основном популярную психологию...»; «хотелось бы (вдруг повезёт?) найти кого-то для лёгких романтических встреч»; «умею готовить, создавать уют, вести беседу»* (Би-сообщество).

Собирательный образ атипичной женской языковой личности может быть представлен в виде эмоциональности, реализованной при помощи доминирующих эмотивных средств как на уровне лексики, так и на уровне синтаксиса. На уровне лексики авторы нередко обращаются в текстах объявлений к оценочной лексике, экспрессивно окрашенной: *«желаю встретить ту самую»; «найду общий язык с такой же воздушной натурой»; «ищу я нечто странное», «желание найти кого-то, кто со временем станет мне весьма близким и родным»* (Би-сообщество).

Речевой портрет героинь в целом соответствует типичным гендерным представлениям о женщинах, он эмоционально окрашен благодаря разговорной, жаргонной лексике, языковая личность вполне соответствует времени. Найдено много разговорных конструкций, среди которых: 1) единицы, подвергшиеся усечению: *спец* (специалист), *интерсек* (интерсексуалка), *личка* (личная почта); 2) жаргонизмы: *движуха*, *обнимашки*; 3) оценочная негативная лексика: *сраное мнение*; *хз*; *статусы стебные*; *чертовы дни*; 4) аббревиатуры: *хз*; *бомж*; 5) иноязычная лексика: *плиз*, *сорри*, *фейк*, *взлом*; 6) новообразования: *снежиночное настроение*, *не надо снежиночности*, *фейковый*.

На синтаксическом уровне авторы объявлений используют приемы экспрессивного синтаксиса, тем самым, несмотря на заявленный ранее агендер, придавая речи «женскость», эмоциональность, хаотичность мышления.

1) Риторические восклицания: *«Ищу нечто странное!»*

2) Риторические вопросы: *«Устроим друг другу праздник? Почему бы и нет? К чему эти условности?»*

3) Парцелляция: *«Устроим друг другу праздник? Такой, чтоб запомнился надолго; 33 года пребываю в поиске. Именно Той. Уже подустала».*

4) Предложения с вставными конструкциями: *«...когда другие так говорят (вербальность наше все), прикосновения, творческих людей (особенно которые играют и/или поют)».*

5) Неполные предложения: *«Вспомнила и решила написать. Пароль все же вспомнила. Думала, что уже забыла».*

6) Можно отметить некатегоричность речи, проявляющуюся в преобладании модальных конструкций, выражающих различную степень предположительности, неопределенности: *«Это будет странная анкета, наверно. Характер у меня*

не сахар, конечно. Едем пить, танцевать, возможно, флиртовать и отдыхать от этих чертовых рабочих дней».

Исследуя речь авторов писем, выделяем следующие текстовые лексико-тематические группы, позволяющие гендерно «выстроить» нравственное, ценностно-ориентированное состояние героинь.

1) «Ценности»: *«ищу свободных отношений; мечтаю о романтических встречах».*

2) «Оценка»: *«мой рост 180 см, фигура plus-size модели. Любители стройности могут закрыть мою анкетку и проследовать далее. Характер у меня не сахар, конечно. Мне важен человек, посему смотрю только на содержимое. Но опрятность, чувство стиля и аккуратность тоже как плюсики к многогранному портрету собеседника. Ежели такое разнообразно ориентированное тепло, как я, вас заинтересовало, то...»*

Очевидно, что при помощи слов этой группы происходит оценка восприятия окружающего мира авторами, в основе которой – сознательно и интуитивно выделяемые качества.

3) «Чувства»: *«люблю поговорить, секс, гулять под луной, не люблю тащить слова клещами; импульсивная, живу эмоциями, впечатлениями, чахну в рутине, мечтаю о заоблачных далях».*

4) «Интересы»: *«снимаю на пленку людей; разбираюсь в искусстве; насилую гитару по ночам; умею немного говорить по-японски».*

Показательно, что далеко не все участницы соотносят себя с индивидом, выполняющим традиционную гендерную женскую роль. Достаточно часто там можно встретить нетипичную гендерную идентификацию, представленную вербально в форме мужского рода, что противоречит выводам Д. Кулика (1996), который пишет, что женский гендер фиксирован: «Женщины-трансвеститы (и среди них даже самые грубые, мужеподобные лесбиянки) никогда о себе в мужском роде не говорят (Горошко, 2004, с. 246). Иллюстрацией наших наблюдений являются слова Е. Сараевой (2014) о том, что в лесбийской субкультуре похожие инверсии встречаются относительно реже, но все-таки бывают (с. 260). Нами найдены следующие вербальные примеры, через формы мужского рода (глаголов, прилагательных, существительных, местоимений, числительных) свидетельствующие о соотношении себя с андрогинным типом.

1. Демонстрация гендерной асимметрии при помощи глаголов: «Я давно не *знакомился* таким образом»; «Что ж, никогда *не умел* одеть в лирику и брачные объявления»; «По происхождению наполовину *германец*, на вторую – *еврей*, родился в Гамбурге, биологически всё плохо, но гендер мужской; назовёшь в ж. р. – получишь в глаз, пою в пяти с половиной октавах, баритон, очень *злойный и придирчивый* в музыке» (Би-сообщество).

2. Посредством прилагательных в речевой практике данных объявлений воссоздана сексуальность индивида: «*Фэндомный, увлекающийся, творческий*»; «Я достаточно *честен* по отношению к себе и знаю, насколько *непривлекательным* являюсь»; «*Склонен* к перемене мест (даже автостопом *катался* в одно время)» (Би-сообщество).

3. В качестве грамматической идентификации гендера выступают числительные: «и готовить на двоих, потому что для себя *одного* неинтересно. Признаться, *один* я и сплю плохо» (Би-сообщество).

4. Отметим, что местоимения гораздо реже используют авторы для реализации понимания не биологического, а социального пола: «*Сам* из города, при этом в ближайшее время уезжать не *намерен*» (Би-сообщество).

5. Гендерная асимметрия авторов, их инаковость проявляется вербально, при этом опора осуществляется на традиционную бинарную оппозицию фемининного/маскулинного типа: «пол *женский*, называть в *мужском* роде»; «Агендер, пол *женский*, называть в *мужском* роде»; «Я *девушка*, 28 лет (выгляжу младше), сапиосексуал, чайлдфри, *переболел* аниме, косплеем, соционикой. *Неизлечим* от «Sherlock BBC». *Умелец* на все руки. Пишу в интернетах от *мужского* рода, но это не константа – могу вести себя иначе. В жизни *женского* рода» (Би-сообщество).

Отметим, что нередко (в 70 из 300 проанализированных анкет) авторы объявлений отмечают свою причастность к субкультуре чайлдфри (от англ. *childfree* – «свободный от детей»). Подобное заявление в целом отличает представителей данной культуры от представительниц традиционного фемининного типа, как правило, желающих оставить после себя потомство.

По нашим наблюдениям у большинства мужчин андрогинов нечеткие вербальные границы гендерной идентичности. Так, глагольные формы мужского и женского перемежаются в речи. Например, в исполнении одного автора в пределах тематически единого текста возможны следующие конструкции: «Когда *приехал* домой, брат Макс жестоко меня избил»; «Я *бедная студентка*, откуда у меня деньги на колготки?»; «Кто я? Еще *не определилась*» (Девочка в теле мальчика).

Отметим, что мужчины андрогины, рассказывая о своем детстве, семье, предпочитают использовать маркированную родовую лексику: «Я *испытал* физическое воздействие со стороны брата и *попал* в больницу»; «Сейчас я *переехал* в центр Москвы, это разная Москва: центр и окраина»; «Я *снял* ролики, за которые мне сегодня стыдно» и т. д. (Девочка в теле мальчика). Это наблюдение созвучно выводам ученого Д. Кулика (1996), который отметил, что «переключение с мужских на женские родовые формы и наоборот зависит и от той социальной роли, которую в данный момент «исполняет» мужчина-травести» (Горошко, 2004, с. 246). При этом, повествуя о сегодняшней жизни, употребляют грамматические формы женского рода: «Сегодня я совершенно *счастлива*, занимаясь собой и любимым делом» (Девочка в теле мальчика).

Однако есть примеры и совершенно органичного исполнения женской роли: во время объемного интервью травести-дива Монро ни разу не употребила форму мужского рода независимо от темы беседы: «*Уверена*, что моя мама хотела другой судьбы своему ребенку»; «в подростковом возрасте я... *познакомилась* с творчеством Ру Пол...» (Истинная женщина в мужском теле).

Заключение

Подобная релевантность, очевидно, свидетельствует, во-первых, об отсутствии точного терминологического аппарата для людей с гендерной асимметрией; во-вторых, информирует о нечетких представлениях собственной гендерной идентичности; в-третьих, позволяет идентифицировать сексуальные роли партнеров в отношениях. Отметим, что вербальные формы трансляции гендерной асимме-

три реализуются в грамматических формах рода русского языка, позволяющих косвенно определить нетипичную гендерную идентичность. Показательно, что ценностно-ориентированное поле представлений женского пола мало чем отличается от эмоциональной сферы представительниц традиционного фемининного типа. Исключением является нежелание продолжать род. Перспективы дальнейших исследований определяются изучением таких проблем, как: 1) уточнения терминологического аппарата; 2) расширения ценностно-смыслового поля реципиентов; 3) языкового выражения гендерной асимметрии и гендерных стереотипов в русской лингвокультуре. Кроме того, полученные нами выводы необходимо подтвердить более развернутым в количественном отношении материалом.

Список литературы

1. *Би-сообщество*. (без даты). Взято 4 марта 2019 с <https://yandex.ru/search/?text=%D0>
2. *Гей-мир, взгляд изнутри*. (без даты). Взято 4 марта 2019 с <http://gaylife.su/viewtopic.php?t=1057>
3. Горощко, Е. И. (2004). Квир-лингвистика: нужна ли она отечественной лингвистической гендерологии? *Культура народов Причерноморья, Межвузовский центр Крыма*, 54(1), 245–252.
4. *Девочка в теле мальчика. Интервью с моделью андрогинном*. (без даты). Взято 4 марта 2019 с <https://luchshee-video.ru/watch/devochka-v-tele-malchika-pr-ma-%22svet%22-intervyu-s-modelyu-androginom>
5. Жеребкина, И. А. (Ред.). (2001). *Введение в гендерные исследования. Часть 1. Учебное пособие*. Харьков: ХЦГИ. Взято 25 июля 2018 с <http://www.nashaucheba.ru>
6. *Истинная женщина в мужском теле: откровения травести-дивы Монро*. (без даты). Взято 4 марта 2019 с <https://clutch.ua/lifestyle/mystory/zhenshhina-v-tele-muzhchiny-otkrovenija-travesti-divy-monro>
7. Першай, А. (без даты). Пространство трансгендера: язык, культура и гегемония пола. *Такава: Такие тексты*, 3. Взято 23 июля 2018 с <http://www.takaya.by>
8. Сараева, Е. (2014). Игра слов: гибкость в нормативных структурах. *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований* (с. 249–266). Санкт-Петербург.
9. Grosz, Elizabeth. (1995). *Experimental Desire: Rethinking Queer Subjectivity, Space, Time, and Perversion: Essays on the Politics of Bodies* (pp. 207–227). New York and London: Routledge.
10. Sedgwick, Eve Kosofsky. (1990). *Epistemology of the Closet* (pp. 67–90). Berkeley, Los Angeles: University of California Press.

References

1. *Bi-soobshhestvo* [Bi-community]. (n.d.). Retrieved March 4, 2019, from <https://yandex.ru/search/?text=%D0>

2. *Devochka v tele mal`chika. Interv`yu s model`yu androginom* [A girl in a boy's body. Interview with model androgynous]. (n.d.). Retrieved March 4, 2019, from <https://luchshee-video.ru/watch/devochka-v-tele-malchika-pr-ma-%22svet%22-intervyu-s-modelyu-androginom>
3. *Gej-mir, vzglyad iznutri* [Gay-world, looking inside]. (n.d.). Retrieved March 4, 2019, from <http://gaylife.su/viewtopic.php?t=1057>
4. Goroshko, E.I. (2004). *Kvir-lingvistika: nuzhna li ona otechestvennoj lingvisticheskoj genderologii?* [Queer linguistics: whether it is domestic-related?]. *Kul`tura narodov Prichernomor`ya, Mezhvuzovskij centr Kry`ma*, 54(1), 245–252.
5. Grosz, Elizabeth. (1995). *Experimental Desire: Rethinking Queer Subjectivity, Space, Time, and Perversion: Essays on the Politics of Bodies* (pp. 207–227). New York and London: Routledge.
6. *Istinnaya zhenshhina v muzhskom tele: otkroveniia travesti-divy` Monro* [A true woman in a man's body. Revelation transvestite diva Monroe]. (n.d.). Retrieved March 4, 2019, from <https://clutch.ua/lifestyle/mystory/zhenshhina-v-tele-muzhchiny-otkrovenija-travesti-divy-monro>
7. Pershaj, A. (n.d.). *Prostranstvo transgenera: yazy`k, kul`tura i gegemoniya pola* [Space transgender: language, culture and the hegemony of the floor]. *Takaya: Takie teksty`*, 3. Retrieved July 23, 2018, from <http://www.takaya.by>
8. Saraeva, E. (2014). *Igra slov: gibkost` v normativny`x strukturax* [Pun: flexibility in regulatory structures]. *Na pereput`e: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovanij* (pp. 249–266). Sankt-Peterburg.
9. Sedgwick, Eve Kosofsky. (1990). *Epistemology of the Closet* (pp. 67–90). Berkeley, Los Angeles: University of California Press.
10. Zherebkina, I.A. (2001). *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Chast` 1. Uchebnoe posobie* [Introduction to gender studies. Part 1. Study Guide]. Xar`kov: XCGI. Retrieved July 25, 2018, from <http://www.nashaucheba.ru>

ИНСТИТУТ РЕФЕРЕНДУМА В РЯДЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аксеков Игорь Владимирович,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Уральский гуманитарный институт,
кафедра политических наук,
соискатель,
Депутат Законодательного Собрания Свердловской области,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: aksekov@zssso.ru

Для цитирования: Аксеков И.В. Институт референдума в ряде стран Восточной Европы и России: сравнительный анализ // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 143–163. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10310

Аннотация

В статье проводится сравнительный анализ института референдума в странах Восточной Европы. Характеризуются формы, особенности структуры и организации референдумного процесса в Словении, Польше, на Украине и в России. Обозначены основные этапы развития института референдума в этих странах. Сравняется их законодательная система. Демонстрируется национальная специфика использования института референдума в политических системах данных стран. Показана роль отдельных политических групп в инициировании и проведении референдумов. Делаются выводы о схожести и различиях института референдума в этих государствах.

Ключевые слова:

квир-лингвистика, квир-идентичность, маскулинность/фемининность, гендер, гендерная асимметрия, гендерные стереотипы.

THE INSTITUTE OF REFERENDUM IN SEVERAL COUNTRIES OF EASTERN EUROPE AND IN RUSSIA: A COMPARATIVE ANALYSIS

Aksenov Igor Vladimirovich,

Ural Federal University,
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
The Ural Humanitarian Institute,
Department of Political Sciences,
Candidate,
Deputy of the Legislative Assembly of Sverdlovsk region,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: aksenov@zssso.ru

To cite this article: Aksenov, I.V. (2019). Institut referendumu v ryade stran Vostochnoj Evropy i Rossii: sravnitel'nyj analiz [The Institute Of Referendum in Several Countries of Eastern Europe and in Russia: A Comparative Analysis]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(36), 143-163. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10310

Abstract

The article provides a comparative analysis of the institution of the referendum in the countries of Eastern Europe. The forms, features of the structure and organization of the referendum process in Slovenia, Poland, Ukraine and Russia are characterized. The main stages of the development of the institute of referendum in these countries are indicated. Their legal system is compared. The national specificity of using the institution of referendum in the political systems of these countries is demonstrated. The role of individual political groups in initiating and holding referendums is shown. Conclusions are drawn about the similarities and differences between the institutions of the referendum in these states.

Ключевые слова:

direct democracy, referendum, Eastern Europe, Slovenia, Poland, Ukraine, Russia.

Введение

Институт референдума как главная форма прямой демократии в странах Восточной Европы (общий термин, объединяющий бывшие социалистические страны Европы и европейские республики СССР) – относительно молодой по-

литический феномен. Его использование в решении политических вопросов этих государств отмечается лишь в последние 30 лет. Хотя и в социалистический период в Конституциях большинства стран Восточной Европы референдум как форма волеизъявления народа был законодательно закреплен, практическая реализация этой формы народной демократии была крайне редка. Процессы трансформации общественных систем стран Восточной Европы вначале 1990-х гг. резко усилили роль института референдума. С этого времени он превратился в важный политический инструмент. Сегодня во всех странах Восточной Европы различные формы института референдума проводятся на национальном, региональном и локальных уровнях. Так, в Чехии, Эстонии в период 1990–2015 гг. был проведен лишь один национальный референдум (по вступлению в ЕС 2003 г.), в России и на Украине – 3, в Болгарии – 4, Польше и Румынии – 7, в Венгрии – 8, Литве – 21 и Словении – 28 (Merkel & Ritzi, 2017, p. 17). По данному показателю страны Восточной Европы не уступают на сегодняшний день большинству государств Западной. Еще выше количество референдумов, проводимых на региональном и локальном уровнях. В Польше с 1999 по 2010 гг. было проведено 366 локальных референдумов (Kulesza, 2017 p. 114). В России по данным ЦИК с 2003 г. осуществлено более 4600 референдумов на уровне муниципалитетов (Центральная избирательная комиссия РФ, 2019).

Несмотря на некоторую общность своего новейшего политического развития, институт референдума в странах Восточной Европы различен. Это относится, прежде всего, к применяемым в государствах формам референдума, его процессуальным особенностям (начиная от акторов инициирования, сроков сбора подписей, квот участия и заканчивая утверждением результатов референдума), роли парламента и президента. Также важно отметить, что процессы формирования института референдума в этих странах не закончены. В них наблюдается постоянная динамика его изменений, модификации. Особенно интересным представляется опыт развития института референдума, его современная структура и специфика в Словении, Польше и на Украине. Словения занимает одно из первых мест в мире по показателям развития прямой демократии. Ее называют «политической Швейцарией» Восточной Европы. По количеству и видам проводимых народных голосований ей нет равных среди постсоциалистических государств. В Словении доминирует «оппозиционный» тип референдума. Также и Польша отмечается высоким уровнем развития прямой демократии. По индексу развития непосредственно демократических структур она занимала среди государств ОЭСР 6 место (Kulesza, 2017, p. 116). Однако блокирующая роль польского парламента не позволяет реализовать многие инновационные проекты, генерируемые гражданским обществом страны. Обе эти страны представляют собой яркий пример сложных отношений между прямой и представительной демократией. Благодаря институту референдума оппозиция в этих странах имеет мощный инструмент давления на властные структуры. На Украине и в России институты референдума сходны. Их главная миссия остается до сих пор – народная легитимация принимаемых властью спорных политических решений. Особенно в период противостояний законодательной и исполнительной власти референдум становится инструментом проведения политической воли правительства.

Изучение института референдума, как в нашей стране, так и за рубежом, ведется уже давно. Среди исследователей, затрагивающих отдельные аспекты

данной темы, необходимо выделить работы Ю.А. Дмитриева, В.В. Комаровой, Р.А. Сафарова, В.В. Маклакова, В.Н. Руденко, С.В. Троицкого, В.Ф. Котока, Р.Р. Гятова и др. (Сафаров, 1963; Комарова, 2014; Гятов, 2007; Руденко, 2003). Весомый вклад в изучение института референдума внесли зарубежные исследователи Д. Батлер, М. Дебре, С. Мёкли (Butler, 1976; Moeckli, 2018). На сегодняшний день глубоко исследованы вопросы эволюции института референдума, его организационных особенностей и структуры в отдельных странах и регионах мира (особенно в Швейцарии, США, Франции, Австрии, Италии, России и др.). Менее представлены работы по сравнительному анализу института референдума различных стран мира (работы Р.Р. Гятова, С.Ю. Данилова, Н. Восперника, В. Меркель) (Vospernik, 2014; Merkel & Ritzi, 2017). Особенно ощущается большой дефицит исследований в сравнении института референдума стран Восточной Европы. Имеющиеся работы по этому региону, главным образом зарубежных авторов (Ф. Ремен, Н. Вагнер, З. Палингер, А. Кулежа и др.), посвящены детальному рассмотрению национальных институтов референдума в отдельных странах Восточной Европы (Rehmen & Wagner, 2018; Pallinger, 2017; Kulesza, 2017). Исследования по сравнительной характеристике и обобщению опыта становления и развития форм прямой демократии в постсоциалистических государствах Восточной Европы, их влиянию на демократизацию общества этих стран встречаются очень редко. Однако данный регион заслуживает большего внимания. Прделанный странами Восточной Европы 30-летний путь в формировании собственных моделей прямой демократии в историческом плане уникален. За короткий период времени им удалось перейти от авторитарной монопартийной системы к системе представительной демократии с дополняющими ее элементами института референдума. Сравнительный анализ института референдума этих стран, изучение опыта внедрения практик прямой демократии на национальном уровне, выявление сходных черт и отличий являются целью данной статьи.

Методологическую базу данного исследования образует сравнительно-аналитический подход изучения института референдума в Словении, Польше, на Украине и в России. Комплексная, сравнительная характеристика эволюции, современной структуры, особенностей, условий и частоты применения конституционно-правовых норм предметного народовластия позволяет сопоставить и типологизировать модели института референдума в этих странах. Главными критериями сравнительного анализа в работе выступили: 1) формы и виды референдума, закрепленные в конституционно-правовых актах этих стран; 2) институциональные особенности, регламентирующие порядок инициирования, продвижения и утверждения результатов референдума (число подписей для организации голосования, порог участия, инициаторы, тематический спектр, роль парламента и президента, партий и гражданского общества); 3) частота и факторы использования института референдума; 4) барьеры и трудности осуществления предметных народных голосований. В заключении сделаны выводы и предложена авторская схема сравнения института референдума в этих странах на основе вышеприведенных критериев. Основными источниками исследования стали конституционно-нормативные документы этих стран и работы национальных экспертов в этой области.

Результаты исследования

1. Институт референдума: понятия, формы, процессы

Референдум – одна из форм реализации политических прав и свобод человека в современном мире. С помощью референдума «воля народа» имеет привилегию «последнего слова» в государственных делах. В отличие от выборов, на которых граждане голосуют за определенного человека, который будет представлять их интересы во властных институтах, на референдуме население напрямую выражает свое согласие или несогласие по какому-либо важному вопросу государственной или общественной жизни. Поэтому политическое значение референдума огромно. Как отмечает проф. Комарова В.В., «с его помощью граждане обретают возможность эффективного воздействия на формирование политики государственных и иных органов власти, а последние, в свою очередь, – возможность сверять свои решения с мнением народа или его отдельной части. Таким образом, референдум является неотъемлемым институтом современного демократического государства, атрибутивным элементом развитого гражданского общества» (Комарова, 2014, с. 157). Правовые и нормативные особенности института референдума закреплены и регламентированы законодательствами стран.

Этимология понятия «референдум» происходит от латинского слова *refero*, что означает «докладываю, сообщаю», таким образом, референдум – «то, что должно быть сообщено». Референдум – первичная форма демократии. В большинстве греческих античных полисах важнейшие политические решения принимались непосредственно горожанами. Элементы прямой демократии имели место в принятии решений в германских и славянских племенах в начале нашей эры; в средневековье – в свободных городах Западной и Восточной Европы (Бремен, Гамбург, Флоренция, Венеция, Киев, Новгород), а также в различных кантонах Швейцарии. Уже в 1378 г. народное собрание, как главный инструмент принятия политических решений, было закреплено в конституции Женевы (Моекли, 2018, р. 33). На дальнейшее развитие институтов прямой демократии оказали влияние философские идеи Ж.Ж. Руссо, французская революция и американская конституция. Первое всенародное голосование на национальном уровне было проведено в Швейцарии в 1802 г. (Моекли, 2018, р. 35). С этого времени число проведенных референдумов в мире постоянно растет (таблица 1). Так, в период 1793–2010 их количество в мире выросло в 25 раз.

Таблица 1 – Количество проведенных референдумов по макрорегионам мира в период 1793–2010 гг. Источник: Kaufmann, 2010, р. 208.

Период	Европа	Азия	Америка	Африка	Океания	Всего
1793–1900	58	0	3	0	0	61
1901–1930	71	1	5	0	15	92
1931–1960	114	15	13	9	23	174
1961–1990	289	102	24	75	28	518

1991–2010	402	54	120	70	37	683
Всего	934	172	165	154	103	1528

Анализ таблицы 1 позволяет увидеть огромные пространственные различия в уровне развития института референдума в странах мира. По числу проведенных референдумов лидируют страны Европы. На этот регион приходилось 61% всех референдумов в мире. Доля Азии, Америки, Африки и Океании составляла в 2010 г., соответственно, 11,2%, 10,7%, 10% и 6,7%. Большая часть проведенных в мире голосований по «народным» проектам в период 1990–2013 гг. выпала на Швейцарию (48%), Словению (7%), Ирландию (7%), Новую Зеландию (6,5%), Уругвай (3,2%) (Frankenberger, 2014, p. 306). Эти государства формировали центр прямой демократии мира (76% этого вида политического участия). Еще большее число референдумов фиксируется на уровне регионов и муниципалитетов стран мира.

Что же понимают под словом «референдум» в различных странах мира? Мы можем отметить, что этимологическое содержание термина не совпадает с его единой трактовкой в правовых системах разных стран и даже в научной сфере. Среди российских политологов также нет единого мнения. Так, ведущий советский политолог В.П. Серебренников (1981) подчеркивал, что референдум – это «форма и средство реализации суверенитета народа, демократический способ выявления и выражения его воли, точнее – воли избирателей». Он выделял три вида референдума: собственно референдум, опрос населения и народное голосование. По его мнению понятия «референдум», «опрос населения» и «народное голосование» являются идентичными. С.В. Троицкий указывает, что референдум это «одна из форм непосредственного участия в законодательном процессе, в принятии важных государственных решений посредством голосования населением» (Троицкий, 1990, с. 23). Р.А. Сафаров подчеркивает, что суть референдума проявляется в том, что «народ непосредственно выступает законодателем в условиях общенародного государства» (Сафаров, 1963, с. 19). По мнению Ю.А. Дмитриева и В.В. Комаровой референдум есть форма непосредственной демократии, содержанием которой является выражение волеизъявления установленного законом числа граждан по любому общественно значимому вопросу, кроме тех, которые не могут по закону быть вынесены на референдум, имеющее высшую юридическую силу и обязательное для исполнения органами, организациями и гражданами, в отношении которых решение референдума имеет императивный характер (Дмитриев, Комаров, 1991). Представленные определения «референдума» подчеркивают значимость данного института в государственном законодательстве и отражают его демократический характер. Различия среди отечественных авторов наблюдается в соотношении форм и видов предметных народных голосований к институту референдума.

Наиболее адекватное определение, согласно нашим представлениям об институте референдума, предложил В.Н. Руденко. Согласно автору, референдум – «всенародное голосование граждан, проживающих в границах конкретного государства, субъекта федеративного государства, административно-территориальной единицы или территории местного самоуправления, для принятий публично-властных решений по вопросам соответствующего уров-

ня» (Руденко, 2003, с. 123). *Национальный институт референдума включает в себя совокупность норм конституционного права страны, устанавливающих правила участия граждан в референдуме. Существует огромное разнообразие институтов референдума в мире. Трудно найти государства, в которых совпадали бы соответствующие нормы права* (курсив мой – И.А.) (Руденко, 2003, с. 126). Швейцарский исследователь С. Мёкли также подчеркивает многообразие форм и видов предметных народных голосований, которые можно представить в виде следующей схемы (рисунок 1).

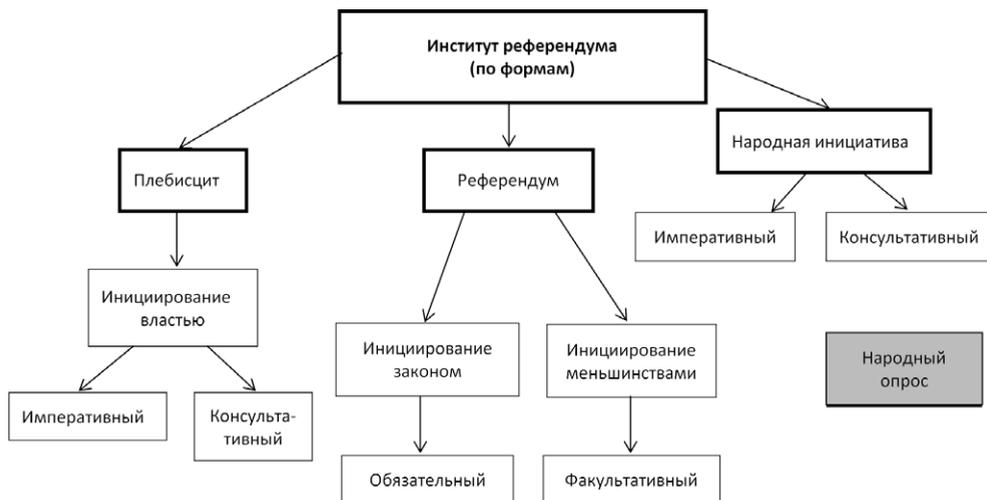

Рисунок 1 – Формы и виды предметных народных голосований.
Источник: Моекли, 2018

В Российской Федерации под референдумом подразумевается «всенародное голосование граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения» (Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 N 5-ФКЗ). В конституции РФ указывается на особое место института референдума в правовой системе России: «референдум наряду со свободными выборами является высшим непосредственным выражением власти народа. Государством гарантируются свободное волеизъявление граждан Российской Федерации на референдуме Российской Федерации, защита демократических принципов и норм права, определяющих право граждан на участие в референдуме» (там же). В немецкоязычных государствах институт референдума включает различные формы «народных голосований» (Volksabstimmung). В Швейцарии на федеральном уровне используют четыре формы голосований (обязательная и консультативная народные инициативы, обязательный референдум, факультативный референдум).

В конституции Германии слово «референдум» заменено словом «народное решение» (Volksentscheid). На федеральном уровне он возможен лишь в случае включения в состав ФРГ новых территориальных образований. В англо-

саксонском правовом пространстве, а также во Франции, Италии, Испании слово «референдум» включает в себя *различные формы предметных народных голосований* (Merkel & Ritzzi, 2017, p. 14). Аналогичное понимание референдума наблюдается и в анализируемых нами странах. Остановимся более подробно на характеристике форм института референдума.

Плебисцит (от лат. слова *plebiscitum*, *plebs* – простой народ, *scitum* – решение) – народное голосование, инициированное большинством (мажоритарный принцип) в парламенте, правительством или президентом. **Обязательный референдум** (*mandatory referendum*) предполагает проведение народного голосования, согласно юридическим нормам законодательства страны, по вопросам, в большинстве случаев, изменения конституции и опирается на решение парламента. Данное решение и выносится на народное голосование. Окончательное принятие государственного решения может быть осуществимо лишь после всенародного голосования. Так, проект поправки к конституции Японии, получивший одобрения 2/3 депутатов парламента страны, должен быть представлен на всенародное обсуждение. Обязательный референдум закреплен в конституциях многих стран. На Украине обязательный референдум предусмотрен при принятии решений об изменении ее территории (Конституция Украины, 2017). Часто обязательные референдумы обозначают как автоматические референдумы (*automatic referendum*), так как их проведение требует основной закон страны.

Факультативный референдум (*optional referendum*) проводится в порядке, предусмотренном законодательством страны и имеет высокую степень вариативности его инициирования: парламентом страны или его частью (Республика Италия, Швейцария), органами власти (Пятая Республика Франции), а также субъектами федерации (Швейцария) или частью электората. Государственное право может ограничивать круг вопросов, представляемых на референдум. Основной закон Республики Италия установил такие ограничения относительно налогообложения, бюджета, ратификации международных договоров, др. В Дании всенародно не обсуждаются финансовые и бюджетные проекты, нормы о предоставлении гражданства.

Значение обязательного и факультативного референдума в законодательной системе стран различно. Руденко В. Н. в своей монографии подчеркивает, что «обязательный референдум – средство обеспечения безусловной легитимности решений, определяющих фундаментальные основы общественного и государственного устройства. Неслучайно чаще всего обязательные всенародные голосования предусмотрены по вопросам пересмотра конституций. Факультативный же референдум предполагает голосование по гораздо менее значимым вопросам. Решение по ним вполне может быть принято и без выявления воли граждан, особенно тогда, когда представительный орган власти успешно выполняет свои функции» (Руденко, 2003, с. 130).

Народная законодательная инициатива – еще один вид референдума, инициированный «снизу» – народными массами. В отличие от первого типа референдумов, инициированных властями, в этом типе референдума граждане уполномочены не только принять решение по предложенному и заранее подготовленному вопросу, но и самостоятельно выдвинуть предложение, разработать законопроект по общественной проблеме. Наличие данной формы референдума

в конституции страны позволяет судить об уровне развития демократии в ней, политической силы гражданского общества. В мире существует на сегодняшний день лишь 38 стран с закрепленной в их законодательствах возможностью проведения референдумов на основе народной инициативы (Моекли, 2018, р. 23).

Организация и проведение народной законодательной инициативы – трудоемкий и сложный процесс, связанный с преодолением многих бюрократических барьеров. Большинство формируемых в мире инициатив распадаются через короткое время. Как правило, организация проведения народной инициативы включает три этапа: 1) инициирование проведения референдума; 2) сбор подписей для достижения кворума; 3) проведение народного голосования (референдума). На первой стадии, в зависимости от законодательства стран и входящих в них территориальных образований, возможно два варианта инициации проведения референдума: подача прямой петиции на проведение в парламент, или сбор подписей на его проведение и передача этих подписей в парламент. В первом случае парламент тщательно изучает петицию и выносит свое решение о проведении референдума. Во втором – инициирование проходит без обсуждения его парламентом. Вторая фаза связана со сбором необходимого для проведения народного голосования числа подписей. В странах мира существуют различные пороги (кворумы) количества необходимых подписей избирателей, а также регламентации сроков для их сбора. В Швейцарии и Австрии для инициирования референдума «снизу» по изменению конституции страны необходимо собрать не менее 100 тыс. подписей, в Болгарии – 400 тыс., Литве – 50 тыс., Польше – 100 тыс., России – 2 млн., на Украине – 3 млн. подписей или 10% имеющего право голоса населения страны. Также есть ограничения по срокам. В Болгарии они составляют три месяца, в Швейцарии – 18 месяцев (Mehr Demokratie, 2019). В федеральной земле Бавария (ФРГ) необходимо в срок не более 14 дней собрать 10% голосов избирателей, в Гамбурге – 5% (21 день), в Баден-Вюртемберге – 10% (3 месяца). Если число подписей для инициирования референдума достаточно, то парламент назначает дату проведения референдума. Как правило, сроки проведения референдума составляют несколько месяцев со дня принятия документов правительством или парламентом.

Третья фаза – народное голосование. В различных странах назначается либо в день проведения выборов (Калифорния, США) или имеет независимые сроки. В Болгарии проведение референдума должно быть осуществлено не ранее трех месяцев со дня его оглашения. В Швейцарии этот срок составляет также 3 месяца. Также есть огромные расхождения по кворумам его проведения. Так, в Болгарии референдум по народной инициативе считается состоявшимся, если в голосовании приняло участие столько же избирателей, сколько на последних выборах в парламент страны. В Швейцарии кворум составляет 20%, в Австрии – 20%, Венгрии – 25% (Mehr Demokratie, 2019).

Одним из отдельных видов референдума является консультативный референдум или народный опрос. Консультативный референдум позволяет выявить волю и мнение большинства граждан по тому или иному вопросу. Однако результаты голосования не являются юридически обязательными для исполнения властными органами. Народный опрос служит способом выявления мнения населения по тем или иным значимым вопросам для корректировки политики

властей. Его результаты, хотя и оказывают сильное воздействие на принятие решений, сами решения в конечном итоге принимаются властями. Они могут проигнорировать волю народа. В связи с этим Руденко В.Н. замечает, что хотя «народный опрос» и относится к институту референдума, его нельзя считать формой прямой демократии (Руденко, 2003, с. 128). Эту форму коммуникации между политической системой и обществом можно отнести к делиберативным методам.

Таким образом, институт референдума является основной формой прямой (непосредственной) демократии. Его роль заключается в улучшении коммуникационного обмена между политической системой и обществом в национальном публичном пространстве. Тем самым создаются благоприятные условия для оптимального разделения властных функций в обществе, политического равенства, открытости власти, усиления ее легитимности, устранения социальных, политических и пр. конфликтов и, в целом, повышения эффективности общественно-политической системы страны. Однако институт референдума в мире не существует изолированно от системы представительной демократии. Во всех странах, в законодательствах которых закреплены непосредственно демократические инструменты, институт референдума и представительная демократия гармонично дополняют друг друга. Свободное волеизъявление народа в форме референдума – высшее проявление демократии, легитимированное в конституциях, конституционных законах современных государств Европы, Америки, Азии. Особенно в странах Восточной Европы мы можем наблюдать «восход» прямой демократии в виде пространственной экспансии разнообразных форм института референдума.

2. Институт референдума в Словении, Польше, на Украине и в России

Институт референдума Словении, Польши, Украины и России различен и имеет свою национальную специфику. Это связано с особенностями развития этих стран в социалистический и постсоциалистический период, внешним политическим влиянием и внутренней политической ситуацией, сложившейся в это время. На развитие прямой демократии в современной Словении огромное воздействие оказала «культура самоуправления» бывшей Югославии. В послевоенный период в Югославии элементы прямой демократии играли существенную роль в принятии политических решений на локальном уровне. В законе о референдуме союзной республики Словении в Югославии от 1972 г. говорилось о возможности инициирования референдума различными общественными группами (Vospernik, 2014, p. 134). Также на авторов новой конституции независимой Словении большее влияние оказала модель прямой демократии Швейцарии, чем модели представительной демократии многих западных государств. В первой Конституции страны от 1991 г. в статье 3 указывается на участие населения в законотворчестве (Verfassung der Republik Slowenien, 1991). В ней также говорится о различных формах национального референдума: 1) народной инициативе (статья 88), 2) законодательном референдуме (статья 90), 3) необязательной конституционной инициативе (статья 168), 4) факультативном референдуме об изменении конституции страны (статья 170).

Обязательный референдум может быть использован только в вопросах изменения административно-территориальных единиц страны (*Verfassung der Republik Slowenien*, 1991). В марте 1994 г. в стране был принят закон о референдуме и народной инициативе. В 2005 г. многие процедуры референдума были изменены конституционным судом. В 2003 г. в канун вступления Словении в ЕС и НАТО был принят закон о референдуме по межгосударственным договорам.

В социалистической Польше референдум проводился два раза – в 1946 и 1987 гг. Ранее, в конституциях Польши от 1921 и 1935 гг., институт референдума не был предусмотрен. На референдуме 1946 г. коммунистическое правительство Польши вынесло три главных вопроса: о ликвидации сената, сельскохозяйственной реформе, национализации тяжелой промышленности и признании западных границ государства. Результат референдума (более 80% участников высказались «за») легализовал проведение массовых преобразований в Польше. Референдум 1987 г. был объявлен как несостоявшийся, т. к. в нем приняло участие 67,3% избирателей при нижнем пороге в 70% (Kulesza, 2017, p. 102). В постсоциалистический период в этой стране были приняты важные законодательные документы: о Референдуме (1995 г.), Конституция страны (1997 г.). В них указывается на два главных инструмента прямой демократии Польши: факультативный референдум и народная инициатива.

Корни прямой демократии Украины и России лежат в институте самоуправления древних русских городов – Киева, Новгорода, Пскова, Чернигова и др. В последующий период централизации власти и усиливающейся ее абсолютизации институт народовластия был безвозвратно утерян. Это явление наблюдалось не только в царской России, но и на территории практически всех европейских государств. В советский период отношение к референдуму было неоднозначным. В конституции СССР от 1936 г. в ст. 49 говорится о возможности проведения всенародного опроса по инициативе или по требованию одной из союзных республик. Решение о проведении референдума принимал Президиум Верховного Совета. Также в Конституции СССР от 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. была предусмотрена возможность всенародного голосования (референдума) по наиболее важным вопросам государственной жизни. Однако референдумы в стране до 1991 г. не проводились. Единственный в СССР всесоюзный референдум состоялся 17 марта 1991 года. В нем приняло участие 75,4% граждан СССР, имеющих право голоса. За сохранение СССР высказалось 76,4% участников опроса. Одновременно состоялся первый всероссийский и всеукраинский референдумы. В первом случае речь шла о введении поста Президента Российской Федерации, во втором, – о признании суверенной Украины как части союза советских суверенных государств. В референдуме участвовало 75,09% граждан РСФСР, из них 69,85% поддержало это предложение. На Украине в референдуме приняло участие 83% граждан республики. Порядка 70% и 80% избирателей, соответственно вопросам, высказались за эти предложения. Одновременно на территории Западной Украины (т. н. Галицкий референдум) в бюллетень по голосованию был поставлен третий вопрос о полной независимости страны. На этот вопрос 88% жителей Ивано-Франковской, Львовской и Тернопольской областей ответили положительно (Safoklov, 2014, p. 63). Этот факт выявил уже тогда наличие глубокого раскола между Западом и Востоком страны, который достиг своей кульминации в момент государственного переворота 2014 г.

В Конституции Украины от 1991 г. законодательно закреплён главный инструмент прямой демократии страны – Всеукраинское народное голосование. В статье 72 указывается, что народный референдум назначается президентом или государственной радой. Статья 73 Конституции указывает на обязательность проведения всеукраинского народного голосования по вопросам изменения территорий страны (Конституция Украины, 1991). Также, согласно статье 156, любые изменения конституции страны требуют согласия населения, но лишь после того, как они были утверждены в Раде. Статья 74 запрещает проведение референдума по вопросам бюджета и налогов, а также амнистии (Конституция Украины, 1991). Также исключены из референдума вопросы общественной безопасности, вопросы назначения на государственные должности, компетенции Рады, Президента и кабинета Министров. Особое место занимают референдумы на основе народной инициативы. Они имеют факультативный характер. Статья 13 закона о Референдуме Украины, принятом в 2001 г., указывает, что роспуск Рады и увольнение Президента осуществляется по требованию народа. Это стоит в противоречии со статьями Конституции страны. Также в Конституции страны (статья 38) подчеркивается возможность проведения местных референдумов (например, Автономной Республики Крым, что и было применено в 2014 г.).

В России механизмы процедуры проведения референдума РФ регламентируются Конституцией РФ, а также федеральными конституционными законами «О референдуме Российской Федерации» от 10.10.1995 и 28.06.2004 г. Федеральный закон о референдуме № 5-ФКЗ от 28.06.2004 г. в его новой редакции от 2017 уточнил ряд отдельных положений о референдуме в стране (Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 N 5-ФКЗ (ред. от 18.06.2017) «О референдуме Российской Федерации»).

В период 1991–2015 г. г. исследуемые страны характеризовались различной активностью в применении института референдума. Среди них ярко выделяется Словения. Страна является абсолютным лидером в этой группе. В ней в этот период было проведено 28 предметных народных голосований. Из них 15 имели статус «законодательный референдум», 3 – консультативный, 3 – территориальный (образование новых территориальных общин), 1 – конституционный и 6 – народных инициатив (до 2011 г.) (Vospernik, 2014, p. 139). Такое высокое число проведенных референдумов (лишь Швейцария и Ирландия в мире занимают более высокие позиции) объясняется законодательной «легкостью» их инициирования. Так, для инициирования законодательного референдума необходимо желание его проведения трех независимых групп акторов – не менее 30 тыс. избирателей, не менее 30 депутатов парламента и 1/3 членов Государственного Совета – второй камеры словенского парламента (*Verfassung der Republik Slowenien*, 1991). Парламентское меньшинство может организовать референдум по спорным вопросам. Данный инструмент часто используется оппозицией для блокирования мероприятий правительства. Так, антинародный закон о пенсионной реформе, предложенный правительством Б. Пахора в 2011 г., был решительно отвержен населением на референдуме, инициированном парламентской оппозицией (Vospernik, 2014, p. 131). Против него высказалось более 72% голосовавших (при доле явки в 40%). В тот же год на выборах правящая партия (в коалиции) во главе с премьер-министром Б. Пахором потерпела сокрушительное поражение.

Важной особенностью словенской модели института референдума является отсутствие нижнего порога участия населения в законодательном референдуме. Средняя явка населения с 1991 г. составляет 38,9%. Наименьший уровень был отмечен на референдуме по закону о радиовещательной компании «Словения» – 14,7% избирателей страны, наибольший – 60,4% – по вопросу вступления Словении в ЕС и НАТО (2003 г.). Несмотря на низкую явку, результаты референдумов были обязательны для исполнения. Другой важной особенностью института референдума страны служит отсутствие ограничений на темы, выносимых на голосование. Размах тем включает в себя как экономические, социальные вопросы (приватизация государственных предприятий, запрет на работу в воскресенье, рынок труда), так и вопросы внешней политики и прав человека. Так, на референдуме в 2003 г. жители Словении выступили против закона о возможности искусственного оплодотворения гомосексуальных пар и реабилитации жертв югославского режима (Vospernik, 2014, p. 152).

В отличие от Словении в Польше существуют значительные ограничения как по кворуму участия, срокам сбора подписей, подачи и рассмотрения заявок, так и по тематическому спектру народных голосований. Основным инструментом института референдума в стране служит *факультативный референдум*. Право его инициирования имеет президент страны, парламент, совет министров, а также группы населения, имеющие поддержку в лице не менее 500 тыс. польских избирателей. Законодательство страны требует от инициаторов референдума или народной инициативы создание комитета по референдуму, включающего не менее 15 его членов и комиссара. Все вопросы, выносимые на референдум, должны быть четко юридически сформулированы и проверены на их соответствие законам страны. После этого запрос о проведении референдума направляется в польский парламент (Сейм). Одобрение проведения референдума возможно лишь в том случае, если за него проголосовало абсолютное большинство депутатов сейма, при присутствии не менее 50% всех парламентариев (Kulesza, 2017, p. 105). Если он не принят, то граждане Польши не имеют больше возможностей организовать референдум по их вопросу. Также, если референдум запущен, то его решения являются обязательными, если явка избирателей превзошла 50%-й барьер. Если менее 50%, референдум носит консультативный характер. Согласно конституции страны на референдум допускаются лишь три тематических поля: изменение конституции страны, дела государственной важности, согласие по ратификации международных договоров, которые предусматривают передачу ряда функций наднациональным органам (например, ЕС). Темы фискальной, социальной политики, обороны и амнистий исключены из возможных вопросов референдумов (Kulesza, 2017, p. 106).

Инициирование народной инициативы на национальном уровне возможно группой единомышленников численностью не менее 100 тыс. чел., что соответствует 0,33% всех избирателей. Народную инициативу в Польше можно обозначить как тематическую инициативу (*agenda initiatieves*). Она включает в себя продвижение интересов граждан в парламент (*agenda setting*). Включение темы народной инициативы в повестку дня парламента или законодательного собрания – главная цель этого инструмента института референдума. Граждане страны имеют такое же право участвовать в законотворчестве, как и ее политические органы. Однако на практике это оказывается намного сложнее, чем

в теории. Согласно польским законам государственным органам запрещено поддерживать любым способом народные инициативы. Большинство заявок отвергаются «комитетом по законам», как несоответствующие формальным требованиям. Далее, комитет имеет монопольное право допускать законопроект до референдума или нет. Это решается простым большинством голосов. Если комитет допустил народную инициативу, то она должна быть опубликована за счет инициаторов в национальной газете. Далее, в течение трех месяцев организаторам нужно собрать не менее 100 тыс. подписей. Если это все сделано, то народная инициатива проверяется на подлинность подписей и лишь после этого допускается к дискуссиям в Сейм. Такие бюрократические барьеры практически не оставляют шансов на непосредственную законодательную деятельность населения (Kulesza, 2017, p. 108).

В период 1989–2015 гг. в стране состоялось 5 национальных референдумов, которые были инициированы президентом или правительством Польши. Польша, как и Словения, характеризуются низким уровнем участия населения. При среднем показателе явки (38,9%), 4 референдума из 5 не достигли порога 50%, и поэтому носили консультативный характер. Наибольший уровень участия населения (77%) был отмечен в 2003 году (референдум по вопросу вступления страны в ЕС и НАТО). На мобилизацию избирателей огромное влияние оказала Католическая церковь, а также националистские и локальные «базисные» движения. В день референдума мобильные телефонные компании напоминали своим клиентам с помощью СМС о важности голосования по этим вопросам (Kulesza, 2017, p. 111).

Народные инициативы играют в политической системе страны маргинальную роль. Генерируемые в обществе законодательные инициативы редко достигают своей цели (90% отвергаются комиссией по референдумам). В период 1999–2013 гг. только 11 из 116 инициатив были допущены до рассмотрения спикером парламента, и только 7 из них прошли в голосование в сейм (Kulesza, 2017, p. 115). Из них не было ни одной, которая бы исходила из гражданского общества (инициативы были предложены профсоюзами Польши). Право вето польского парламента ограничивает институт референдума в стране. Партии имеют огромное влияние на исход референдума. Такую прямую демократию, характеризующуюся высокими ограничениями, польский исследователь Р. Варзоха обозначила как полупрямую.

На территории независимой Украины и Российской Федерации с конца 1991 года прошли лишь два референдума (не считая 1 референдум СССР 17 марта 1991 г.). В отличие от Словении и Польши, явка населения на референдумы на Украине и в России превосходила показатели явки на парламентские и президентские выборы. На Украине они были выше 80%, в России – 60%.

В независимой Украине институт референдума использовался президентом как инструмент для проведения своей политической воли. Однако не всегда правящие круги Украины могут на 100% быть уверены в благополучном исходе референдума. Поэтому как политический механизм он редко используется в решении государственных вопросов.

Первый Всеукраинский референдум был проведен 1 декабря 1991 г. Его главным вопросом обсуждения стала украинская независимость. Новый

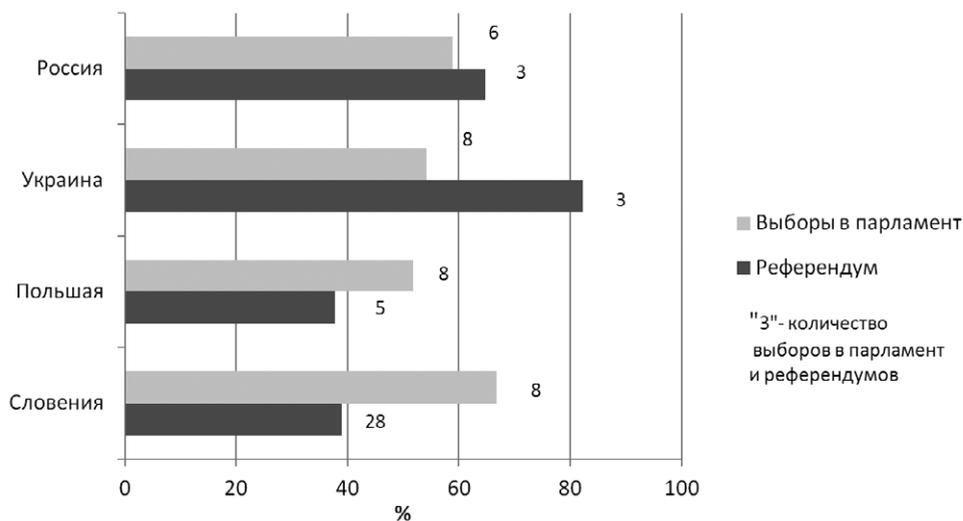

Рисунок 2 – Участие населения в голосовании на референдумах и выборах в национальный парламент отдельных стран Восточной Европы и России в период 1990–2019 г. (% от общего числа избирателей).

Источник: составлено автором по Merkel & Ritzl, 2017.

закон «О всеукраинском и коммунальном референдуме», принятый 3 июля 1991 г., создал правовую базу его проведения. В референдуме приняло участие 84% избирателей страны. За независимость Украины высказалось 90% проголосовавших (Safoklov, 2014, p. 63). На протяжении 1990-х гг. президент Украины Л. Кучма дважды грозил Раде проведением референдума о расширении власти президента (в 1995 и 1996 г.). Тогда доминирующие партии в Раде Украины согласилась с требованиями президента и референдумы не состоялись.

Второй Всеукраинский референдум прошел 16 апреля 2000 г. На нем для всенародного обсуждения были вынесены 4 вопроса: 1) об ограничении депутатской неприкосновенности 2) о численности депутатов Рады 3) о двухпалатном парламенте и 4) о расширении полномочий президента. При высокой явке избирателей (80%), более 80% проголосовавших поддержали предложения президента. Однако результаты референдума не были внесены Верховной Радой в законодательство страны (Safoklov, 2014, p. 65).

Процедура проведения референдума на Украине регламентируется статьей 71 конституции страны. Референдум считается состоявшимся, если в нем приняло участие не менее 50% плюс 1 голос всех избирателей. Результаты референдума также определяются простым большинством голосов (статья 44 закона о референдуме). Если есть существенные нарушения, то референдум может повториться через 15 дней. Обоснование референдума базируется на инициативе, исходящей из народа. Для этого необходимо порядка 3 млн. под-

писей избирателей из различных регионов Украины (10% избирателей страны), составляющих не менее 2/3 ее территории (Конституция Украины, 1991). Это в среднем выше, чем в других странах Европы. До 2014 г. существовали, кроме Всеукраинского референдума, также самостоятельно референдум Республики Крым и коммунальный референдум.

Первый Всероссийский референдум о введении поста Президента Российской Федерации состоялся 17 марта 1991 г. В референдуме участвовало 75,09% граждан РСФСР, из них 69,85% поддержало это предложение. 25 апреля 1993 года, во время противостояния Президента и Верховного Совета Российской Федерации, прошел второй референдум, на который были вынесены четыре вопроса, расширяющие полномочия президента. В референдуме приняли участие 64,51% избирателей. По итогам референдума был распущен Верховный Совет РФ. 12 декабря 1993 года, одновременно с выборами в Государственную Думу первого созыва, прошло всенародное голосование по проекту Конституции России. В голосовании участвовало 54,79% избирателей, из них 58,42% поддержало новый Основной закон, который действует по настоящее время.

Особенности института референдума в России указаны в Конституции страны и федеральном законе о референдуме. В соответствии со статьей 14 Федерального закона, право инициативы проведения референдума принадлежит: 1) не менее чем двум миллионам граждан Российской Федерации (0,8% избирателей), имеющих право на участие в референдуме, – при условии, что на территории одного субъекта Российской Федерации или в совокупности за пределами территории Российской Федерации находится место жительства не более 50 тысяч из них; 2) конституционному собранию; 3) федеральным органам государственной власти (Федеральный конституционный закон от 28.06.2004). Вопросы, которые могут выноситься на референдум, включают в себя следующие темы: 1) проект новой Конституции страны (необязательно); 2) проекты нормативных актов, предусмотренные международными договорами РФ (обязательно) 3) различные, в том числе альтернативные вопросы, инициированные различными общественными группами (статья 6.8) (Федеральный конституционный закон от 28.06.2004). Также законом четко установлен запрет вынесения на голосование следующих вопросов: 1) об изменении статуса субъекта Российской Федерации; 2) о досрочном прекращении или продлении срока полномочий Президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также о проведении досрочных выборов Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации либо о перенесении сроков проведения таких выборов; 3) об избрании, о назначении на должность, досрочном прекращении, приостановлении или продлении полномочий лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации; 4) о персональном составе федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов; 5) об избрании, о досрочном прекращении, приостановлении или продлении срока полномочий органов, образованных в соответствии с международным договором Российской Федерации; 6) о принятии чрезвычайных и срочных мер по обеспечению здоровья и безопасности

населения; 7) отнесенные Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти.

Сбор подписей в поддержку инициативы проведения референдума принадлежит исключительно членам инициативной группы по проведению референдума, входящим в региональную подгруппу, зарегистрированную избирательной комиссией субъекта Российской Федерации, на территории которого осуществляется сбор подписей (там же). По окончании сбора подписей их число подсчитывается и направляется в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации, которая осуществляет проверку не менее 40 процентов подписей. После чего о результатах проверки и решении о выдвижении инициативы проведения референдума оповещаются Президент Российской Федерации и одновременно палаты Федерального Собрания Российской Федерации. Следующей стадией референдумного процесса является назначение референдума Российской Федерации. Данным правом обладает только Президент РФ. До назначения референдума его проверку осуществляет Конституционный Суд. Президент РФ после поступления к нему решения Конституционного Суда издает указ о назначении референдума, в котором определяет дату его проведения. Референдум в России не может проводиться: 1) в условиях военного или чрезвычайного положения, введенного на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях, а также в течение трех месяцев со дня отмены военного или чрезвычайного положения; 2) в последний год полномочий Президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также в период избирательной кампании, проводимой одновременно на всей территории Российской Федерации; 3) в период между официальным опубликованием решения о назначении референдума и официальным опубликованием (обнародованием) его результатов; 4) не допускается в течение двух лет со дня официального опубликования результатов референдума его повторное проведение. На следующем этапе после принятия решения о назначении референдума Российской Федерации граждане Российской Федерации, а также общественные объединения вправе в любых допускаемых законом формах и законными методами беспрепятственно вести агитацию. По окончании голосования по вопросам референдума Избирательные комиссии субъектов Российской Федерации направляют протоколы об итогах голосования в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации. Референдум признается состоявшимся, если в голосовании приняло участие более половины граждан, обладающих правом на участие в референдуме Российской Федерации. Решение, которое выносилось на референдум, считается принятым, если за него в целом по Российской Федерации проголосовало более половины граждан, принявших участие в голосовании. Если на референдум выносились альтернативные варианты вопросов и ни один из указанных вариантов не получил необходимого числа голосов, то все варианты считаются отклоненными. Решение, принятое на общероссийском референдуме, является общеобязательным и не нуждается в дополнительном утверждении. Оно действует на всей территории Российской Федерации и может быть отменено или изменено не иначе как путем принятия решения на новом референдуме Российской Федерации.

Заключение

Сравнение института референдума в Словении, Польше, на Украине и в России показывает существенные различия в его формах, структуре, процедуре и частоте использования в этих странах. Наибольшее развитие институт референдума получил в Словении. В этой стране практически ежегодно проводится национальный референдум. Здесь нет ограничений по явке избирателей и по тематике референдума. Народная инициатива может быть сгенерирована малой группой граждан страны (5 тыс. чел). Парламентская оппозиция часто использует этот инструмент в своих целях. Поэтому данную модель института референдума можно обозначить как оппозиционную. Она имеет свои плюсы и минусы. Так, благодаря «воле народа» многие антинародные реформы правительства (приватизация железнодорожного транспорта, работы по воскресеньям, пенсионная реформа), несмотря на запугивание населения со стороны правительства и международных организаций, были пресечены на корню и не получили дальнейшего развития. Недостаток ее заключается в доминировании консервативного большинства над меньшинством. Вопросы равноправия сексуальных меньшинств, миграции получают негативную оценку со стороны населения.

Таблица 2 – Институт референдума в Словении, Польше, на Украине и в России. Источник: составлено автором

Институт референдума	Словения	Польша	Украина	Россия
1. Формы и число проведенных референдумов:				
А. Обязательный референдум	+ (15)	+ (1)	+ (3)	+ (3)
Б. Факультативный референдум	+ (3)	+ (4)	+ (0)	+ (0)
В. Народная инициатива	+ (6)	+ (7)	+ (0)	+ (0)
2. Число подписей для референдума (народной инициативы)	30 тыс. для референдума и 5 тыс. для инициативы	500 тыс. для референдума и 100 тыс. для инициативы	3 млн. (10% избирателей)	2 млн. чел.
3. Нижний порог участия	Нет	50%	50%	50%
4. Ограничение по темам	Нет	Есть	Есть	Есть
5. Право вето парламента	Нет	Есть	Есть	Нет

В Польше, России и на Украине главным актором инициирования национальных референдумов является государство, а именно – правящая власть. Она выносит на референдум спорные вопросы, которые пытается с помощью поддержки населения легитимировать в глазах системной оппозиции и международных организаций. Как правило, на референдум выносятся те положения, в положительном исходе которых правительство уверено. Такую модель института референдума в этих странах можно обозначить как плебисцитную.

Институт референдума в Польше, на Украине и в России характеризуются также ограничениями относительно порога участия, тем, условий проведения референдумов. Польский Сейм имеет право отклонить заявку на референдум (чем он пользовался часто в новейшей истории). Народные инициативы, за исключением отдельных случаев, не доходят до польского парламента. Высокие бюрократические барьеры делают институт прямой демократии в этой стране «полупрямым». Институты референдума на Украине и в России сходны. Власть применяет этот инструмент на национальном уровне для реализации своих целей. Главные референдумы в них прошли в период противостояния правительств и парламента. Народная инициатива как один из инструментов института референдума до сих пор не была реализована в этих странах. Институт референдума в них требует дальнейшего развития.

Список литературы

1. Гятов, Р.Р. (2007). *Институт референдума в Российской Федерации и зарубежных странах: конституционно-правовое и сравнительное исследование*. М.: РУДН.
2. Дмитриев, Ю.А., Комарова, В.В. (1995). *Референдум в системе народовластия*. М.: Манускрипт.
3. Комарова, В.В. (2014). *Референдумный процесс Российской Федерации*. М.: Директ-Медиа.
4. *Конституция Украины* (2019, 17 июня). Взято с <https://portal.rada.gov.ua/uploads/documents/27396.pdf>
5. Руденко, В.Н. (2003). *Прямая демократия. Модели правления, конституционно-правовые институты*. Екатеринбург: УрО РАН.
6. Сафаров, Р.А. (1963). Институт референдума в условиях общенародного государства. *Советское государство и право*, 6, 19–20.
7. Серебренников, В.П. (1981, сентябрь). Учение В.И. Ленина о референдуме и современность. *Актуальные проблемы государственно-правовых наук в свете решений XXVI съезда КПСС: Тезисы докладов республиканской науч. конф.* Вильнюс.
8. Троицкий, С.В. (1990). Институт референдума в освободившихся странах в южной Азии. *Избирательное право и выборы*. М.: Инс-т гос-ва и права АН СССР.
9. *Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 N 5-ФКЗ (ред. от 18.06.2017) «О референдуме Российской Федерации»*. (2019, 17 июня). Взято с http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221
10. *Центральная избирательная комиссия РФ*. (2019, 18 июня). Взято с <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>
11. Butler, D., & Kitzinger, U.W. (1976). *The 1975 Referendum*. London: Macmillan.
12. Frankenberger, R., & Gabriel, O.W. (2014). Partizipative Verfahren und ihre Wirkung auf politische Systeme. *Partizipation im Wandel*. Gütersloh: Verlag Bartelsmann.
13. Kaufmann, B., Büchi, R., & Braun, N. (2010). *Guidebook to direct*

democracy in Switzerland and beyond. Amsterdam.

14. Kulesza, A., & Kim, S. (2017). Direkte Demokratie in Polen. *Die Legitimitaet direkte Demokratie* (pp. 101–120). Wiesbaden: Springer.

15. *Mehr Demokratie* (2019, May 20). Retrieved from <https://www.mehr-demokratie.de/>

16. Merkel, W., & Ritzi, C. (2017). Theorie und Vergleich. *Die Legitimitaet direkte Demokratie* (pp. 9–48). Wiesbaden: Springer.

17. Moeckli, S. (2018). *So funktioniert direkte Demokratie*. München: UVK Verlag.

18. Pallinger, Z.T. (2017). *Volksabstimmungen in Ungarn. Eine Übersicht*. Retrieved from https://www.mehr-demokratie.de/fileadmin/pdf/ve_in_ungarn.pdf

19. Rehmen, F., & Wagner, N. (2018). *Volksabstimmungen in Albanien. Ein Überblick*. Retrieved from <https://www.mehr-demokratie.de/fileadmin/pdf/ve-in-albanien.pdf>

20. Safoklov, Y. (2014). Sachunmittelbare Demokratie in der Ukraine: Volksherrschaft oder Spielzeug der Politik? *Sachunmittelbare Demokratie im interdisziplinaren Kontext 2011/2012* (pp. 60–79). Baden-Baden: Nomos, S.

21. *Verfassung der Republik Polen*. (2019, August 10). Retrieved from <http://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/niemiecki/kon1.htm>

22. *Verfassung der Republik Slowenien*. (2019, July 30). Retrieved from <https://www.us-rs.si/media/vollstandiger.text.der.verfassung.pdf>

23. Vospernik, S. (2014). Direkte Demokratie in Slowenien. Funktion, Disfunktion und systemtransformierende Wirkung. *Sachunmittelbare Demokratie im interdisziplinaren Kontext 2011/2012* (pp. 129–167). Baden-Baden: Nomos Verlag.

References

1. Butler, D., & Kitinger, U.W. (1976). *The 1975 Referendum*. London: Macmillan.

2. *Central'naya izbiratel'naya komissiya RF* [The Central Election Commission of the Russian Federation]. (2019, June 18). Retrieved from <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>

3. Dmitriev, Y.A., & Komarova, V.V. (1995). *Referendum v sisteme narodovlasija* [Referendum in the system of democracy]. Moskva: Manuscript.

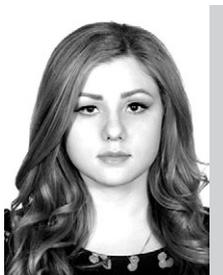
4. *Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 28.06.2004 N 5-FKZ (red. ot 18.06.2017) «O referendume Rossijskoj Federacii»* [Federal constitutional law of June 28, 2004 N 5-FKZ (as amended on June 18, 2017) «On the referendum of the Russian Federation»]. (2019, June 17). Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4822

5. Frankenberger, R., & Gabriel, O.W. (2014). Partizipative Verfahren und ihre Wirkung auf politische Systeme. *Partizipation im Wandel*. Gütersloh: Verlag Bartelsmann.

6. Gyatov, R.R. (2007). *Institut Referenduma v Rossiiskoi Federazii I zarubezhnich stranach: konstituzionno-pravovoe I sravnitelnoe issledovanie*. [Referendum Institute in the Russian Federation and foreign countries: constitutional and comparative study]. Moskva: RUDN.

7. Kaufmann, B., Büchi, R., & Braun, N. (2010). *Guidebook to direct democracy in Switzerland and beyond*. Amsterdam.
8. Komarova, V.V. (2014). *Referendumnii prozess v Rossiskoi Federazii* [The referendum process of the Russian Federation]. Moskva: Direkt-Media.
9. *Konstituciya Ukrainy* [Constitution of Ukraine]. (2019, June 06). Retrieved from <https://portal.rada.gov.ua/uploads/documents/27396.pdf>
10. Kulesza, A., & Kim, S. (2017). Direkte Demokratie in Polen. *Die Legitimitaet direkte Demokratie* (pp. 101–120). Wiesbaden: Springer.
11. *Mehr Demokratie*. (2019, May 20). Retrieved from <https://www.mehr-demokratie.de/>
12. Merkel, W., & Ritzi, C. (2017). Theorie und Vergleich. *Die Legitimitaet direkte Demokratie* (pp. 9–48). Wiesbaden: Springer.
13. Moeckli, S. (2018). *So funktioniert direkte Demokratie*. München: UVK Verlag.
14. Pallinger, Z.T. (2017). *Volksabstimmungen in Ungarn. Eine Übersicht*. Retrieved from https://www.mehr-demokratie.de/fileadmin/pdf/ve_in_ungarn.pdf
15. Rehmen, F., & Wagner, N. (2018). *Volksabstimmungen in Albanien. Ein Überblick*. Retrieved from <https://www.mehr-demokratie.de/fileadmin/pdf/ve-in-albanien.pdf>
16. Rudenko, V.N. (2003). *Premaja Demokratija. Modeli pravlenia, konstitucionno-pravovie institute* [Direct democracy. Government models, constitutional and legal institutions]. Ekaterinburg: UrO RAN.
17. Safarov, R.A. (1963). Institut Referenduma v uslovijach obchenarodnogo gosudarstva [The referendum institute in the conditions of a nation-wide state]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 6, 19–20.
18. Safoklov, Y. (2014). Sachunmittelbare Demokratie in der Ukraine: Volksherrschaft oder Spielzeug der Politik? *Sachunmittelbare Demokratie im interdisziplinaren Kontext 2011/2012* (pp. 60–79). Baden-Baden: Nomos, S.
19. Serebrennikov, V.P. (1981, September). Uchenie V.I. Lenina o referendume i sovremennost [Teaching of V.I. Lenin on the referendum and the present]. *Aktual'nye problemy gosudarstvenno-pravovykh nauk v svete reshenij XXVI s"ezda KPSS: Tezisy докладov respublikanskoj nauch. konf.* Vilnius.
20. Troitsky, S.V. (1990). Institut Referenduma v osvobodivshichsja stranach v juzhnoi Asii. [Referendum Institute in the Free Countries of South Asia]. *Electoral Law and Elections*. Moskva.
21. *Verfassung der Republik Polen*. (2019, August 10). Retrieved from <http://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/niemiecki/kon1.htm>
22. *Verfassung der Republik Slowenien*. (2019, July 30). Retrieved from <https://www.us-rs.si/media/vollstandiger.text.der.verfassung.pdf>
23. Vospornik, S. (2014). Direkte Demokratie in Slowenien. Funktion, Disfunktion und systemtransformierende Wirkung. *Sachunmittelbare Demokratie im interdisziplinaren Kontext 2011/2012* (pp. 129–167). Baden-Baden: Nomos Verlag.

FAKE NEWS КАК НОВЫЙ ТРЕНД В ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЯХ

Прошина Маргарита Викторовна,

Уральский Федеральный Университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Департамент политологии и социологии,
магистр,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: margo-p95@mail.ru

Для цитирования: Прошина М.В. Fake news как новый тренд в политических коммуникациях // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 164-171. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10311

Аннотация

Феномен фейковых новостей не нов для политических коммуникаций. Но в 2016 году на президентских выборах в США данное явление вышло на первый план и заняло повестку дня. Новые коммуникационные технологии позволили создать новые способы создания, распространения и потребления фейковых новостей, что затрудняет выделение той информации, которой можно доверять.

В связи с этим появилось большое количество исследований. Главной проблемой большинства исследователей становится большое количество подходов к определению самого феномена фейковых новостей. Данная статья содержит обзор исследования, посвящённого изучению феномена «fake news», анализу новых социальных медиа, контент-анализу и кластерному анализу. Предметом данного исследования является политизация «фейковых новостей» при помощи социальной сети Twitter.

Ключевые слова:

fake news, политические коммуникации, анализ социальных сетей, пропаганда, манипуляция, социальные сети, новости.

FAKE NEWS AS A NEW TREND IN POLITICAL COMMUNICATIONS

Proshina Margarita Victorovna,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Department of Political Science and Sociology,
Master,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: margo-p95@mail.ru

To cite this article: Proshina, M.V. (2019). Fake news kak novyj trend v politicheskix kommunikacijax [Fake News as a New Trend in Political Communications]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(36), 164-171. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10311

Abstract

The fake news phenomenon is not new to political communications. But in 2016 at the presidential election in the United States, this phenomenon came to the fore and took the agenda. New communication technologies have created new ways of creating, disseminating and consuming fake news, which makes it difficult to highlight the information that you can trust.

In this regard, many studies have appeared. The main problem of most researchers is becoming a greater number of approaches to the definition of the phenomenon of fake news. This article provides an overview of research on the Fake news phenomenon and analysis of new social media, content analysis and cluster analysis. The subject of this study is the politicization of "fake news" using the social network Twitter.

Ключевые слова:

fake news, political communication, social network analysis, propaganda, manipulation social media, news.

На сегодняшний день, пользуясь возможностями глобальной сети Интернет, каждый пользователь имеет возможность не просто быть потребителем предлагаемого контента, но и создавать свой. Ежедневно в социальных сетях публикуется миллионы различных сообщений, и пользователи получают огромное количество информации в своих новостных лентах.

В связи с этим возникает проблема перенасыщенности новостями, и в таком постоянно растущем объеме новостей потребителям контента сложно ориентироваться. Также становится сложно проверять все поступающие сообщения, что породило такой феномен, как «fake news».

Сам феномен «fake news» как инструмент манипулирования не новый и появился достаточно давно. Но распространение получил именно сейчас, когда есть возможность использовать такой инструмент как социальные медиа. Возможности запуска и распространения поддельных новостей в социальных сетях практически безграничны.

Данный феномен привлекает большое количество исследователей. Фейковые новости на сегодняшний день изучаются не только в рамках политологии, но и философии, лингвистики, социологии и т. д.

Проблема «fake news» рассматривается в статье «Read all about it: the politicization of “fake news” on Twitter». Авторы данной статьи Джон Брумметт, Марсия ДиСтасо, Майкл Вафейадис и Маркус Месснер.

Джон Брумметт – доктор философских наук. Его научные работы посвящены коммуникации и информации. В настоящее время он является исполняющим обязанности заместителя декана Колледжа аспирантуры и научных исследований.

Марсия ДиСтасо, доктор философских наук, является доцентом и заведующей кафедрой связей с общественностью в Университете Флориды. Ее исследования сосредоточены на изучении цифровых медиа.

Майкл Вафейадис, доктор философских наук, работает в Университете штата Пенсильвания. Его исследования в основном сосредоточены на построении стратегических сообщений, которые могут применяться в контексте социальных сетей, кризисных коммуникаций и медицинских коммуникаций.

Маркус Месснер, доктор философских наук, работает в Университете Майами. Его исследования сосредоточены на внедрении социальных сетей в журналистике, связях с общественностью и медико-санитарной коммуникации.

Данная статья посвящена недавно возникшему в современных медиа феномену «fake news» или «фальшивых новостей». Статья состоит из введения, с описанием актуальности данного исследования, обзора литературы и описания степени разработанности проблемы исследования, методологии исследования, результатов, обсуждения полученных результатов и выводов авторов статьи.

Концептуализация «fake news» развивалась годами, при этом сам феномен в сфере современной политики и онлайн-технологий воздействия возник относительно недавно.

Авторы статьи ссылаются на современных ученых, которые также занимаются разработкой данной проблемы «фальшивых новостей» и их использования в политической пропаганде и воздействия на электорат в ходе предвыборных кампаний.

Данные из Google Trends показывают, что использование термина «фальшивые новости» получило широкое распространение вокруг президентских выборов 2016 года в США. И затем термин стал широко используемым для описания сегодняшней сложной новостной и информационной среды.

Цель исследования, описанного в данной статье, – проанализировать роль социальных медиа в формировании у интернет-пользователей определенных моделей мысли и поведения.

Авторами статьи подчеркивается, что в виду того, что данное явление относительно новое, исследователями, которые занимаются разработкой данной проблемы, еще не выработано единого подхода к определению «fake news».

«Fake news» характеризуются созданием фиктивного материала, манипулированием, искажением визуальных образов для создания ложного общественного восприятия, использования в качестве пропаганды политическими структурами для влияния на общественное мнение.

Следует исключить из данной категории различные традиционные СМИ, которые с недавнего времени стали публиковать «fake news», т. к. это делается непреднамеренно.

Также из данной категории следует исключить слухи, теории заговора, заявления политиков, которые могут быть не совсем ясными и вводить в заблуждение аудиторию.

«Fake news» были названы термином года в 2016 г. в Оксфордском словаре, и в словаре Коллинза в 2017 г. Согласно данным из словаря Коллинза, использование термина с 2016 по 2017 гг. увеличилось на 365% (Collins Dictionary, 2017).

Несмотря на то, что термин кажется довольно новым, явления, которые он охватывает, старые. Манипулирование, дезинформация, ложь, слухи, теории заговора – все эти явления существовали и ранее. Новизна самого термина «фейковые новости» заключается в том, что информация производится, распространяется и потребляется с помощью технологий цифровой связи и представляется в качестве настоящих новостей. Благодаря новым технологиям манипулировать новостным форматом стало проще, что одновременно и приносит пользу, и подрывает авторитет средств массовой информации.

Также авторами в данной статье используются следующие понятия. Гомофилия – эмоциональное тяготение преимущественно к лицам собственного пола, не имеющее выраженного эротического характера – с кем человек предпочитает дружить, кому он изливает душу и т. п.

Социальные медиа – это совокупность всех интернет-площадок, которые на основе онлайн-технологий предоставляют пользователям возможность устанавливать коммуникацию друг с другом и производить пользовательский контент.

Marketplace of Ideas (Свободный рынок идей) – концепт свободы мысли, идеи самовыражения, основанный на экономическом концепте свободного рынка.

Значение данных понятий в тексте авторами не раскрывается, что несомненно является недостатком данной статьи.

Интерес представляет методология проведенного исследования. Авторами использовался анализ социальных сетей, контент-анализ и кластерный анализ.

SNA (анализ социальных сетей) позволил исследователям идентифицировать пользователей сети в соответствии с их использованием термина «поддельные новости», а затем рассчитать показатели, которые указывают на силу и характер их связей с другими пользователями.

Использовалась функция поиска в Twitter: NodeXL – шаблон с открытым исходным кодом для Microsoft Excel, обеспечивающий легкий доступ к потокам данных в социальных сетях.

Затем данные из таблицы Excel переформатировались в графики GraphML для визуализации результатов. После этого данные обрабатывались в программе Gephi, для получения уже готовых результатов исследования.

Ранее в научной литературе не рассматривалось влияние «fake news» на отдельные группы пользователей сети Интернет. В данном исследовании

с помощью SNA были выделены отдельные кластеры пользователей и проанализировано влияние «fake news» на группы пользователей.

Также было проанализировано использование термина «fake news» в социальной сети Twitter: в каком контексте и кем используется данный термин.

Проанализировано влияние «fake news» на электоральное поведение интернет-пользователей и использование данной технологии в избирательной кампании.

В результате поведенных исследований авторы статьи пришли к выводу, что термин «fake news» распространился в сети как вирус и является часто используемым в политических дебатах.

Общая выборка состояла из твитов в основном от отдельных пользователей социальной сети (95%), с небольшим количеством твитов из СМИ (1%), организаций, не имеющих отношения к медиа сфере (2%), журналистов, использующих личный Твиттер-аккаунт (1%), групп активистов (1%), политиков (0.2%) и твитов президента Трампа (0.1%).

Большинство пользователей в выборке не указали свои политические предпочтения в Твиттере (79%), но 17% определены как республиканцы, 3% определены как демократы и 1% определены как независимые. Сорок процентов выборки состояли из пользователей, которые идентифицировали себя как мужчины, 30% определены как женщины ($n = 396$), 27% не указали конкретный пол в их биографии Twitter. Остальные пользователи, которые являются организациями, были определены как «другие».

На основе кластерного анализа пользователей Твиттера твиты были разделены на два кластера. Первый кластер состоит из твитов, в основном, от общих пользователей социальных сетей, в равной степени мужчин и женщин, со значительным количеством твитов, которые имели неконсервативную склонность. Многие твиты этого кластера использовали «fake news» в нейтральном или поддерживающем контексте (89%) и содержали либо положительную, либо нейтральную валентность (74%).

Второй кластер состоял в основном из пользователи социальных сетей, большинство из которых были мужчинами и не указали политические идеологии в своих твитах. Подавляющее большинство пользователей в этом кластере часто использовали термин «fake news» для критики (99,5%) и в их твитах содержалась отрицательная валентность (99,8%).

Также было выяснено, что наиболее часто используется термин «fake news» в Твиттере президента Трампа с тегами #realdonaldtrump, #potus.

Часто в твитах термин используется различными медиа-организациями и журналистами с тегами #cnn, #foxnews, #washingtonpost, #jaketapper, #drudge_report, #thehill, #cnnpolitics.

Наиболее часто используемые хэштеги были связаны с Трампом и его лозунгом кампании (#trump, #maga), «поддельные новости» (#fakenews), христианские консерваторы (#ccot).

Также большое количество твитов связаны с сайтом Wikileaks (#wikileaks, #vault7) и с новостями экономики (#jobsreport).

Результаты этого исследования показывают, что разговоры о «поддельных новостях» происходят в крупных кластерах, например, онлайн-сообществах, состоящих в основном из членов каких-либо общественных организаций (про-

тив СМИ, неправительственных организаций (НПО) или политиков), которые и доминируют в обсуждении.

Так же авторами отмечено, что происходит специальное использование термина для «очернения» источника информации или обесценивания самого инфоповода.

Метод SNA (анализ социальных медиа) дает большие перспективы в академических и профессиональных исследованиях благодаря систематическому сбору и анализу ценной информации о социальных медиа. Такие программы, как NodeXL и Gephi, которые использовались в этом исследовании, обеспечивают качественную обработку информации и получения критериев оценки данных, которые показывают, как формируется общественное мнение вокруг проблемы и определяют влияние данной проблемы на общение в сети.

Программы SNA могут дать ценную информацию о коммуникационных исследованиях, поэтому будущее исследование должно дублировать и опираться на процесс, изложенный в настоящем документе.

Наконец, следует отметить, что при проведении исследований в Twitter всегда есть шанс, что некоторые из изученных твитов могли быть сгенерированы ботами. И если на данный момент практически невозможно проверить, было ли это сообщение написано реальным человеком или ботом, то в дальнейшем это может стать предметом исследований. Например, сравнение влияния сообщений, сгенерированных ботом и написанных человеком.

Однако исследователями из всех социальных медиа был выбран только Твиттер, а остальные популярные среди интернет-пользователей площадки рассмотрены не были. При этом сами авторы не поясняют свой выбор в пользу Твиттера. Есть вероятность, что при рассмотрении использования «fake news» в других социальных сетях можно было бы получить более полную картину.

Подводя итоги всего исследования, несмотря на некоторые его недостатки, можно сделать вывод, что оно посвящено актуальной теме. Авторы провели глубокую работу и показали на примере социальной сети Твиттер, что такое «fake news», как они работают и какие перспективы открываются в политической коммуникации.

При этом сохраняется еще достаточно широкое поле для дальнейших исследований данного феномена, есть возможность исследования других социальных медиа. И учитывая тот факт, что «fake news» – явление новое и не до конца изученное, у исследователей имеются большие перспективы в разработке данной темы.

Список литературы

1. Кошкарова, Н.Н. (2018). Фейковые новости: креативное решение или мошенничество? *Вестник ТГПУ*, 2(191), 14–18. doi: 10.23951/1609-624x-2018-2-14-18
2. Распопова, С.С., Богдан, Е.Н. (2017). Фейковые новости: природа происхождения. *Вестник ЧелГУ*, 11(407), 42–53.
3. Русакова, О.Ф. (2013). Медиадискурс как концепт дисциплины «политическая коммуникативистика». *Науч. Ведомости Белгород. гос. ун-та*.

Гуманит. Науки, 27, 150–160.

4. Русакова, О.Ф., Грибовод, Е.Г. (2014). Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 65–69.

5. Allcott, H., & Gentzkow, M. (2017). Social media and fake news in the 2016 election. *Journal of Economic Perspectives*, 31, 211–236.

6. Berkowitz, D., & Schwartz, D.A. (2016). Miley, CNN and The Onion: When fake news becomes realer than real. *Journalism Practice*, 10, 1–17.

7. Brennen, B. (2017). Making sense of lies, deceptive propaganda, and fake news. *Journal of Media Ethics*, 32, 179–181.

8. Carson, J. (2017). What is fake news? Its origins and how it grew in 2016. *The Telegraph*.

9. *Collins 2017 Word of the Year Shortlist* (2017, November 02). Retrieved from <https://www.collinsdictionary.com/word-lovers-blog/new/collins-2017-word-of-the-year-shortlist,396,HCB.html>

10. Darnton, R. (2017, February 13). The true history of fake news. *The New York Review of Books*. Retrieved from <http://www.nybooks.com/daily/2017/02/13/the-true-history-of-fake-news/>

11. Fallon, C. (2017). Where does the term “fake news” come from? The 1890s, apparently. *HuffPost*. Retrieved from http://www.huffingtonpost.com/entry/where-does-the-termfake-news-come-from_us_58d53c89e4b03692bea518ad

12. Parkinson, H.J. (2016, November 14). Click and elect: How fake news helped Donald Trump win a real election. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/nov/14/fake-news-donald-trump-election-alt-right-social-media-tech-companies>

References

1. Allcott, H., & Gentzkow, M. (2017). Social media and fake news in the 2016 election. *Journal of Economic Perspectives*, 31, 211–236.

2. Berkowitz, D., & Schwartz, D.A. (2016). Miley, CNN and The Onion: When fake news becomes realer than real. *Journalism Practice*, 10, 1–17.

3. Brennen, B. (2017). Making sense of lies, deceptive propaganda, and fake news. *Journal of Media Ethics*, 32, 179–181.

4. Carson, J. (2017). What is fake news? Its origins and how it grew in 2016. *The Telegraph*.

5. *Collins 2017 Word of the Year Shortlist* (2017, November 02). Retrieved from <https://www.collinsdictionary.com/word-lovers-blog/new/collins-2017-word-of-the-year-shortlist,396,HCB.html>

6. Darnton, R. (2017, February 13). The true history of fake news. *The New York Review of Books*. Retrieved from <http://www.nybooks.com/daily/2017/02/13/the-true-history-of-fake-news/>

7. Fallon, C. (2017). Where does the term “fake news” come from? The 1890s, apparently. *HuffPost*. Retrieved from http://www.huffingtonpost.com/entry/where-does-the-termfake-news-come-from_us_58d53c89e4b03692bea518ad

8. Koshkarova, N.N. (2018). Fejkovye novosti: kreativnoe reshenie ili moshennichestvo? [Fake news: creative decision or fraud?]. *Vestnik TGPU*, 2 (191), 14–18. doi: 10.23951/1609-624x-2018-2-14-18

9. Parkinson, H.J. (2016, November 14). Click and elect: How fake news helped Donald Trump win a real election. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/nov/14/fake-news-donald-trump-election-alt-right-social-media-tech-companies>

10. Raspopova, S.S., & Bogdan, E.N. (2017). Fejkovye novosti: priroda proisxozhdeniya [Fake news: the nature of origin]. *Vestnik CHelGU*, 11(407), 42–53.

11. Rusakova, O.F. (2013). Mediadiskurs kak koncept discipliny «politicheskaya kommunikativistika» [Media discourse as the concept of the discipline “political communicativistics”]. *Nauch. Vedomosti Belgorod gos. un-ta. Gumanit. Nauki*, 27, 150–160.

12. Rusakova, O.F., & Gribovod, E.G. (2014). Politicheskij mediadiskurs i mediatizaciya politiki kak koncepty politicheskoy kommunikativistiki [Political media discourse and mediatization of politics as concept of political communicativistics]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 65–69.

ОГОНЬ

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
кафедра политических наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-6453-662X,
E-mail: dipi@nm.ru

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-6920-2549,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Для цитирования: Русаков В.М., Русакова О.Ф. Огонь // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 172–182. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10312

Аннотация

В статье для проекта готовящейся к изданию энциклопедии «Дискурсология» проводится дискурс-анализ концепта «огонь» – весьма широко проработанного в мировой культуре и обладающего глубоким архетипическим содержанием. Полисемантичесность концепта «огонь» уже просматривается в мифах народов мира. Итогом развития концепта является выделение научного понятия «огонь», тем не менее сохраняющего черты своего происхождения. Проводится анализ всех аспектов дискурса этого концепта: лингвистического, семиотического, аксиологического, праксеологического, институционального и кратологического. Показано его мощное воздействие практически на все стороны материальной и духовной культуры человечества на протяжении всей мировой истории.

Ключевые слова:

концепт, дискурс, миф, архетип, энциклопедия.

FIRE

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Federal University,
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Department of political science,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-6453-662X,
E-mail: dipi@nm.ru

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of philosophy,
Doctor of Political Science, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-6920-2549,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

To cite this article: Rusakov, V.M., & Rusakova, O.F. Ogon' [Fire]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 3(36), 172–182. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10312

Abstract

The article for the project of the forthcoming encyclopedia “Discursology” provides a discourse analysis of the concept of “fire” – a very widely worked out in the world culture and has a deep archetypal content. Polysemantic concept of “fire” is already seen in the myths of the peoples of the world. The result of the development of the concept is the allocation of the scientific concept of “fire”, nevertheless preserving the features of its origin. All aspects of the discourse of this concept are analyzed: linguistic, semiotic, axiological, praxeological, institutional and cratological. It shows its powerful impact on almost all aspects of the material and spiritual culture of mankind throughout world history.

Keywords:

concept, discourse, myth, archetype, encyclopedia.

Дискурс концепта «огонь» весьма широко представлен и богато аранжирован в мировой культуре всего человечества. При этом исследование его осложняется, по крайней мере, двумя обстоятельствами: «Теоретическая литература о мифологии огня бедна», констатирует С. Токарев (Мифы народов мира, 1987, т. 2, с. 240), а с другой стороны, следует помнить, что в данном случае анализу

подвергается не научное понятие, а концепт, что требует учета его специфики (Бабушкин, 1996; Степанов, 2004, с. 42, 95; Карасик, Слышкин, 2001).

Лингвистический аспект. Огонь (fire) – имя существительное: огонь (fire, light, flames), пожар (fire), камин (fireplace, chimney, fire, hearth, mantelpiece, grate), пламя (flame, fire, blaze, light), стрельба (shooting, firing, fire, shoot, gunning, fusillade), обстрел (fire, gunning, rafale), жар (heat, fever, glow, fire, fervor, ardor), печь (oven, furnace, stove, heater, cooker, fire), пыл (ardor, fervor, heat, passion, mettle, fire), топка (furnace, fire-box, burner, hearth, heating, fire), свечение (glow, luminescence, fluorescence, phosphorescence, fire), воодушевление (inspiration, spirit, animation, lift, fire, go), лихорадка (fever, pyrexia, ague, shakes, fire, shaking), вдохновение (inspiration, illumination, muse, afflatus, verve, fire).

Глагол: стрелять (shoot, fire, gun, pop, pop off, plink), выстрелить (fire, go off, discharge, go bang, loose off, loose), увольнять (dismiss, fire, retire, lay off, discharge, sack), вести огонь (fire, deliver fire)¹.

О. есть имя существительное: combustion or burning, in which substances combine chemically with oxygen from the air and typically give out bright light, heat, and smoke: «his house was destroyed by fire», «the shooting of projectiles from weapons, especially bullets from guns»; «a burst of machine-gun fire» (т.е. горение, при котором вещества химически соединяются с кислородом воздуха и обычно выделяют яркий свет, тепло и дым: «его дом был уничтожен огнем»; «стрельба снарядами из оружия, особенно пулями из пистолетов»; «пулеметная очередь»). Синонимы: «gunfire, firing, flak, bombardment» («канонада, пальба, огонь, обстрел»). В качестве глагола выражает действие или состояние: discharge a gun or other weapon in order to explosively propel (a bullet or projectile); «he fired a shot at the retreating prisoners» (т.е. «разрядите пистолет или другое оружие, чтобы взрывно продвинуть (пулю или снаряд); «он выстрелил в отступающих пленных»). Синонимы: launch, shoot, discharge, let fly with; shoot, discharge, let off, set off dismiss (an employee) from a job, «having to fire men who've been with me for years» (т.е. «запускать, стрелять, разряжать, пускать летать с; стрелять, производить разряд, спустить, отправлять и увольнять (сотрудника) с работы, «увольнять людей, которые были со мной в течение многих лет»).

Синонимы: dismiss, discharge, give someone their notice, lay off, let go, get rid of, ax, cashier, sack, give someone the sack, boot out, give someone the boot, give someone their marching orders, pink-slip, make redundant supply (a furnace, engine, boiler, or power station) with fuel: «We were constructing wooden housing and using charcoal to fire blast furnaces». Stimulate or excite (the imagination or an emotion): «India fired my imagination» (т.е. уволить, известить кого-то, отпустить, избавиться, топор, кассир, мешок, дать кому-то мешок, выгрузить, дать кому-то ботинок, дать кому-то маршевые приказы, уволить (разг.), сделать резервный запас топлива (печи, двигателя, котла или электростанции): «Мы строили деревянные корпуса и использовали древесный уголь для сжигания в доменных печах. Стимулировать или возбуждать (воображение или эмоцию): «Индия зажгла мое воображение».

¹ Fire (Огонь): <https://www.m-translate.ru/en-ru/word-fire-translation>

Синонимы: stimulate, stir up, excite, awaken, arouse, rouse, inflame, animate, inspire, motivate bake or dry (pottery, bricks, etc.) in a kiln. «The factory uses combined electricity and coal-fired kilns for firing the bricks», «start» (an engine or other device): «with a flick of his wrist he fired up the chainsaw» (т. е. стимулировать, возбуждать, будоражить, пробуждать, будить, разжигать, оживлять, вдохновлять, мотивировать, выпекать или сушить (керамика, кирпич и др.) в печи: «На заводе для обжига кирпича используются комбинированные электрические и угольные печи», «пуск» (двигателя или другого устройства): «Одним движением запястья он запустил бензопилу»)².

Похожие слова: «Fire!», Fire, on fire, fire station, fire up, fire extinguisher, fire engine, catch fire, fire brigade, fire truck, fire escape, fire hydrant (т. е. «Огонь!», Пожар, на пожаре, пожарная часть, зажечь, огнетушитель, пожарная машина, загорается, пожарная команда, пожарная машина, пожарная лестница, пожарный гидрант)³.

Семиотический аспект. Знаково-символическое выражение о. в мировой культуре столь же многообразно (Токарев, 1984): это и метафора для описания самого Бога; жизненной силы; карающий символ («Серный о.»); ада («Геенна огненная»); зарождения человеческой цивилизации («Прометеев о.»); источника власти (огне носец для ношения священного о.); богатства (в Китае); мужской силы (у славян); средство испытания веры и невинности (испытание огнем); религиозной страсти и горения («неопалимая купина»); кармические энергии (в буддизме); один из четырех первоэлементов (стихий). О. символизирует постоянство и преемственность («Вечный о.», «Олимпийский о.»). Одним из наиболее распространенных знаков огня является изображение факела, языков пламени. Часто изображается как сказочная птица Феникс или огненная саламандра.

Семантический аспект. Уже в первом приближении можно видеть несколько главных значений слова «Огонь» – интенсивный процесс окисления, сопровождающийся излучением в видимом диапазоне. В узком смысле – совокупность раскалённых газов и плазмы, выделяющихся в результате: произвольного/непроизвольного нагревания горючего материала до определённой точки при наличии окислителя (кислорода); химической реакции (в частности, взрыва); протекания электрического тока в среде (электрическая дуга, электросварка). Современные электрические технологии позволили разделить в огне нагревание (накаливание) и свет (освещение), поэтому появились т. н. лампы дневного, холодного свечения в отличие от прежних электрических лампочек накаливания (в которых большая часть энергии тратится на нагрев).

В целом термин включает следующий спектр значений:

1. Горящие светящиеся газы высокой температуры, пламя. Сгореть в огне. Бояться кого- чего-н. как огня (очень сильно). Бежать как от огня (очень быстро). В о. и в воду пойдёт за кого-н. (готов на всё ради кого-н.; разг.). Гори всё (синим) огнём (пропади всё пропадом!; прост.).

² Fire / Огонь, пожар, камин: <https://myefe.ru/anglijskaya-transkriptiya/fire> См. также: https://contemporary_en.academic.ru/13704

³ <https://translate.academic.ru/fire/xx/xx/>

2. Свет от осветительных приборов. Огни фонарей. Огни города. Зажечь, включить, погасить, выключить.

3. Боевая стрельба. Открыть о. Прекращение огня (также об окончании военных действий). Под огнём врага. Шквальный о. На линии огня. Вызвать о. на себя (также перен.: самому обратить на себя обвинения, критику). Огонь! (команда стрелять).

4. Перен. внутреннее горение, страсть. О. души, желаний. Глаза горят огнём.

5. Перен. о том, кто полон пылкой энергии, силы (разг.). Юноша о.! Конь о.!

6. То же, что жар (в 4 знач.) (разг.). Большой весь в огне.

7. Вечный огонь – неугасающий факел, зажжённый на месте захоронения героев войны, на могиле Неизвестного солдата. В огне сражений, войны (высок.) в боях. Игра с огнём о неосторожных действиях, чреватых опасными последствиями. Между двух огней об опасности, грозящей с двух сторон. Из огня да в полымя попасть (разг.) из плохого положения в ещё худшее. Огнём и мечом пройти (высок.) беспощадно уничтожить, разорить войной. Днем с огнём не сыщешь кого (чего) (разг.) трудно, невозможно найти. Прошёл огонь, воду и медные трубы – о человеке, много испытавшем или со сложным и небузупречным прошлым, уменьш. огонёк, – нька (-ньку), м. (к 1, 2 и 3 знач.). Теплится о. Подбросить (прибавить) огоньку (усилить стрельбу).

8. На огонёк заглянуть (зайти) к кому зайти к кому-н. ненадолго первонач. зайти, увидев свет в окне.

Прил. огневой, -ая, -ое (к 1 и 3 знач.) и огненный, -ая, -ое (к 1 знач.). Огневое бурение (способ проходки скважин путём применения горящих газов; спец.). Огневая мощь. О. вал. Огневая позиция (позиция для ведения огня). Огневая точка (пулемёт, орудие на огневой позиции). Огневая подготовка (обучение применению оружия). Огненные языки (о пламени). Люди огненной профессии (о тех, кто плавит металл, работает с огнём; высок.)» (Толковый словарь Ожегова, 2001).

Существенное расширение поля значений концепта о. и происхождения его дает экскурс в мифологию (т. е. активация архетипических пластов его): в древнеиндийской мифологии олицетворением о. был Агни, в греческой и римской мифологии с о. отождествлялось несколько божеств (Гефест, Прометей, Веста, Гестия и другие), а в кельтской мифологии богиня о. называлась Бригид. Хорошо известна концепция Гераклита о мире как об о. – «мерами возгорающемся и мерами потухающем». В зороастризме о. выступает как сугубо священная стихия и воплощение божественной справедливости, Арты. Царь о. – одно из имён персонифицированного грома в русской и белорусской сказке. О. (Гром, Перун) муж царицы Молоны (рус. Маланьца, белорус. Молонья и т. п.); эта супружеская пара преследует Змея (царя Змиулана) и сжигает его стада (Мифы народов мира, 1987, т. 2, с. 239).

У народов Севера о. представлялся в виде женского образа – «матери», «хозяйки очага» и т. п., а у якутов и бурят – в мужском образе «хозяина» (Мифы народов мира, 1987, т. 2, с. 239). В средневековом мистицизме саламандры были низшими духами о., обитавшими в нём. У современных православных, придерживающихся старого стиля, на Пасху в Иерусалиме проводится обряд зажигания (снисхождения) так называемого «благодатного о.». Как правило, пламя изрыгают драконы во многих мифологиях.

Наряду с водой, землёй и воздухом, о. считался одной из четырёх стихий (первоэлементов) и в связи с этим занимал важную роль, особенно в античной философии (у Гераклита), а также в алхимии. В западной астрологии элемент о. связан с зодиакальными знаками Овна, Льва и Стрельца, его доминанта – Солнце. В китайской астрологии о. – одна из пяти стихий, и связывался с планетой Марс, энергией ци, югом, летом, красным цветом, горьким вкусом и резким, жгучим запахом, и т. д. Придание о. сверхъестественных свойств («божественный о.») дало расширение поля значений концепта до о. как психической энергии («жар души», «огненное сердце Данко», «пыл воображения», «о. (большевистский) в груди»), мистической силы («огненный взор») (Багдасарян, Орлов, Телицын (ред.), 2005).

Широту спектра значений концепта о. можно видеть в схематизмах и стереотипах массового сознания: «Сжечь за собою мосты» – принять окончательное бесповоротное решение, расстаться; «сгорать от нетерпения», «сгорать от стыда», «пылать от гнева», «погореть», «обжечься на каком-то деле» (проигрышная ситуация); «ты меня зажигаешь» – делаешь активным, возбуждённым, влюблённым; находиться «меж двумя о.» – положение без выбора; «подлить масло в о.» – усугубить ситуацию; «из о. да в польмя» – отсутствие выбора в сложной ситуации; «перегореть» – перехотеть; «днём с о. не сыскать», «о. очищения», «о. страстей, о. желаний»; «сгорел на работе» – быстро растратил, истощил себя; «вызвать о. на себя» – неосторожный поступок, промашка, защита другого; «угореть в бане» – отравиться угарным газом; «прожигать жизнь» – безмерно кутить; «это горит» – т. е. надо сделать срочно, быстро; «дело выгорело» – получилось; «вспыхнула вдруг (ссора, вражда)»; «горящая (срочная) путёвка»; «играть с о.» – рисковать; «погореть на каком-то деле» – проиграть, потерять, разориться; «зажигательная девушка, женщина» (привлекательная) (Идиоматический сонник).

Широкий спектр эпитетов в языке связан со свойствами о. – яркостью, цветом, температурой, характером горения, свечения (Словарь эпитетов, 1979).

Праксиологический аспект. Считается, что открытие способа добывания огня явилось прямым следствием обработки камней ещё в раннем палеолите «впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства» (Поршнев, 1955). «В истории культуры первоначально использовался природный огонь» (Большой Энциклопедический словарь, 1997), позже люди освоили кулинарную функцию огня (коптили пищу на дыму, затем стали жарить на открытом огне и печь в золе, в эпоху неолита (с изобретением керамических сосудов) освоили варение). Наряду с кулинарной функцией огня была открыта его отопительная и осветительная функция (последняя потребовала изобретения просмоленных факелов, масляных ламп). Также в эпоху неолита огонь стал широко использоваться для обжига глины, плавки металлов и очищения места под пашню (подсечно-огневое земледелие). С развитием цивилизации огонь использовался как оружие уничтожения (греческий огонь, калёное ядро, огнемёт, коктейль Молотова, огне-стрельное оружие) и как средство передачи информации – оптический телеграф, световая сигнализация (Научно-технический энциклопедический словарь).

В прошлом и сегодня используются следующие способы добычи огня: а) трение (твёрдого дерева о более мягкое); б) высекание (ударением друг о друга камней и получением искр, которые зажигали ранее подготовленный трут); в) электричество (молния, постоянный и переменный ток и другое) – так

работают современные приборы зажигания для получения огня и воспламенения веществ (топливовоздушных смесей и взрывчатых веществ), затем на основе комбинации этих способов появились практики производства и применения спичек и зажигалок; г) химический способ: катализ.

В современном военном деле остается много архаических элементов, доставшихся от истории: под «огнём» понимается стрельба из огнестрельного оружия (пулями или другими снарядами, но уже отнюдь не стрелами). Такой смысл слово обрело по причине того, что первые образцы огнестрельного оружия были фитильными, отсюда же команда «Пли» при огне из артиллерийских орудий.

О. как экстремальное нагревание, запускающее химическую реакцию окисления с выделением еще большей энергии, был и остается весьма опасным спутником человека на протяжении всей его жизни, поэтому выработались не только практики добычи и использования о., но и борьбы с его самопроизвольным возникновением и неконтролируемым распространением (противопожарные мероприятия, охрана, службы тушения). Пожар – процесс возгорания, территория которого в данный момент по какой-то причине не может держаться в рамках, он опасен не только собственно жаром, о., но и продуктами горения (ядовитыми газами). Иногда является следствием взрыва или поджога. Сложилась практика страхования от о.

«Убийственная» способность о. издавна использовалась в таких антропологических практиках, как войны, преступления, пытки и казни: для уничтожения противников, нанесения ущерба. Сожжение на костре в Средние века имело широкое распространение как один из видов смертной казни, в особенности – для тех, кого признавали еретиками. Не менее экстремальный характер имеют практики «самоожжения» – в знак протеста против социально-политического угнетения. Не прошли мимо о. и игровые практики, занимающие, как известно, весьма значительное место в человеческой культуре (Хейзинга, 1992): игры с огнем – с древнейших времён существуют различные приёмы игры с огнём (огненный выдох, жонглирование горящими предметами, тушение пальцами или хлыстом огня, и т. п.), применение о. при постановке фокусов и трюков, развлекательных шоу (фейерверки, бенгальский о.). Сегодня Интернет перенасыщен бесчисленными играми (в т. ч. – с о.).

Аксиологический аспект. О. – как социальная ценность (заметим, амбивалентная): с древнейших времен люди постигли его грозные свойства, требовавшие почтительного отношения к нему. О. боялись («боялся его как о.»), его жаждали («благодатный о.»), почитали его («о. домашних очагов», «Вечный о.» на могилах павших героев, «Олимпийский о.»), усматривали его разнообразные проявления в поведении и жизни людей («холодный о. ярости, мести», «жар души», «пламень воображения»). Многообразие значений и смыслов этого концепта, архетипических, рациональных и художественно-образных его «слоев» исключительно разнообразно выразилось в мифологии, мировой художественной и научной литературе, во всех видах и жанрах искусства (Аверинцев, 1972, с. 154): симфоническая поэма «Прометей» («Поэма огня», 1911) А. Скрябина, «Огонь» (фр. «Le Feu») – роман французского писателя А. Барбюса 1916 г. о событиях, происходивших на Западном фронте Первой мировой войны; «Огонь» – советский мультфильм 1971 г.; «Огонь» – советский художественный фильм 1973 г.; «Огонь» – индийский художественный фильм 1996 г. и пр.

Институциональный аспект. «Огневой» дискурс имеет вполне внятно и разнообразно выраженный институциональный аспект: в культуре о., его различные модификации и свойства (обогрев, отопление, освещение, энергия) получили разнообразную институционализацию (статус, нормирование, регулицию, в т. ч. – правовое регулирование).

Статус о., с одной стороны, – высокий (высоко значимые стороны мироздания и жизни людей обозначает, символизирует), а с другой – низкий (негативный, как средства наказания, поражения и бедствия). В Древнем Риме о. хранился в храмах Весты (его жрицами-девами – весталками). В христианстве о., как правило, ассоциируется с адом («Геенна огненная») и Сатаной, но есть и благодатный о., праведный о., ассоциируемый с Богом. Поверья и обряды, связанные с так называемым «живым» о. («животворящим», «благодатным», «священным»), представляются, большей частью, остатками древних культов, распространённых среди индоевропейских народов: например, при зажигании купальских костров, для перегона скота во время эпизоотий и для предотвращения падежа его. Высокая символическая нагруженность о. проявляется во время различных торжеств и празднеств: зажигание и поддержание «Вечного о.» (Вечный огонь); добывание (от Солнца) «Олимпийского о.» (Олимпийский огонь) и его эстафета по странам и континентам, передача к месту проведения современных Олимпийских игр; факельные шествия. В отличие от древних обрядов, когда о. использовался для сожжения жертвенных животных, в современном мире огромное значение имеет использование о. как освещения, источника света: праздничные фейерверки, освещение и подсветка зданий и сооружений, салюты из огнестрельного оружия (артиллерии).

Этим определяются многообразные практики использования о.: сакральные (при отправлении религиозных культов, в обрядах, празднествах и т. п.) и профанные, утилитарные (использования различных свойств о. для удовлетворения повседневных нужд человека и общества, поддержания его жизнедеятельности). Отдельную сферу статусно закреплённых практик представляет световая сигнализация, проделавшая эволюцию от древних сигнальных костров до современных средств освещения и сигнализации (неподвижная и используемая на транспортных средствах – автомобилях, самолетах, кораблях и т. п.).

Отсюда вытекает разнообразная регуляция о. и отношения к нему: правила, нормы, предписания и запреты. Высокая опасность о. с древнейших времён привлекала людей, придавая ему особенный статус: для использования его как мощного средства поражения в различных войнах и конфликтах («предать огню», «огнем и мечом»), а также совершения убийств (казней): тип ритуального убийства с помощью о. – человеческое или животное жертвоприношение. В настоящее время человеческое расценивается как убийство и сектантство и запрещено во всех странах мира, а животное не практикуется, хотя оба вида используются некоторыми сектами и религиозными течениями до сих пор. В ряде стран саможжение несёт ритуальный характер – в индуизме широкое распространение имело самосожжение вдов (саги), когда вдову погибшего супруга надлежало сжечь вместе с ним, или же она сама бросалась в костёр. В настоящее время это явление запрещено законом и классифицируется как самоубийство. Кроме того, этот способ употребляется как один из способов самоубийства (в знак протеста против чего-либо: социально-политического угнетения, репрессий). Примеры

регуляции отношения к о. и его использования весьма разнообразны: от основанных на обычае и традиции древних правил, запретов и предписаний (добывания, хранения и передачи о., особенного отношения к нему) до современных научно-обоснованных и законодательно закрепленных правил так называемой противопожарной безопасности и деятельности соответствующих организаций и служб (ГОСТ 12.1.044–2018).

Кратологический аспект. Нельзя обойти вниманием рассматриваемый в дискурс-анализе кратологический аспект, рассматривающий дискурс как властно-распорядительный ресурс (Русакова О.Ф., Спасский А.Е., 2006, с. 151). Властная сила дискурсов (по М. Фуко) состоит в заключенных в них правилах, предписаниях и запретах, проявляющихся в навязываемых (зачастую вполне репрессивно, хотя и неявно) оценочных схемах, разделяющих слова и мысли, речи и поступки на дозволенные и недозволенные, правильные и неправильные, нормальные или патологические, приличные и неприличные, публично артикулируемые или подлежащие умолчанию: «Именно в дискурсе власть и знание оказываются сочлененными» (Фуко, 1996, с. 202). Ж. Бодрийяр уточнял, что дискурс есть власть социальных знаковых форм, включая мир вещей вместе с их заместителями – симулякрами (Бодрийяр, 2001, с. 177). Все указанное мы находим, рассматривая дискурс о. на протяжении всей его длительной истории: мифологические представления и сакрализация сущности о. приводили к появлению строго регламентированных практик добывания, хранения и применения о. (например, в массовом сознании широко распространены поверья, что в о. нельзя плевать, тем более – мочиться). Регламентировались разнообразные, известные с Древности, приемы и способы употребления о. в обрядах жертвоприношения, религиозно-мистических ритуалах и т.п. Дальнейший прогресс в понимании сущности процесса горения как химической реакции приводит как к многообразной диверсификации социально-антропологических практик обращения с о., так и углубленной (и даже скрупулезной – в научно-технологическом дискурсе о.) регуляции и регламентации всего, что связано с о. (от повседневного «спички детям не игрушка!» до изощренных противопожарных правил и технологий, экзаменов и массовых учений; от рекомендаций работать «с огоньком» до lamentаций в духе «гори оно все синим огнем!»; от простейшего «при пожаре звоните по телефону № №» до постановки задачи разработки полномасштабных государственных программ правового, технологического и информационного обеспечения безопасного обращения индивидов и общества с о. во всех его проявлениях.

Список литературы

1. Аверинцев, С.С. (1972). Аналитическая психология К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии. *О современной буржуазной эстетике* (Вып. 3, с. 110–155). М.: Искусство.
2. Бабушкин, А.П. (1996). *Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка*. Воронеж: Изд-во ВГУ.
3. Багдасарян, В.Э., Орлов, И.Б., Телицын, В.Л. (2005). *Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия*. М.: ЛОКИД-ПРЕСС; РИПОЛ классик.
4. Бодрийяр, Ж. (2001). *Система вещей*. М.: Изд-во «Рудомино».

5. *Большой Энциклопедический словарь* (Изд-е 2-е, доп.). (1997). М.: Большая Российская энциклопедия. Взято с <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1753627>
6. *Вечный огонь*. (без даты). Взято с https://ru.wikipedia.org/wiki/Вечный_огонь
7. *ГОСТ 12.1.044-2018 Система стандартов безопасности труда. Пожаровзрывоопасность веществ и материалов. Номенклатура показателей и методы их определения*. (без даты). Взято с https://allgosts.ru/13/220/gost_12.1.044-2018
8. *Идиоматический сонник*. (без даты). Взято с <http://www.astromeridian.ru/sonnik/2/935.html>
9. Карасик, В.И., Слышкин, Г.Г. (2001). Лингвокультурный концепт как единица исследования. В И.А. Стернин (Ред.), *Методологические проблемы когнитивной лингвистики* (с. 75–80). Воронеж: ВГУ.
10. *Мифы народов мира* (В 2-х т., 2-е изд.). (1987). М.: Советская энциклопедия. Взято с https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/slovari_ehnciklopedii/mify_narodov_mira_enciklopedija_toma_2_izdanie/23-1-0-714
11. *Научно-технический энциклопедический словарь*. (без даты). Взято с <http://my-dict.ru/dic/nauchno-tehnicheskij-enciklopedicheskij-slovar>
12. *Олимпийский огонь*. (без даты). Взято с https://ru.wikipedia.org/wiki/Олимпийский_огонь
13. Поршнев, Б.Ф. (1955). О древнейшем способе получения огня. *Советская Этнография*, (1), 7–15.
14. Русакова, О.Ф., Спасский, А.Е. (2006). Дискурс как властный ресурс. *Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ* (с. 151–164). Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи».
15. *Словарь эпитетов русского языка*. (1979). Л.: Ленинградское отделение изд-ва «Наука». Взято с <https://scicenter.online/literatura-russkaya-scicenter/slovar-epitetov-russkogo-literaturnogo-yazyika.html>
16. Степанов, Ю.С. (2004). *Константы: Словарь русской культуры* (Изд. 3-е, испр. и доп.). М.: Академический проект.
17. Токарев, С. (1984). Символика огня в истории культуры. Мифологические представления о происхождении огня. *Природа*, (9). Взято с http://scepisis.ru/library/id_844.html
18. *Толковый словарь Ожегова*. (2001). Взято с <https://onlinedic.net/ozhegov/>
19. Фуко, М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М: Касталь.
20. Хейзинга, И. (1992). *Ното Ludens*. М.: Изд. группа «Прогресс».

References

1. Averincev, S.S. (1972). Analiticheskaya psihologiya K.-G. Yunga i zakonomernosti tvorcheskoj fantazii [Analytical Psychology of K.G. Jung and the laws of creative imagination]. *O sovremennoj burzhuaznoj estetike* (Vyp. 3, s. 110–155). М.: Iskusstvo.

2. Babushkin, A.P. (1996). *Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of concepts in the lexical and phraseological semantics of the language]. Voronezh: Izd-vo VGU.
3. Bagdasaryan, V.E., Orlov, I.B., & Telicyn, V.L. (2005). *Simvoly, znaki, emblemy: Enciklopediya* [Symbols, signs, emblems: Encyclopedia]. M.: LOKID-PRESS; RIPOL klassik.
4. Bodriyyar, Zh. (2001). *Sistema veshchej* [System of things]. M.: Izd-vo «Rudomino».
5. *Bol'shoj Enciklopedicheskiy slovar' (Izd-e 2-e, dop.)* [Big Encyclopedic Dictionary (2nd ed.)]. (1997). M.: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya. Retrieved from <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1753627>
6. Fuko, M. (1996). *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. M: Kastal'.
7. *GOST 12.1.044-2018 Sistema standartov bezopasnosti truda. Pozharovzryvoopasnost' veshchestv i materialov. Nomenklatura pokazatelej i metody ih opredeleniya* [GOST 12.1.044-2018 Occupational safety standards system. Fire and explosion hazard of substances and materials. Nomenclature of indicators and methods for their determination]. (n.d.). Retrieved from https://allgosts.ru/13/220/gost_12.1.044-2018
8. Hejzinga, I. (1992). *Homo Ludens*. M.: Izd. gruppa «Progress».
9. *Idiomaticheskij sonnik* [Idiomatic dream book]. (n.d.). Retrieved from <http://www.astromeridian.ru/sonnik/2/935.html>
10. Karasik, V.I., & Slyshkin, G.G. (2001). *Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovaniya* [Linguistic and cultural concept as a unit of study]. V I. A. Sternin (Red.), *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki* (s. 75–80). Voronezh: VGU.
11. *Mify narodov mira* (V 2-h t., 2-e izd.) [Myths of the world (2nd ed., Vols. 1–2)]. (1987).. M.: Sovetskaya enciklopediya. Retrieved from https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/slovari_ehnciklopedii/mify_narodov_mira_enciklopedija_toma_2_izdanie/23-1-0-714
12. *Nauchno-tehnicheskij enciklopedicheskiy slovar'* [Scientific and technical encyclopedic dictionary]. (n.d.). Retrieved from <http://my-dict.ru/dic/nauchno-tehnicheskij-enciklopedicheskiy-slovar>
13. *Olimpijskiy ogon'* [Olympic flame]. (n.d.). Retrieved from https://ru.wikipedia.org/wiki/Олимпийский_огонь
14. Porshnev, B.F. (1955). *O drevnejšem sposobe polucheniya ognya* [About the ancient way to get fire]. *Sovetskaya Etnografiya*, (1), 7–15.
15. Rusakova, O.F., & Spasskiy, A.E. (2006). *Diskurs kak vlastnyj resurs* [Discourse as a power resource]. *Sovremennye teorii diskursa: mul'tidisciplinarnyj analiz* (s. 151–164). Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi».
16. *Slovar' epitetov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Epithets]. (1979). L.: Leningradskoe otделение izd-va «Nauka». Retrieved from <https://scicenter.online/literatura-russkaya-scicenter/slovar-epitetov-russkogo-literaturnogo-yazyika.html>
17. Stepanov, Yu.S. (2004). *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* (Izd. 3-e, ispr. i dop.) [Constants: Dictionary of Russian Culture (3rd ed.)]. M.: Akademicheskij proekt.

18. Tokarev, S. (1984). Simvolika ognya v istorii kul'tury. Mifologicheskie predstavleniya o proiskhozhdenii ognya [Symbolism of fire in the history of culture. Mythological ideas about the origin of fire]. *Priroda*, (9). Retrieved from http://sceptis.ru/library/id_844.html

19. *Tolkovyj slovar' Ozhegova* [Explanatory Dictionary Ozhegova]. (2001). Retrieved from <https://onlinedic.net/ozhegov/>

20. *Vechnyj ogon'* [Eternal flame]. (n.d.). Retrieved from https://ru.wikipedia.org/wiki/Вечный_огонь

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте: rusakova_mail@mail.ru. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2010 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования, 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Нye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.
16. Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер в тексте статьи. Нумерация иллюстраций – сквозная. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисовочными подписями должен быть также предоставлен

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

1. **УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
2. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
3. **Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в списке.
4. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов Иван Иванович**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.
5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 240–280 слов. Желательно, чтобы в аннотации была отражена следующая информация: цель, методы исследования, результаты, научная новизна.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов.

Англоязычная часть статьи:

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov Ivan Ivanovich**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение (Introduction) – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования (Results) – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение (Conclusion) – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
Список литературы (на русском языке) – формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском. Должен содержать не менее 10 источников. Необходимо минимизировать цитирование учебных пособий, справочников, диссертаций, текстов, размещенных на сайтах. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Варианты оформления:

Автор, А.А. (2018). *Название книги*. Издательство.

Автор, А.А. (2018). *Название статьи*. *Название журнала*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Автор, А.А. (2018, 12 января). *Название документа* [Формат документа]. Взято с URL

Формат даты на русском языке: (год, день месяц). Формат даты на английском языке: (год, Месяц день). Если дату установить невозможно, в скобках указывается (без даты) или (n.d.) – для англоязычных источников.

Пример:

Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

References (список литературы на английском языке) – формируется в алфавитном порядке. Англоязычные источники остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации. Варианты оформления:

Author, A.A. (2018). *Nazvanie knigi* [Title of the book]. Moscow: Gnosis.

Author, A.A. (2018). *Nazvanie stat'i* [Article title]. *Nazvanie zhurnala*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx

Author, A.A. (2018, January 12). *Nazvanie dokumenta* [Document's name]. Retrieved from URL

Примеры оформления списка литературы

Тип источника	В списке литературы
Книга, монография	Автор, А.А. (2018). <i>Название книги</i> . Место: Издательство. Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Книга, монография (организация указана в качестве автора)	Название организации. (2003). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.
Книга, монография (без указания авторов)	<i>Название книги</i> (6-ое изд.). (2005). Место: Издательство. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Книга, монография (с указанием редактора)	Редактор, А.А., Редактор, Б.Б., Редактор, В.В. (Ред.). (2012). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи». Editor, J.J., Editor, A.A., & Editor, P.P. (Eds.). (2012). <i>Book title: And subtitle</i> . Abingdon: Routledge.
Статья	Автор, А.А. (2015). Название статьи. <i>Название журнала, том(номер), страницы</i> . doi: xx.xxxxxxxx Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358 Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4
Электронный ресурс (статья)	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15(2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Электронный ресурс (газета, журнал)	Автор, А. (2015, 12 января). Название статьи. <i>Название газеты, том(выпуск)</i> . Взято с URL Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i> . Retrieved from http://www.sundaytimes.com
Электронный ресурс (веб-страница, есть автор)	Если страница имеет нетипичный формат (например, блог, очерк, видео, твит и т.п.), укажите его в квадратных скобках. Автор, А. (2018, 9 марта). <i>Название документа [Формат документа]</i> . Взято с URL Author, A. (2011, March 9). <i>Title of document [Format description]</i> . Retrieved from URL
Электронный ресурс (веб-страница, нет автора)	<i>Название веб-страницы</i> . (дата). Взято с URL <i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> . (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/ <i>Oxford Electric Bell</i> . (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell

Примеры оформления списка литературы на английском языке (References)

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
Статья (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Электронный ресурс	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15(2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644	Karaganov, S. (2017). O novom yadernom mire. Kak ukrepit' sderzhivanie i sohranit' mir [About New Nuclear World. How to Strengthen Deterrence and Keep the Peace]. <i>Rossiya v global'noj politike</i> , 15(2), 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644
	Пучков, П. (2017, 10 апреля). <i>Современные «революции» / Революция и современность</i> . Взято с http://gefter.ru/archive/21809#anchor1	Puchkov, P. (2017, April 10). <i>Sovremennyye «revolyutsii» / Revolyutsiya i Sovremennost'</i> [Modern «revolutions» / Revolution and Modernity]. Retrieved from http://gefter.ru/archive/21809#anchor1
	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> . (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/	<i>Rabochaya poezdka Tat'yany Golikovoј v Murmanskuyu oblast'</i> [Working visit of Tatiana Golikova to the Murmansk region]. (2019, July 12). Retrieved from http://government.ru/news/37355/

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in «Discourse-P» scientific journal.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. The article should be sent to the editorial office by e-mail: rusakova_mail@mail.ru. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2010 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA style is used (<https://apastyle.apa.org/>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a «quoted text» (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the typographic version «» is used. A dash is indicated by the symbol «-» (middle dash); hyphen «-».
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number in the text of the article. The numbering of illustrations should be continuous. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If financial support was provided to the author when writing an article, this should be mentioned in a footnote.
4. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Smith Jonh**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 240–280 words. It is desirable that the following information be reflected in the annotation: purpose, research methods, results, scientific novelty.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words.

Russian part of the article:

7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Смит Джон**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
10. **Abstract** (abstract in Russian) – width alignment.
11. **Keywords:** (keywords in Russian) – width alignment.

The main text of the article (in English):

12. The main text of the article should be divided into sections. It is desirable that the following information be reflected in the text of the article:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, the degree of research in science, the purpose of the article, the research technique and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were undertaken both by the author and other researchers. Subheadings are desirable in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
References – is formed in alphabetical order. First come the sources in Russian, then in English. Must contain at least 10 sources. It is necessary to minimize the citation of textbooks, reference books, dissertations, texts posted on websites. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA style: <https://apastyle.apa.org/>.
Design Options:

Author A.A. (2018). *Title of the book*. Publisher.

Posted by A.A. (2018, May). Article title. *Journal title*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx

Author, A.A. (2018, January 12). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

Date format (year, month day). If the date cannot be set, in brackets is indicated (without date) or (n.d.).

Example: Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	<p>Author, A.A. (2018). <i>Book title</i>. Location: Publisher.</p> <p>Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i>. M.: Gnosis.</p> <p>Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i>. New York, NY: Routledge.</p>
Book, monograph (organization indicated in as an author)	<p>Name of the organization. (2003). <i>Book title: subtitle</i>. Location: Publisher.</p> <p>Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i>. Moscow: Freedom.</p>
Book, monograph (without authors)	<p><i>Book Title</i> (6th ed.). (2005). Location: Publisher.</p> <p><i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.</p>
Book, monograph (with the indication of the editor)	<p>Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (2012). <i>Book title: subtitle</i>. Location: Publisher.</p> <p>Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i>. Ekaterinburg: Publ. House «Discourse-P».</p>
Article	<p>Author, A.A. (2015). Article title. <i>Journal name, volume(issue number)</i>, page(s). doi: xx.xxxxxxxx</p> <p>Fishman, L.G. (2018). Undereducated community. <i>Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law Ural. branches of the Russian Academy of Sciences</i>, 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358</p> <p>Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i>, 6(1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4</p>
Electronic resource (article)	<p>Karaganov, S. (2017). About the new nuclear world. How to strengthen containment and maintain peace. <i>Russia in global politics</i>, 15(2), 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-1864</p>
Electronic resource (newspaper, magazine)	<p>Author, A. (2015, January 12). Article title. <i>Newspaper name, volume(issue number)</i>. Retrieved from URL</p> <p>Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i>. Retrieved from http://www.sundaytimes.com</p>
Electronic resource (web page, author presents)	<p>If the page has an atypical format (for example, a blog, essay, video, tweet, etc.), indicate it in square brackets.</p> <p>Author, A. (2011, March 9). <i>Document name</i> [Format description]. Retrieved from URL</p>
Electronic resource (web page, no author)	<p><i>Webpage name</i>. (date). Retrieved from URL</p> <p><i>Oxford Electric Bell</i>. (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell</p>